

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. А. Реферовская

ИСТОКИ АНАЛИТИЗМА
РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(очерки по синтаксису
раннесредневековой
латыни)

558 488

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва — Ленинград
1966

А Н И О Т А Ц И Я

Работа посвящена анализу характерных особенностей синтаксиса письменного латинского языка в предроманский период (VI—VIII вв.). Автор приходит к выводу, что описываемые особенности представляют собой результат влияния живой романской речи; из этого следует, что такая речь существовала в указанный период, т. е. задолго до появления ее первых письменных памятников.

Книга предназначена для специалистов по истории латинского и романских языков.

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р

И. М. Т Р О Н С К И Й

В В Е Д Е Н И Е

Одной из основных проблем романистики является вопрос о времени возникновения романских языков. Многие исследователи пытались разрешить его. В их распоряжении имелись памятники романской письменности, которые относятся, впрочем, уже к довольно позднему времени. На территории бывшей Галлии такими памятниками являются, например, Кантилена о Евлалии, Жития Алексея и Леодегария и ряд других. Они написаны стихами, язык их уже в значительной степени литературно отработан, выразителен, это уже французский язык. Написание слов отражает их произношение, которое уже очень далеко ушло от их некогда латинского облика. Морфология и синтаксис носят отчетливо системный и достаточно стройный характер и, хотя и могут быть в основных своих элементах возведены к латыни, являются уже чисто романскими. Перед исследователями — новый язык. В таком законченном виде он не мог возникнуть внезапно. Французский язык IX—X вв., далеко ушедший от своего источника — латыни, есть результат длительного развития.

Весьма возможно, что дошедшие до нас памятники не являются первыми образцами французской письменности. Некогда высказанное Фердинандом Брюно предположение о том, что более ранние памятники французской письменности могли просто не дойти до нас, могли оказаться утраченными, представляется вполне вероятным.

Но если можно допустить, что не дошедшие до нас письменные памятники все же существовали до IX в., то тем более очевидно, что их появлению должно было предшествовать образование устной романской речи. Нельзя ли предположить, что население говорило на своем языке, который уже перестал быть латинским, в то время как языком письменности продолжала оставаться латынь?

Новая, романская, речь еще не создала письменной традиции, еще даже не начала ее вырабатывать. История знает случаи, когда на заре исторического развития народа его устная речь не

имеет своего письменного отражения. Известно, например, что еще в XIV—XV вв. письменным языком романского населения Молдавии и Валахии был язык славянский.

Грамотность в раннесредневековой Румынии предполагала умение читать и писать по-латыни. Читали главным образом церковные книги и христианских авторов, лишь изредка произведения недуховного характера, еще реже — классическую литературу. Писали по-латыни. Во всяком случае стремились писать по-латыни и даже думали, вероятно, что письменная речь грамотных людей этой поры не очень сильно отклоняется от настоящего, старого латинского языка.

На самом деле, однако, письменный латинский язык раннего средневековья значительно отличался от латыни I—II вв. С одной стороны, на нем отразилось развитие языка в пору, последовавшую за прекращением классической литературной традиции. Это развитиешло по путям, наметившимся ранее. С другой стороны, на письменный язык грамотеев меровингской эпохи не могла не оказывать влияния устная речь, которая звучала вокруг, язык, на котором говорили они сами.

Исследователь пытается приблизиться к моменту первого возникновения романской речи, стремится представить себе эту живую речь в первые периоды ее существования, когда она еще не была закреплена и зафиксирована на письме. Его задача состоит в том, чтобы найти следы ее влияния в языке письменных памятников эпохи.

Трудность заключается в том, чтобы распознать черты нового и притом живого романского языка в латинском языке памятников. Однако черты эти могут быть выделены на всех уровнях языка. В наименьшей степени изучена с этой точки зрения грамматика и особенно синтаксис.

Автор настоящей работы ставит перед собой именно такую задачу — исследовать синтаксические явления раннесредневековой латыни, в основном меровингских памятников, с целью найти в ней черты живой романской речи, звучавшей на территории романской Галлии в пору создания этих памятников.

Некоторые синтаксические явления, касающиеся системы имени в раннесредневековой латыни, были проанализированы автором в работе «Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода» (М.—Л., 1964). Настоящая работа посвящена синтаксису глагола. В ней рассматриваются инфинитивные конструкции и положение *verbum finitum* в предложении — вопросы, представляющиеся автору наиболее интересными.

Материалом для исследования послужили главным образом Хроники, Жития и Деяния галльского происхождения, описания паломничеств, медицинские справочники и т. п., написанные не позже VIII в.

ИНФИНИТИВНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ
В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТЫНИ

Инфинитив в классической латыни

Латинский инфинитив представляет собой глагольное существительное и в качестве такового обозначает понятие действия, не помещенное ни в какой временной план, и не указывает на действующих лиц.¹

Войдя в систему латинского спряжения, однако, инфинитив получил и временную отнесенность, и залоговую, как это свойственно глагольной форме. Но он не утратил полностью характеристики существительного. Это сказалось отчасти в приписывании ему супплетивных форм склонения (формы герундия в косвенных падежах). Главным же образом это сказалось в возможности употребления инфинитива в именных функциях и в возможности его полной субстантивации. Еще Присциан упоминал, что греки и латиняне охотно употребляли инфинитив «*loco nominum; illi quidem pro omni casu, nos autem pro nominativo vel accusativo. Loco enim genetivi vel dativi vel ablativi et accusativi cum praepositione gerundiis vel supinis utimur*»² «... вместо имени; они — вместо любого падежа, мы же — вместо номинатива и аккузатива. Вместо генетива, датива и аблатива или аккузатива с предлогом мы пользуемся герундиями и супинами».

В качестве субстантива инфинитив может служить в классической латыни подлежащим, именной частью сказуемого и дополнением, прямым или косвенным. Такое употребление хотя и не слишком распространено, но возможно.

Латинский инфинитив актива (*infinitivus praesentis activi*) представляет собой застывшую форму локатива древнего суще-

¹ A. Ergnout et F. Thomas. *Syntaxe latine*. 2 éd., Paris, 1959; A. Ronconoli. *Il verbo latino*. Bologna, 1948; A. Meillet et J. Vendryes. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. 3 éd., Paris, 1960; A. C. Juret. *Système de la syntaxe latine*. 2 éd., Paris, 1933; F. Stolz und J. Schmalz. *Lateinische Grammatik* bearb. von M. Leumann und B. Hofmann. V. Aufl., München, 1928.

² *Grammaticae Latinae auctores antiqui*. Charisius, Diomedes, Priscianus. Ed. H. Putschius, Hanoviae, 1605, Prisciani grammatici caesariensis quae extant omnia, pp. 529—1358.

ствительного с основой на *-*s-:3* *da-rē*, из древн. *da-sī*. Инфинитив пассива на *-rī*, видимо, восходит к (*da-sei*) — дательному падежу тех же имен с основой на *-s-*. Таким образом, инфинитивные формы в латинском — относительно позднее образование. Они не восходят к общеиндоеuropeanскому периоду, а возникли в процессе становления именно этого языка. Этим же объясняется и близость латинского инфинитива как полуглагольной-полусубстантивной формы к двум другим существительным, тоже представляющим собой застывшие падежные формы, — супину и герундию.

Восходя отчасти к дательному падежу, латинский инфинитив отчетливо сохраняет способность служить обозначению цели. В этом значении он и сталкивается прежде всего с супином и герундием, сопровождаемыми предлогом *ad*.

Употребление инфинитива в качестве дополнения объекта, а затем при каузативных и при модальных глаголах, видимо, представляет собой дальнейшие этапы его развития.

Номинальная природа инфинитива и его употребление в качестве глагольных дополнений привели к появлению при нем предлогов. Именная природа инфинитива в классический период проявлялась в возможности сочетания его с прилагательными — определениями, даже с родительным падежом существительного.

Подлинным существительным инфинитив опять станет, правда, позже, уже в ранних романских языках. В частности, старофранцузский обращался с инфинитивом как со всяким именем, употребляя его в любых именных функциях с предлогами и с артиклем. Сближение с именем скажется на стирании залоговой разницы пассива и актива в инфинитивных формах.

Примеры субстантивного употребления латинского инфинитива, правда не слишком многочисленные, повторяются многими исследователями и составителями латинских грамматик,⁴ иногда лишь с небольшими вариациями.

В качестве прямого дополнения, а затем и подлежащего, инфинитив эпизодически появлялся уже у писателей архаической эпохи:

Hic vereri perdidit... (Pl. Bacch. 158) 'Он потерял всякое чувство уважения...'; tempus... audere repres-
sit (Епп. Апп. 292) 'время... подавило отвагу'; ... sine
pennis volare hau facilest (Pl. Poen. 871) '... нелегко

³ См.: K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II. Strassburg, 1900, S. 392; И. М. Троцкий. История грамматики латинского языка. М., 1960; A. Egnot, F. Thomas, ук. соч.

⁴ A. Egnot, F. Thomas, ук. соч., стр. 255—258; A. C. Juret, ук. соч., стр. 296, 116, 204; A. Meillet, J. Vendryes, ук. соч., стр. 620—622; R. Kühlner, C. Stegmann. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache, II. Hannover, 1912, S. 683—684.

летать без крыльев'; Praeterea meminisse iacet languetque sopore (Lucr. 4, 765) 'В изнеможении сна к тому же и память слабеет';⁵ Ipsum latine loqui est illud quidem in magna laude ponendum (Cic. Br. 140). 'Уже самый факт правильной латинской речи заслуживает большой похвалы'; ... mori nemo sapiens miserum duxit (Cic. Fam. 6, 3, 3) '... никакой мудрец не считал смерть несчастьем'.

Субстантивное употребление инфинитива свойственно, с одной стороны, языку официальному, деловому, с другой — разговорному, непринужденному. Тем более естественно такое употребление инфинитива в языке, близком к разговорному, ибо живой язык дольше сохраняет архаичные черты, не допускаемые в литературную речь. Ср. у Петрония:

Meum intelligere nulla pecunia vendo (Petr. Sat. 52, 3)
'Ни за какие деньги не продаю свое знание'.

Цицерон, правда, почти не прибегал к субстантивированному инфинитиву в речах, а когда применял его, то чаще всего ставил при нем указательное местоимение, напоминающее артикль и как бы способствующее субстантивации инфинитива:

... meque... hoc ipsum nihil agere... delectat (Cic. De or. 2, 24) 'само это ничегонеделание... меня... восхищает'.

Особенно часто инфинитив употребляется как подлежащее в сопровождении именного сказуемого:

... perarduum est demonstrare... (Cic. Verr. 3, 71, 165) '... очень трудно показывать...'; facile est vincere поп геругнантес (Cic. Tusc. 1, 1, 2) 'легко побеждать несопротивляющихся'; Quod facere non turpe est, modo occulte, id dicere obscenum est (Cic. Off. 1, 35, 127) 'Что делать скрытно не непристойно, о том говорить не прилично'.

Именной частью сказуемого служит прилагательное среднего рода. У поэтов и более поздних прозаиков⁶ при *dignum* и *indignum* подлежащим может быть и пассивный инфинитив — у Валерия Максима: *puniri* (2, 9, 1); у Квинтилиана: *legi* (10, 1, 96).

Инфинитив в роли подлежащего есть у Саллюстия и у Лукреция:

⁵ Тит Лукреций Кар. О природе вещей. Перевод Ф. А. Петровского. М., 1946.

⁶ См.: А. Кюнгер. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache, II. Hannover, 1878, S. 537.

... quos omnes eadem *cupere*, eadem *odisse*, eadem *metuere* in ipsum coegit. . . (Sall. Jug. 31, 14) '... каковых людей объединили желание, ненависть и страх в отношении одного и того же. . . '.

Субстантивная природа инфинитива проявляется в возможности появления при нем прилагательного — определения. Появление эпитета при субстантивированном инфинитиве характерно для писателей императорской эпохи:

... illud *iucundum nihil agere*. . . (Plinius, Ep. 8, 9, 1)
'... это приятное ничегонеделание. . . '.

При инфинитиве, как и при всяком существительном, может служить определением родительный падеж местоимения:

Quid autem *huius vivere est?* Diu mori. . . (Sen. Ep. 101, 13). 'Что такое жизнь этого человека? Длительное умирание. . .'; . . . *cuius (=Fabii Cunctatoris) non dimicare vincere fuit* (Val. Max. 7, 3, 7) '... чье «не сражаться» значило «побеждать»'.

Инфинитив — существительное относится к среднему роду:

Nam fovea atque igni prius est venarier ortum (Lucr. 5, 1250) 'Ибо охота [с помощью] западней и огня появилась раньше. . .; темн intellegere. . . nulla pecunia vendo (Petr. Sat. 52, 3) 'мое знание. . . я не продаю ни за какие деньги'.

Субстантивный характер инфинитива, естественно, может привести к появлению при нем предлога. Впервые это засвидетельствовано у Цицерона:

Aristo et Pyrrho — *Inter optime valere et gravissime aegrotare nigil prorsus dicebant interesse* (Cic. Fin. 2, 43) 'Говорили, что между «быть в хорошем здоровье» и «тяжело болеть» нет разницы'; у Сенеки: *Multum interest inter dare et accipere* (Sen. Ben. 5, 10, 2) 'Существует большая разница между «давать» и «получать»'; то же у ряда других писателей при *interest*.

Далее у Горация и Овидия с предлогом *praeter*:

Inveniet nil sibi legatum — *praeter plorare* (Hor. Sat. 2, 5, 69) 'Найдет, что ему ничего не завещано, кроме как плакать'; *praeter amare* (Ov. Her. 18, 16) 'кроме любви'; затем и с другими предлогами: *contra*, *iuxta*, *de* и *ad*.

Иногда приводят примеры из Варрона и Геллия, где инфинитивы сопровождаются предлогами *ab* и *pro*, но эти примеры не очень

удачны, так как в них речь идет не о действиях, обозначенных глаголами, а о самих словах:

tollere appareat dictum pro *corrigere* (Aul. Gell. 1, 17, 5)⁷ 'стали говорить «*tollere*» вместо «*corrigere*»'.

Уже с самых давних пор инфинитив в субстантивном употреблении имел конкурента в виде главным образом герундия. Герундий легко сочетался с предлогами и являлся как бы литературным двойником предложного инфинитива — литературным и, следовательно, более распространенным в письменных памятниках. А. Ронкони⁸ приводит ряд примеров такого предложного герундия, начиная от Энния:

inter ponendum (Enn. Inc. 2, Vahl.); inter agendum (Verg. Ecl. 9, 24).

Параллельно употребляется, при наличии прямого дополнения, герундивная конструкция *inter exponendas res* (Liv. 40, 42, 1).

В поздней латыни, отмечает А. Ронкони, одинаково живучи обе возможности; ср. у Тертулиана:

inter dici et esse (Nat. 1, 5); inter fruendum et utendum (Aug. div. quaest. 30).

Инфинитив также встречается, хотя и не очень часто, в роли именной части сказуемого:

Loquor de docto homine, cui vivere est cogitare (Cic. Tusc. 5, 111) 'Я говорю об образованном человеке, для которого жить значит думать'.

От собственно субстантивного инфинитива как пережиточного явления, быть может, следует отличать номинальное его употребление как глагольной формы, при котором он обнаруживает вновь приобретенное им как частью глагольной системы глагольное управление, а именно — он может сопровождаться дополнением в аккузативе и наречием:

Petere honorem pro flagitio more fit (Pl. Trin. 1035)
'Требовать уважения за бесчестный поступок становится обычаем'; Ab quibus homine... beneficium accipere gaudieas (Ter. Ad. 254) 'Ты был бы рад принять благодеяние... от кого бы то ни было'; ... beate vivere vestrum (Cic. Fin. 2, 86) '... ваше «жить счастливо» (=ваше понимание счастливой жизни)'; Quid est agrum bene.colere? Bene agare (Cato, Agr. 61, 1) 'Что значит хорошо обрабатывать землю? Хорошо пахать'.

⁷ Там же, стр. 158—159.

⁸ См.: A. Ronconi, ук. соч., стр. 158.

В качестве глагольного дополнения цели инфинитив сталкивается в латинском языке, с одной стороны, с дополнительным придаточным предложением, которое позднее будет развиваться отчасти за его счет.⁹ С другой стороны, он оказывается соперником супина, герундия с предлогом *ad* и герундива, за счет которых он будет развиваться сам.¹⁰

Инфинитив цели употреблялся прежде всего при глаголах, обозначающих движение:

Eximus... ludos *visere* (Pl. Cas. 855—856) 'Мы вышли... посмотреть на игры'; *Venerat aurum petere* (Pl. Bacch. 631) 'Он пришел требовать золото'.¹¹

Он представлен и даже значительно у разных писателей:

Non nos... *Libycos populare Penates venimus* (Verg. Aen. I, 527—528) 'Мы пришли не разорять ливийские очаги...'; *Proteus pecus egit altos visere montes* (Ног. Od. I, 2, 7—8) 'Протей повел свое стадо посетить высокие горы'.

Трудно сказать, следует ли искать корни такого употребления инфинитива в его этимологии или это заново возникшая его функция. Разумеется, дательному падежу свойственно обозначение адресата и, в широком смысле, цели. Но в латинском языке в исторические периоды его жизни употребление инфинитива для обозначения цели, при глаголах движения в первую очередь, сохраняется не как пережиток, а как полноценная и перспективная функция.

Если когда-то инфинитив и был в разряде имен, то в латинском языке его глагольность очевидна, хотя и сохраняются известные элементы его именной природы. Однако несомненно, только глагольная форма могла оказаться способной к залоговой, видовой и временной дифференциации, как это и случилось с инфинитивом, который получил специальные формы для активного и пассивного залогов, инфекта и перфекта, наконец для будущего времени.

Из номинальной природы инфинитива проистекает его особенность служить в предложении для обозначения зависимого действия, чем он и отличается по функции от *verbum finitum*.

Целевой инфинитив функционально сталкивается с супином и герундием. Это отглагольные существительные такого же происхождения, как и инфинитив, но не вошедшие столь же прочно, как он, в систему глагола, а располагающиеся как бы на ееperi-

⁹ См.: A. Meillet, J. Vendryes, ук. соч., § 956.

¹⁰ См.: A. Egnot, F. Thomas, ук. соч., §§ 275—276.

¹¹ Ср. у Цезаря (BG, 7, 12): *cum legati ad eum venissent oratum...* 'когда послы пришли к нему просить...'.

ферии. Супин на *-tu* и на *-tum* — древнее существительное — сохраняет две падежные формы — датива-аблатива и аккузатива и употребляется для обозначения цели при глаголах движения (*eo, curro*) или побуждения (*duco, voco*).

В классическую пору супин уже является формой мало употребляемой, умирающей. Так, постепенно совершенно выходит из употребления форма супина на *-tui* (-*sui*).¹²

Более стойкая форма на *-tu* также образуется фактически лишь от некоторых немногочисленных глаголов: *facere, dicere, videre, nasci*.

И. М. Тронский замечает,¹³ что, супин I также заметно идет на убыль. Его еще знают историки (Цезарь, Непот, Ливий), но им уже почти не пользуется Цицерон. В период Империи супин стал исключительной принадлежностью книжного языка.

Что касается герундия, то он представлял собой отглагольное существительное, родственное герундиву — прилагательному, имевшему некогда значение медиопассивного причастия.¹⁴ Постепенно герундив включился в глагольную систему в качестве причастия будущего времени страдательного залога, через развившееся в нем значение долженствования и возможности.¹⁵

Герундию, подобно инфинитиву, свойственны некоторые глагольные черты, а именно — он сохраняет глагольное управление и может определяться наречием. Но как существительное он употребляется в роли дополнения и легко сочетается с предлогами. Он выполняет в предложении функцию обозначения второстепенного действия и таким образом не имеет формы номинатива.

Целевое употребление инфинитива при глаголах развивалось, таким образом, на фоне целевых конструкций с герундивом, герундием и супином:

Antigonum Eumenem mortuum propinquis eius sepelirendum tradidit (C. Nep. 18, 13, 4) ‘Антигон отдал мертвого Эвмена его родственникам для погребения’; . . . legati ad eum . . . veniunt oratum . . . (Caes. BG, VII, 32) ‘. . . к нему пришли послы, для того чтобы просить. . .’.

При глаголах, обозначающих побуждение к действию, классики употребляли также супин, герундий или герундив:

¹² Эту форму можно видеть в Bacch. 62: ista et lepida sunt memoratui ‘это забавно для рассказа’; у Плиния в Естественной Истории (6. 203): aqua potui iucunda ‘вода, приятная для питья’; у Ливия (45. 30, 2): divisui facilis ‘легкий для раздела’ (См.: И. М. Тронский, ук. соч., стр. 285).

¹³ Ук. соч., стр. 286.

¹⁴ Значение это сохранилось в *origundus* ‘происходящий’, *moriundus* ‘умирающий’, *secundus* ‘следующий’.

¹⁵ Значение долженствования, видимо, появилось в герундиве при отрицании: *non ferendus* ‘невыносимый’, ‘тот, которого нельзя вынести’ (см.: И. М. Тронский, ук. соч., стр. 246).

... cum ipso anni tempore *ad gerendum bellum vocaretur* (Caes. BG, VII, 32) '... когда самим временем года побуждался к ведению войны'.

Иногда, однако, в аналогичной ситуации герундив заменялся инфинитивом уже поэтами:

Tristitiam et metus // tradam... *portare ventis* (Hor. Od. 1, 26, 1—3) 'Печаль и страхи я отдаю унести ветру...'.¹⁶

Р. Кюнер и К. Штегман¹⁷ отмечают, что у поэтов и отчасти у прозаиков, начиная с Ливия, инфинитив получает гораздо более широкое распространение, чем в «хорошей» прозе. В архаической латыни применение целевого инфинитива было относительно ограниченно. В прозе периода расцвета он встречался лишь эпизодически. Начиная с эпохи Империи он становится все более обычным, особенно у поэтов. Известное влияние на его распространение мог оказывать и греческий язык.

В классическую пору, как отмечает Э. Герцог,¹⁸ помимо глаголов движения, инфинитив ставится при таких глаголах, как «мочь», «хотеть», «осмеливаться», «стремиться», «учить», «учиться», «понимать», «начинать», «продолжать», «прекращать», «забывать», «помнить», «избегать» и ряда других. Все они нормально сочетаются с прямым дополнением. Лишь в редких случаях появляется инфинитивное дополнение при глаголах, управляющих дательным падежом, как, например, *adsuescere*.

Впрочем, распространение инфинитивного дополнения во все периоды жизни латинского языка Э. Герцог объясняет греческим влиянием. Лишь инфинитив в качестве субъекта или предиката при безличных оборотах он признает собственно латинским явлением.¹⁹

К. Гранджен²⁰ приводит пример из речей Августина (Sermones, 225, 4):

veneris ad bibere 'пришел бы для того, чтобы пить',
где инфинитив с *ad* стоит вместо супина.

Целевой инфинитив соперничает также с герундивной и герундиальной конструкциями, в состав которых входит предлог *ad* и *in* при прилагательных:

¹⁶ А. Егнон и Е. Thomas считают, что это происходило в результате требований «изысканного стиля поэзии» (ук. соч., стр. 286).

¹⁷ Ук. соч., стр. 680.

¹⁸ E. H e g z o g. Die Syntax des Infinitivs. Jahrbücher für Classische Philologie, Leipzig, 19. Jhrg., 1873.

¹⁹ Ук. соч., стр. 20—21.

²⁰ C. G r a n d j e n t. An Introduction to Vulgar Latin. Boston, 1908, pp. 48—49.

In tuendos homines natus (Ov. Met. 15, 116). 'Рожденный для покровительства людям'; *Ad intellegendum natus* (Cic. Fin. 2, 13, 40) 'Рожденный для понимания'; *Fruges consumere nati* (Hor. Epist. 1, 2, 27) 'Рожденные для потребления плодов'.

Ири прилагательном *facilis*, *difficilis* возможны три варианта дополнения: ²¹

1) *supinum*:

divisui facilis (супин в дат. п.) (T. Liv. 45, 30, 2) 'легкий для раздела'.

2) герундий с *ad*:

Haec ad judicandum sunt facillima (Cic. Off. 3, 6, 30) 'Об этом легко судить'; *Res ad patiendum tolerandumque difficilis* (Cic. Tusc. 2, 7, 18) 'Вещи, которые трудно терпеть и переносить';

3) инфинитив (начиная с Проперция):

facilis cedere (Prop. 1, 11, 12); *Roma capi facilis* (Lucan. 2, 656); *teri faciles* (Plin. NH, 36, 155).

При прилагательном *cupidus* (быть может, не без влияния глагола *cupio*, при котором дополнение ставилось в инфинитиве) поэты императорской эпохи употребляют инфинитив. Возможны при нем и другие дополнения, в зависимости от времени и от автора.²²

У Теренция при *cupidus* — родительный падеж герундия: *cupida huc redeundi* (He. 91).

У Цицерона — герундив:

cupidi bellorum gerendorum (Off. 1, 74) 'стремящиеся к ведению войны',

но у Овидия — инфинитив:

mortemque Imens, cupidusque moriri (Met. 14, 215); 'страшящийся смерти, стремящийся умереть',

у Проперция также инфинитив:

cupidus attingere (1, 19, 9) 'стремящийся достигнуть'.

В то время как у Цицерона читаем:

ad litteras scribendas pigerrimo (Fam. 8, 1) 'лениюще-муся писать письма', у Горация можно найти то же прилагательное с инфинитивом: *piger ferre laborem* (Sat. 1, 4, 12) 'ленивый к труду'.

²¹ См.: А. С. Жигет, ук. соч., стр. 284.

²² Об этом см.: А. Egnot, F. Thomas, ук. соч., стр. 263, 269; А. С. Жигет, ук. соч., стр. 282—283; R. Kühner, C. Stegmann, ук. соч., стр. 684.

У Саллюстия:

avidus belli gerendi (Jug. 35, 3) 'жадный к ведению войны';

но у Овидия:

avidi committere pugnam (Met. 5, 75) 'жаждущие совершил сражение'.

У Тацита:

avidus dominandi (Ann. 6, 25) 'жаждущий власти'.

Конструкция прилагательного с герундием (в род. пад. или с *ad*), пожалуй, более литературна. С инфинитивом — более свойственна разговорному стилю, хотя это трудно утверждать в общем виде. Большое значение имеет стилевая традиция, касающаяся каждого отдельного прилагательного. Например, Ронкони²³ считает, что *paratus mori* так же употребительно, как *paratus ad moriendum*, тогда как *immemor facere* звучит как архаизм рядом с *memor faciendi*.

Сочетание латинского прилагательного с инфинитивом имеет, кроме того, два источника: сохраняющийся в живом языке старый узус и книжное греческое влияние. Эти два источника столь противоположного характера приводят к одному результату. Ронкони²⁴ замечает, что в *utilia cognosci* Валерия Максима (4, 6) трудно распознать, влияние ли это греческого языка или разговорного навыка. Одно очевидно: эта конструкция вытесняла супин на *-tu.* (*utilia cognosci* вм. *utilia cognitu*). Естественно, при этом, что влияние живой речи должно было особенно сказаться в поздний период, после падения литературной традиции.

Инфинитив конкурировал с родительным падежом герундия и в качестве дополнения к оборотам, образованным глаголом *esse*, типа: *tempus est*, *occasio est*, *negotium est*, *consilium est* и т. п.:²⁵

tempus est adeundi (Pl. Trin. 432) 'пришло время подойти'; *tempus est subducere hinc me* (Pl. As. 912) 'пришло время скрыться мне отсюда'; . . . *eludendi occasio est mihi. . . // et. . . curam adimere* (Ter. Ph. 885—886) 'поворот увильнуть и избавиться мне от заботы'; *consilium est expectare* (Cic. Att. 5, 5, 1) 'решено ждать'.

В сущности инфинитив выполняет при этих оборотах роль подлежащего.

²³ Ук. соч., стр. 160.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: A. Egmont, F. Thomas, ук. соч.

Инфинитив — соперник герундия и герундива в латинских текстах раннего средневековья

Латинский язык периода раннего средневековья получил в наследство от классической латыни при синтаксических конструкции для выражения цели: 1) конструкцию с герундием, вводимым предлогом *ad*; 2) герундив, сопровождающий соответствующее существительное в форме аккузатива и также имеющий при себе предлог *ad*; наконец 3) инфинитивное дополнение, которое, в свою очередь, могло иметь дополнение.

Примеры этих конструкций:

- 1) *Eo ad belligerandum*;
- 2) *Venio ad renovandam* расем;
- 3) *Venio justitiā petere*.

Четвертый способ, которым располагала классическая латынь — обозначение цели формой супина: *legati ad eum veniunt oratum* (Caes. BG, VII, 32) — к позднему периоду уже был утрачен.

Дополнения при глаголах движения

Глаголы, обозначающие передвижение в пространстве, сочетаются в текстах позднего периода с инфинитивным дополнением, так же как с герундием и герундивной конструкцией существительного. Однако инфинитивное дополнение если и не является, как будто, пока еще более распространенным, то оно во всяком случае более перспективно. Впоследствии это подтверждают романские языки.

Инфинитив присоединяется к управляющему глаголу, как правило, без предлога, как это было и в классической латыни. Герундиальные и герундивные конструкции традиционно сопровождаются предлогом *ad*. Однако возможны они и без предлога. Это последнее обстоятельство требует к себе особого внимания.

Наиболее часты герундиальные, герундивные и инфинитивные дополнения:

- 1) при глаголах, обозначающих а) движение к определенной цели, в) любое другое действие, направленное к определенной цели;
- 2) при глаголах, выражающих а) побуждение к какому-либо действию и в) допущение действия.

Поздние тексты продолжают и в отдельных случаях расширяют то употребление инфинитива как дополнения, которое отмечается обычно для языка латинских поэтов, а со временем Ливия и для прозы. Употребление это заметно растет по сравнению с золотым веком так называемой «хорошей прозы».

Распространение инфинитивных дополнений часто считают результатом греческого влияния.²⁶ Но нельзя не учитывать и второго его источника, а именно — живой речи. Со временем инфинитивное дополнение распространяется все больше и больше и употребляется даже в тех случаях, когда авторы «хорошой прозы» предпочли бы придаточное предложение, сущин или герундивную конструкцию (также герундий с *ad*).

Подобно тому как в древности герундий потеснил инфинитив в функции глагольного дополнения, так впоследствии герундий стал вытесняться из этой же функции инфинитивом. Инфинитив — древнее существительное — лишь постепенно перекочевал в глагольную парадигму, а на его место в ряде случаев встали герундий и герундив.

А. Ронкони²⁷ приводит пример более древней и разговорной конструкции:

sum defessus quaerere (Pl. Epid. 197) ‘устал спрашивать’;

а также более новой и литературной:

sum defessus quaeritando (Pl. Amph. 1014) ‘устал, спрашивая’.

Он отмечает, что позднее инфинитив возрождается: 1) в архаизирующей прозе, 2) под влиянием греческого языка и 3) под влиянием народной разговорной речи.

Оба пути — книжный и устный — приведут впоследствии к одному результату — вытеснению герундия (и герундива) инфинитивом.

Таким образом, в классических текстах инфинитивное дополнение цели отнюдь не было нормой. Его можно было видеть у поэтов, у таких писателей, как, например, Варрон, и лишь у некоторых прозаиков послеклассического периода, — таких, как Гигин, Валерий Максим, Авл Геллий, Юстин.²⁸ Тит Ливий, Тацит, Плиний Старший и Младший, Квинтилиан, Светоний изредка ставили инфинитив при глаголах «движения». Из архаических авторов Теренций употребляет инфинитив с *eo* (Еуп. 528); иногда его можно видеть у Плавта.

Инфинитивное дополнение даже в поздних текстах не может сразу вытеснить герундий и герундив. При разных типах глаголов и даже при глаголах одного типа, но разного значения, удельный вес инфинитивного дополнения неодинаков. В ряде случаев преобладают герундивные и герундиальные дополнения. С другой стороны, инфинитивы появляются при таких глаголах, которые

²⁶ См.: R. Kühner. C. Stegmann. Lateinische Grammatik, II. Hannover, 1912, S. 680.

²⁷ A. Ronconi, ук. соч., стр. 159.

²⁸ См., например: A. C. Jürgen, ук. соч., стр. 216.

не имели их вовсе в классической латыни или допускали их лишь в ограниченном числе случаев.

В поздних текстах при глаголах «движения», употребленных как в прямом, так и в переносном смысле, сталкиваются все три возможные вида дополнения: герундий, герундив и инфинитив.

Такова, например, картина при глаголе *venio* и его производных *advenio*, *convenio*.

В архаической и классической латыни *venio* тоже мог иметь при себе инфинитив цели:

aurum petere hinc venerat (Pl. Bacch. 631) 'пришел сюда требовать золото'.

Видимо, такая конструкция была недалека от живой речи, хотя Кюнер и Штегман называют ее поэтической.²⁹ Возможны были и герундий, и герундив с *ad*, а также супин, особенно часто появлявшийся при *venio* у Цицерона.³⁰

В поздних текстах при *venio* нет только супина:

Integro quidem corde *ad depositum beati praesidium venimus* (Gr. T. Virt. Mart. II, 56) 'Всем сердцем пришли мы молить блаженного о заступничестве'; Cur *ad consecrandum locum quem nobis vir fidelis aedificavit venire dissimulas?* (Gr. T. Gl. Conf. 18) 'Почему ты отказываешься прийти для освящения места, сооруженного нам верным мужем?'; Et beatus apostolus ait: Scio, quia pro cognoscenda veritate ad nos *venerit* (Gr. T. Mir. Andr. 26) 'И блаженный апостол сказал: «Знаю, что он пришел к нам, чтобы узнать правду»'.

Порядок следования дополнения и глагола может быть и обратным:

... sponte omnes *venirent ad audiendum verbum salutis* (Gr. T. Mir. Andr. 17) '... охотно все пришли для того, чтобы услышать слова спасения...'; ... *venitque ad inquirendos nos...* (Gr. T. Vitae Patr. XV, 2) '... и пришел, чтобы спросить нас...'.

Как и в других случаях, герундий может не иметь при себе предлога:

... Saxones qui ... *suggerendum venerant* (Fr. Chr. IV, 74) '... Саксы, которые... пришли, чтобы подсказать'; ... *tinturia Willebadi, episcoporum et citerorum qui cum eum venerant depredandum* (Fr. Chr. IV, 90) '... палатки Виллебада, епископов и прочих, которые пришли с ним для грабежа'.

²⁹ Ук. соч., стр. 536.

³⁰ См.: R. Kühnег, C. Stegmann, ук. соч., стр. 537.

Однако преобладающим при *venio* оказывается инфинитивное дополнение. Оно часто у Григория Турского, не говоря уже о других:

... *veni nuntiare* dominae meae quae gesta sunt (GTHF, VII, 15) '... я пришел сообщить моей госпоже о том, что произошло'; At ubi *egredi venit*, percussum ad portae limen superius caput, ad humum, testo disrupto, corruit... (Gr. T, Gl. Mart. 60) 'А когда он пошел к выходу, то стукнулся головой о притолоку и упал на землю с проломленной головой...'; Et ait ad Aurilianum: Tu *explorare venisti* domus nostras... (LHF A, 12) 'И сказал Аврелиану: «Ты пришел обыскать наши дома...»'.

Помимо этого, при *venio* возможно придаточное предложение цели:

Venisti, ut nos a propriis sedibus exturbaris? (Gr. T. Mir. Andr. 17) 'Ты пришел, чтобы изгнать нас из наших собственных мест?'; ... *veni, ut egrediar ab eo coram te* (Gr. T. Mir. Andr. 17) '... я пришел, чтобы уйти отсюда вместе с тобой'.

Convenire тоже сочетается со всеми тремя видами дополнения:

Conveniunt ad eum salutandum frequentes et ab universis feris solio sublimatur regio (Gesta Theod. 11, 2) 'Сошлись к нему для приветствия во множестве и избрали королем от имени всех зверей земли'; ... *cui etiam reges Winidorum seu Frigionum ad auxiliandum uno animo convenierunt* (Cont. Fred. 31) '... которому на помощь единодушно пришли короли венедов, или фригионов'; ... *et ceteri reges minores ad diem festum eorum cumvenerunt sacrificare Iovem* (Daret. Hist. 196) '... и прочие мелкие короли сошлись в день их праздника, чтобы принести жертву Юпитеру'.

При глаголе *advenio* — такое же соперничество герундияльного и инфинитивного дополнений:

... *tres episcopi advenientes de civitatibus suis ad adorandum* in hoc loco... (Gr. T. Gl. Mart. 13) '... три епископа, пришедшие из своих городов в это место для молитвы...'; ... *ne pereat plebs, quae fideliter advenit tua devote solemnia celebrare* (Gr. T. Gl. Mart. 68) '... чтобы не погиб парод, который пришел благочестиво отпраздновать твой праздник'.

Во втором случае, быть может, выбор инфинитива обусловлен наличием при нем дополнения. Впрочем, в поздних текстах нередко и герундий имеет прямое дополнение; в этих случаях в клас-

сическом языке вместо герундия появился бы герундив с существительным в аккузативе. Так, в Хронике, продолжающей Фредегария:

... et homines suos *ad ipsas civitates custodiendum* dimisit (Cont. Fred. 46) '... и послал своих людей охранять эти города'.³¹

Согласно классическим нормам это предложение должно было бы выглядеть так: *et homines suos ad ipsas civitates custodendas dimisit* — герундивная конструкция, в которой герундив, естественно, согласован с существительным *civitates*.

Глаголы *egredior*, *ingredior*, *adgredior* тоже имеют все три типа дополнений.³² Чаще всего встречаются герундив и герундий без предлога:

... et sepius, transcesso eorum limite, *regnum Franco-rum vastandum* Toringia et replequos pagus *ingrederint* (Fr. Chr. IV, 75) '... часто, перейдя границу, вторгались в Тюриngию и другие области для разграбления королевства франков'; Cumque in Espania devolgatum fuisse sit, exercitum Francorum *ausiliandum* Sisenando *adgredere*, omnis Gotorum exercitus se dizione Sisenando subae-git (Fr. Chr. IV, 73) 'Когда в Испании стало известно, что войско франков пришло на помочь Сисенанду, все войско готово подчинилось ему'.

Герундивное дополнение может традиционно сопровождаться предлогом *ad*:

... cum *ad implendum cursum oratorium* fuisset *ingressus*. . . (Gr. T. Vitae Patr. VIII, 2) '... когда он вошел в молельню для совершения обряда. . .'; Nam *egressus de cellula*. . . *ad requerendos visitandosque parentes* in pago Pectavensi. . . (Gr. T. Vitae Patr. XV, 2) 'Выходя из кельи. . . для отыскания и посещения родных в области пиктавов. . . '.

Герундий при (*ad*-, *in*-) *egredior* часто сопровождался, как это полагалось и по классической норме, предлогом *ad*:

Egressusque est Deifobus, filius Priamo ad pugnandum contra eos. (Daret. Hist. 198) 'Дейфоб, сын Приама, вы-

³¹ Впрочем, возможно и другое толкование построения этого примера, если считать, что *ad* непосредственно относится к *ipsas civitates*, а герундий не имеет при себе ни дополнения, ни предлога.

³² Thesaurus Linguae Latinae приводит для классической латыни конструкции с герундивом и инфинитивом в качестве дополнений цели. См., например: Thesaurus. . . I. Leipzig, 1900, стб. 1319 и 1320. А. С. Juret (ук. соч., стр. 207) дает примеры такой конструкции для *adgredior* и *ingredior* в переносном смысле — 'приступать', 'начинать'.

ступил для сражения с ними; *Quidam autem cum ad per-
iurandum in hac eclesia fuisset ingressus...* (Gr. T. Gl.
Mart. 19) ‘Когда некто вошел в церковь для того, чтобы
дать ложную клятву...’.

Но наряду с этим даже один из самых образованных поздних авторов — Григорий Турский — не менее часто ставит при тех же глаголах инфинитивное дополнение, видимо, уступая устным на-выкам:

... de qua *egrediens iuvenis dare responsum, ut eos
vidit, in terram corruit* (Gr. T. Virt. Jul. 45) ‘... юноша,
выйдя из нее, чтобы дать ответ, когда увидел их, повалился
на землю...’.

Тем более естественно у него же инфинитивное дополнение при *ingredi* в переносном значении ‘приходить → приступать → начинать’:

*Post duarum vero horarum spatium, recedente nebula,
ingressi sunt vel defunctorum collegere corpora vel colom-
narum fragmenta rimari* (Gr. T. Gl. Mart. 64) ‘По проше-
ствии двух часов, когда расступились облака, они начали
собирать тела мертвых и обыскивать обломки колонн’.

Установить причины, вызвавшие предпочтение той или другой конструкции, в этом случае затруднительно. Вот, в случае, когда автор Жития епископа Тирского Максимина употребляет при *ingredior* сущин, нарашивается следующее объяснение: Житие это написано в VIII в., а в середине IX в., около 839 г., заново отредактировано. Разумеется, обстановка «Каролингского Воз-
рождения» не может не быть учтена. Появление сущина, уже давно забытого в живом языке и, видимо, уже мало кому известного в предыдущие века, объясняется сознательным стремлением к вос-
становлению книжных латинских норм:

*Quiriacus quidam... ecclesiam nocturno tempore ora-
tum de more ingressus...* (Val. Max. 2) ‘Некий Кириак...
по обычью войдя почью в церковь помолиться...’.

Глагол *ire* и его производные у всех поздних авторов соче-
таются со всеми тремя типами дополнений. При этом у Григория
Турского и у Дарета герундий и герундив сопровождаются пред-
логом *ad*, у Фредегария же *ad* отсутствует, иногда заменяется
другим предлогом:

*Oportunitatis causa nuper exteterat, ut ad visitandam
genetricem meam in terretorium Cavellonensis urbis adirem*
(Gr. T. Virt. Mart. III, 60) ‘Недавно возникла необходимость,
чтобы я отправился в область города Кабиллон (Шалон),
чтобы посетить мою мать’; ... *saltus montenses, ubi*

ad aestivandum oves abierant... (Gr. T. Virt. Jul. 17) '... горные склоны, куда овцы уходили на лето...'; *Congregavit itaque Peleas cunctum exercitum suum, ut irent cum Jason ad belligerandum adversus Colcos...* (Daret. Hist. 195) 'Пелей собрал все свое войско, чтобы идти с Язоном вести войну против Колхиды...'; *... exiens deinter citiris cum suis adversus Bertharium prilianum...* (Fr. Chr. IV, 90) '... выступив среди других со своими для битвы против Бертария...'.

Аналогично употребление и других глаголов близкого значения:

Proficiscentibus itaque in Britannia sanctes ac venerabilibus viris... ad Pelagianam heresem... superandam... (V. Genov. 2) 'Когда святые и почтенные мужи Британии вышли для подавления пелагийской ереси...'.

Однако у всех авторов периода VI—VIII вв. при *eo* можно видеть и инфинитивное дополнение. Трудно сказать, что это — сохранение старого обыкновения, свойственного еще архаическим писателям, или, может быть, скорее дань новым живым чертам языка, в котором герундий и герундив медленно, но верно уступали свои функции инфинитиву:

Praepositus quoque non intellegens quae narraret, abiit implere iussionem (Gr. T. Vitae Patr. XIV, 2) 'Начальник, не понимая, что рассказывают, ушел выполнять приказание'.

И тем более инфинитивное дополнение на месте при *ire* в анонимной Книге Истории Франков, памятнике VII в., не отличающемся литературностью языка:

... *cum ad ecclesiam Christi iret orationem facere* (LHF A, 23) '... когда он попал в церковь христову для совершения молитвы'.

Инфинитивное дополнение в этом случае может еще быть вызвано наличием в предложении обстоятельства места, сопровождаемого предлогом *ad*. Герундивная конструкция преобладает при глаголах (*ac-)**recedo*:

... *dum ad eum visitandum accessisset...* (LHF A, 50) '... когда пришел посетить его...'.

Разумеется, у Григория Турского чаще всего можно видеть тот же герундив:

Interea recedent omnes ad capiendum cibum (Gr. T. Gl. Mart. 83), 'Между тем все ушли для принятия пищи';

... ego ad celebrandas vigilias eum (=oratorium, — E. P.) accessi (Gr. T. Gl. Mart. 8) '... я пришел в храм для совершения ночного богослужения'.

Обычно в случае, когда в предложении есть дополнение с предлогом *ad*, обозначающее место, дополнение цели ставится в инфинитиве, может быть, во избежание второго предлога *ad*:

Accessi iterum quaerere sospitatem ad tumulum (Gr. T. Virt. Mart. IV, 2) 'Я пришел снова к могиле искать спасения'.

В большинстве случаев трудно уловить какую-либо последовательность в употреблении герундивного (герундиального) или инфинитивного дополнения при одном и том же глаголе даже у одного и того же автора. Единственное, что можно предположить, это стремление не ставить герундия и герундива, сопровождаемых предлогом *ad*, в присутствии обстоятельства места с *ad*, но присутствие его в предложении — большая редкость. Следовательно, это может служить лишь второстепенным фактором, а отнюдь не главной причиной, заставляющей авторов прибегать к использованию инфинитива. Ср., например:

In hac venerabilis mulier ad accendendum, ut diximus, lumen devota descendit. . . . (Gr. T. Gl. Mart. 33) '... сюда почтенная женщина спустилась с благочестием для зажжения светильника. . .'; . . . *et omnes in Iordanem discenderent ablueret tam vulnera corporis quam animae cicatrices.* . . . (Gr. T. Gl. Mart. 87) '... и все спустились в Иордан омыть как раны тела, так и души. . .'.

Искать причину в расположении членов конструкции, как кажется, тоже было бы напрасно. В том и в другом случае возможно как непосредственное примыкание, так и разделение другими членами предложения. Порядок следования глагола в личной форме и его дополнения также может быть любым и, по-видимому, не играет роли в выборе формы последнего.

Как, например, объяснить следующие три случая?

1) *Post haec dispersi sunt per regiones diversas ad praedicandum verbum Dei* (Gr. T. Gl. Mart. 4) 'После этого они разошлись по разным областям для проповедования слова божия';

2) . . . *cum beati apostoli praedicare verbum Dei per diversas regiones dispersi fuissent.* . . . (Gr. T. Mir. Andr. 1) '... когда блаженные апостолы разошлись по разным областям проповедовать слово божье. . .'.

У Фредегария в аналогичной ситуации герундий:

3) Cumque *dispersi* per domus Baioariorum ad *hyemandum* fuissent. . . (Fr. Chr. IV, 72) 'Когда они разошлись по домам баваров на зимовку. . . '.

Vado, как и остальные глаголы «движения», имеет в поздних текстах все три дополнения. У Григория Турского герундив:

Sed tu accipe nunc argenteos et *vade ad comparandas escas*. . . (Gr. T. 7 Dorm. 7) 'Но ты возьми деньги и иди покупать провиант. . . '.

У Фредегария — герундий без *ad*:

... meridiae uxor ad mare *labandum vadens*, bisteia Neptuni Quinotauri similis eam adpetisset (Fr. Chr. III, 9)
'... когда в полдень жена отправилась к морю купаться, зверь, похожий на Кентавра Нептуна, набросился на нее'.

Опущение предлога при герундии, быть может, обусловлено и здесь наличием обстоятельства места с *ad*. В Книге Истории Франков:

... sed *vadam adhortare eos iuxta verbum tuum* (LHF A, 15) '... но пойду увещевать их по слову твоему'.

Литературные качества и языковой характер Хроник Фредегария и Книги Истории Франков приблизительно одинаковы, так что можно было бы ожидать одинаковых конструкций.

Глаголы, обозначающие быстрое, торопливое движение в прямом и переносном смысле — *festino*, *propero*, *mature* — также сочетаются со всеми тремя типами дополнений. У Григория Турского, например, *propero* сочетается с герундивом в переносном значении 'спешить', где, казалось бы, скорее следовало ожидать инфинитива:

... *properant ad alligandum eum*. . . (Gr. T. Virt. Mart. 17) '... спешат связать его. . .'.

Ср. инфинитивное дополнение при прямом значении «быстро идти»:

... cum omnes ad eclesiam *properarent desiderabilla Domino vota dissolvere*. . . (Gr. T. Virt. Mart. II, 28) '... когда все спешили в церковь выполнить обет богу. . .'.

Возможно, что в последнем случае решающую роль в выборе формы дополнения сыграло сочетание *ad eclesiam*. В другом случае инфинитив мог быть вызван зависящим от него придаточным предложением (косвенный вопрос):

At ille metu territus exsurgens, credulus dictioni *properat* velociter *experi*re, si vera essent quae sibi fuerant

indicata (Gr. T. Virt. Iul. 28). ‘А он, испуганный, и веря сказанному, вскочил и быстро отправился узнать, правда ли то, что ему было сказано’.

Properare с инфинитивом встречался уже у архаических авторов: *progrediri properabo* (Pl. Men. 754).

Вполне возможной конструкцией для глагола *propero* в поздних текстах, так же как и в классических, было сочетание его с придаточным предложением цели:

Ego autem, cum haec audissem, *properavi*, ut eum videre possum... (Gr. T. Mir. Andr. 24) ‘Я же, когда услышал это, поторопился, чтобы смочь его увидеть...’.

Хотя еще в классической латыни *festinare* могло сочетаться с инфинитивом,³³ в Хронике Фредегария этот глагол, как правило, сопровождается герундием:

Nisi ad perficiendum *festinent*, Aridii... adventum vereor (Fr. Chr. III, 18) ‘Если они не поторопятся выполнить, я страшусь прихода Аридия’.

Григорий Турский при прямом значении *festinare* ставит при нем инфинитив:

Quod coniux illius cognitum, dum *tumulare* viri membra *festinat*, ad Brivatinsim vicum pervenit... (Gr. T. Virt. Iul. 4) ‘Когда его жена узнала это, она, поспешив похоронить останки мужа, пришла в селение Брива’.

Глагол *maturare* редко имел при себе инфинитив в классических текстах,³⁴ впервые видим его у Цицерона: *ofo ut matures venire* (Att. 4, 1, 8). Возможно, что инфинитив при нем — обыкновение устной речи. Естественно, что это обыкновение расширялось и укреплялось в позднее время:

Maturabant illi quod fuerat iussum *implere* (G. Dagob. 8)
‘Они торопились выполнить то, что было приказано’.

Дополнение цели при глаголах, не обозначающих передвижение в пространстве

Инфинитив в качестве дополнения цели при глаголах, не обозначающих перемещение в пространстве, почти не встречается в классических латинских текстах. Он гораздо более характерен для архаической латыни. Надо полагать, что, с одной стороны,

³³ Thesaurus Linguae Latinae (V, 1, 1926, стб. 619) приводит *festinare* с инфинитивом у Цицерона: *tu, quaeso, festina ad nos venire* (Att. 3, 26) ‘пропусти меня, поторопись приехать к нам’.

³⁴ См.: A. Dageg. Historische Syntax der lateinischen Sprache, II. 2. Aufl., Leipzig, 1881, S. 308.

эта конструкция свойственна живой разговорной речи и является, таким образом, принадлежностью так называемого народного языка, откуда она и попадала в архаические тексты. С другой стороны, в литературном языке она может быть результатом греческого влияния, т. е. чисто книжным явлением. Как факт народной речи инфинитивное дополнение цели в послеклассический период входит в язык поэтов и поздних прозаиков.

В текстах VI—VIII вв. инфинитивное дополнение — широко распространенный способ обозначения цели при любых глаголах. Он употребляется при многих глаголах, при которых его не ставили авторы классической поры.

Наблюдается окказиональное появление инфинитивного дополнения цели у архаических авторов при глаголах *dare*, *ministrare*, *tradere*.³⁵ Широко распространены были сочетания *dare bibere* и *ministrare bibere*. У Катона: *bibere dato* (Cato, Agr. 89) 'дай пить'; у Плавта: *bibere da usque plenis cantharis* 'дай пить полными чашами'; у Цицерона: *ut Iovi bibere ministraret* (Tusc. 1, 26) 'чтобы подал напиться Юпитеру'; у Ливия: *ut bibere sibi iuberet dari* (40, 47, 5) 'приказал, чтобы ему дали пить'.

У поэтов и поздних прозаиков при *dare* и *ministrare* также иногда появляются инфинитивы.

В позднелатинских памятниках часты те же сочетания, обра- зующие привычные штампы:

Et posito vasculo, dedit asino illi bibere... (Gr. T. Virt. Mart. IV, 31) 'И, поставив сосуд, дал этому ослу пить...'; ... *dare debebis furfurem et paleam, alio die nichil aliud nisi bibere* (Mul. Chir. II, IX) '... должен будешь дать отрубей и соломы, а на другой день ничего, кроме питья...'; *et da manducare in cibariis aut porros aut fenum molle aut herbam* (Mul. Chir. II, XXII) '... и дай есть что-либо из обычновенной пищи — или порей, или мягкое сено, или траву'.³⁶

Наряду с этим глагол *dare* и близкие ему по значению могут сопровождаться герундиальным дополнением:

Puer genitus, lacte materno deficiente, nutrici ad alienum datur (Gr. T. Virt. Mart. II, 43) 'Рожденный мальчик, так как не хватало материнского молока, был отдан кормилице для выкармливания'; *Tunc rex... tradidit omnes descriptiones iniquas ad conburrendum in igne* (LHF A, 34) 'Тогда король передал все несправедливые списки для сожжения в огне'; ... *de sacrosancto pulvere exhibi-*

³⁵ См.: А. Д га е г е г, ук. соч., стр. 349—350.

³⁶ Разумеется, при *dare* всегда возможно придаточное предложение: *panem et metum dabis, ut manducet...* (Mul. Vegetii, I, 38) 'дать хлеба и питья, чтобы ела...'.

buit, dilutumque mihi porregunt ad bibendum (Gr. T. Virt. Mart. II, 1) ‘... он дал священной пыли и, разведя ее, дали мне выпить. . .’.

Еще рано говорить о том, что инфинитив вытеснил в подобных конструкциях герундий. В большинстве сочетаний, близких по значению к *dare bibere*, Григорий Турский, как и многие другие поздние авторы, все же ставит герундий:

... distribuit ad aedendum (Gr. T. Gl. Mart. 86)
‘... раздал для еды’; ... ad bibendum protulit (Gr. T. Virt. Mart. IV, 25) ‘... дал выпить’; ... detulit ad bibendum... (Gr. T. Virt. Mart. III, 2) ‘... дал выпить’;
... ad bibendum tribuens (Gr. T. Gl. Conf. 81) ‘... предлагая для питья’; ... ad bibendum indulge (Gr. T. Virt. Mart. IV, 31) ‘... позволь выпить’.

Распространяясь все шире, инфинитивное дополнение цели захватывает все большее число глаголов, не имевших его в классической латыни.³⁷ Р. Кюнер³⁸ приводит целый ряд случаев такого употребления инфинитивного дополнения в текстах классического периода; в поэтических произведениях и в прозе, начиная с Ливия, появятся еще и другие глаголы, сочетающиеся с инфинитивом: *festino, valeo, dignor, quaero, contemno, abnuo, quiesco, persequor, mereo, obnitor, peto, puto, differo, desidero, cogo, nitor, permitto, habeo*.

Разумеется, все эти глаголы имеют при себе инфинитив и в памятниках VI—VIII вв.

Чрезвычайно употребительные в хроникальных текстах *mitto* и *dirigo* также, как правило, сопровождаются инфинитивом при дополнении лица, выступающего в роли объекта.

В классических текстах *mitto* сопровождался супином на *-um*, придаточным предложением с *qui* и с *ut* или герундием с *ad*. Супин постепенно выходил из употребления, но два последних типа дополнения были классической нормой. *Mitto* сочетался также и с инфинитивом, но это можно считать некоторым снижением литературного стиля. Однако уже у архаических авторов, а затем и во все последующие времена это сочетание существовало и, видимо, прежде всего в живом языке. Отсюда оно просачивалось в язык поэтов и, позднее, прозы. Так, уже у Плавта: *huc missa sunt ludere* (Cas. 3, 5, 48); *reddere hoc, non perdere erus me misit* (Pseud. 642).³⁹

Dirigo, который употребляется в поздних памятниках как синоним *mitto*, имеет те же конструкции, т. е. сочетается между

³⁷ A. Draeger (ук. соч., стр. 349) говорит об инфинитиве цели: «... in der Klassischen Prosa fast gar nicht vorkommend...».

³⁸ R. Kühner, ук. соч., стр. 490—507.

³⁹ Там же, стр. 501.

прочим и с инфинитивным дополнением. Таким образом, в памятниках VI—VIII вв. *mitto* имеет пять типов дополнений цели: 1) герундив с *ad*, реже без предлога; 2) герундий с *ad* или без предлога; 3) инфинитив; 4) придаточное предложение цели с *ut* или придаточное предложение определительное с *qui*; 5) изредка супин.

1) Герундив с *ad* или без предлога; тип, употребляемый наиболее часто:

Mittuntur statim quinque senatores... ad decretum imperatoris illis edicendum (*Gesta Theod.* I, 11) ‘Тотчас посылаются пять сенаторов для обнародования императорского декрета’; *Igitur legati Chilperici Ansoaldus et Domegyselus, qui ad conspiendam dotem in Spania fuerant missi, sunt regressi* (*Fr. Chr.* III, 87) ‘Итак, послы Хильперика Ансоальда и Домегизела, которые были посланы в Испанию осмотреть приданое, вернулись’; *Decentius, frater eius, quem ad tuendas Galias Caesar miserat, apud Senonas laqueo se suspendit* (*Fr. Chr.* II, 43) ‘Декентий, его брат, которого император послал для управления Галлией, повесился на ремне в Сансе’.

То же с приставочными *dimitto* и *transmittere*:

. . . et homines illos, quos Waifarius *ad defendendam ipsam civitatem dimiserat*, clementiam sue pietatis absolvit (*Cont. Fred.* 43) ‘. . . людей, которых Вайофарий послал для защиты этого города, он простили по милости своей’; *Tunc acceptis ab Eiegio quingentos in munere aureos, quos ad hoc opus emendum transmitteret, misit puerum. . .* (*Fr. Chr.* III, 11) ‘Тогда, получив от Эйегия пятьсот золотых монет, которые тот передал для покупки этой вепши, он послал слугу. . .’.

При наличии в предложении дополнения с *ad* герундив теряет свой предлог:

. . . iterum legationem *ad Gundobadum misit. . . Chrotchilde, neptem suam, petendam* (*LHF A*, 11) ‘. . . вторично посылает посольство к Гундобаду. . ., прося отдать ему Хротхильду, его племянницу’.

Закономерности во взаиморасположении герундива и существительного (или местоимения), с которым он согласован, уловить не удается. Положение глагола *mitto* определяется типом предложения: в главном или простом предложении он, как правило, предшествует дополнению, в придаточном — стоит в конце.

2) Герундий, в большинстве случаев сопровождаемый предлогом *ad*:

... *misit* Ragnacharius speculatorum ad cognoscendum interrogans, cuius esset hostis maior (LHF A, 18) '... Рагнахарпс послал разведчиков для того, чтобы узнать, чье войско больше'; Iudeus revellantis, Atrianus mittit ad remedium exercito, eorumque revellio finem accepit (Fr. Chr. II, 37) 'Когда пурен восстали, Адриан послал для подавления войско, и их восстание закончилось'; ... omne exercitum suum, quem in Burgundia ad hyemandum miserat... (Cont. Fred. 51) '... все свое войско, которое он послал в Бургундию на зимовку...'; ... ut custodias, quod praedictus rex Narbonam propter gentem Saracenum ad custodiendum miserat... (Cont. Fred. 44) '... чтобы стражу, которую выпеназванный король послал в Нарбонну для охраны против племени сарацин...'; ... cento quinquaginta milia pugnatorum. contra Saracenus priliandum aemitetur (Fr. Chr. IV, 66) '... Сто пятьдесят тысяч воинов посылаются для сражения против сарацин'.

3) Инфинитивное дополнение при *mitto*; тип чрезвычайно распространенный. Дополнение появляется как при переходных глаголах, где следовало бы ожидать конструкцию с герундивом, так и при непереходных, которые могли бы сочетаться с герундием:

'Gbstuprefactus autem rex *misit vocare* eum (GTHF, VII, 18) 'Удивленный король послал позвать его'; ... *misit* anciliam suam *vocare* peregrinum illum (LHF A, 11) '... послал свою служанку позвать странника'; ... cum credideritis in Iesum, qui me *misit euangelizare* in hunc locum (Gr. T. Mir. Andr. 26) '... тем, что вы поверили бы в Иисуса, который послал меня сюда проповедовать', ... *misit* iterum *interrogare*, quae essent quae viderat (Gr. T. Gl. Mart. 12) '... вторично послал спросить, что это такое, что он видел'.

4) *Mitto* с придаточными предложениями встречается не только у наиболее образованного Григория Турского, но и в таких памятниках, как Книга Истории Франков:

Surge in nomine domini Iesu Christi, qui me misit, ut medear infirmitati tuae (Gr. T. Mir. Andr. 15) 'Восстань во имя господа Иисуса Христа, который послал меня, чтобы я излечил болезнь твою'; *Haec audiens proconsul, misit milites cum equitibus, qui eum exhiberent in conspectu eius* (Gr. T. Mir. Andr. 18) 'Проконсул, услышав это, послал конных воинов, чтобы они представили его пред лицо его'; ... *misit qui fratrem suum in super memoratam civitatem obsederent* (LHF A, 32) '... послал

людей, чтобы они осадили его брата в вышеупомянутом городе'.

5) Супин появляется крайне редко, хотя, как это ни странно, даже в таком памятнике, как *Gesta Theoderici*:

... legatum ad Ptolomeum amicum suum *exploratum misit* (*Gesta Theod. I*, 14) '... послал гонца к другу своему Птоломею, чтобы разведать'.

Надо думать, что появление супина — случайность, непосредственное влияние латинских текстов или что-нибудь в этом роде. Во всяком случае супин — форма для поздней латыни уже мертвая. Сочетание «*mitto*+супин» могло сохраниться как штамп.

Глагол *dirigo* не упоминается в грамматиках как сопровождаемый в классической латыни инфинитивом. В поздних памятниках он крайне употребителен и служит синонимом глаголу *mitto* или, как непереходный, имеет значение 'отправляться'. Он повторяет и его синтаксис, сочетаясь с герундивом, герундием и инфинитивом.

1) С герундивом:

Ad adducendos quoque thesauros Hariberti et sibi praesentandos Barontum quendam ducem direxit (G. Dagob. 25)

'Он послал некоего Баронта, для того чтобы привезти сокровища Хариберта, которые должны были быть представлены ему'; *Dinuo Theudericus alios tres viros ad ipsum capiendum direxit* (Fr. Chr. II, 57) 'Снова Теодорик послал других трех мужей для поимки его'; ... *cum rex ad venationem exercendam in Parisiaco dirigeret*. . . (LHF A, 35) '... когда король отправился на охоту в области Парижа. . . '.

2) С герундием (с *ad* и без предлога):

... per multas civitates. . . *ad vedendum direxit*. . . (Gr. T. Gl. Conf. 109) '... отправился посмотреть многочисленные города. . .'; *Emperator Persarum Cosdroes patricium quidam ex suis. . . pro se contra Aeraglio priuiliandum direxit* (Fr. Chr. IV, 64) 'Император персов Коцдрой послал одного из своих патрициев сражаться за него против Ираклия'; *Et vinctum domui sui custodiendum diregit* (Gr. T. Virt. Mart. II, 58) 'И послал его, связанныго, в его дом под стражу'.

3) С инфинитивом:

... alium fratrem eius in Auster. . . *regnum suscipere dirigunt* (LHF A, 45) '... другого его брата посыпает в Австралию принять корону'; . . . *unus e civibus. . . accepto rastro vineam pastinare direxit* (Gr. T. Gl. Conf. 97)

'... один из граждан. . . , взяв мотыгу, отправился вскакывать виноградник'.

Дополнением цели сопровождается огромная масса глаголов. Как мы видели, они имеют при себе либо герундиальную или герундивую конструкцию, либо инфинитив, либо, разумеется, придаточное предложение цели. Затруднительно установить какую-либо четкую закономерность в выборе того или иного способа обозначения цели в памятниках VI—VIII вв. Нередко один и тот же глагол у одного автора имеет то одно, то другое дополнение. Однако надо сказать, что в подавляющем большинстве случаев употребляются герундий и герундив, которые пока еще отнюдь не уступили своего места инфинитиву, хотя он уже их несколько потеснил. Бросается в глаза одна особенность конструирования дополнения цели, выраженного герундием и герундивом. Они теряют свой предлог. Возможно, что это результат все более расширяющегося употребления беспредложного инфинитива в этой же функции. Инфинитив цели не имеет предлога в латинском языке. Это обстоятельство интересно в связи с тем, что в романских языках при ряде глаголов он впоследствии получит предлог. Правда, не при всех. При глаголах движения меньше, чем при других, хотя тоже обозначающих действие, направленное к определенной цели. Очевидно, этот предлог взят инфинитивом из герундиальной конструкции.

Беспредложные герундии как средство выражения цели, особенно при глаголах движения, встречались изредка в латинских памятниках разных периодов и, естественно, привлекали внимание исследователей.

Э. Лёфстедт в очерках, посвященных семасиологическому и синтаксико-стилистическому изучению латинского языка,⁴⁰ рассматривает беспредложный герундий, или, как он его называет, «аккузатив герундия», в некоторых латинских текстах. Последний встречается в древнейших памятниках, где он, видимо, заменяет суффикс *-um* при глаголах движения. По мнению И. Шмальца и И. Гофмана,⁴¹ суффикс уже в архаическую пору совершенно не употреблялся в народном, т. е. живом разговорном языке, а следовательно, почти не попадал в произведения авторов той эпохи. Тем более беспредложный герундий употребителен в поздних текстах, носящих совершенно отчетливый отпечаток письменного, народно-разговорного языка. Лёфстедт в своих рассуждениях опирается на ряд примеров, собранных разными исследователями из языка поздних произведений — из Муломедицины Хирона: (133) *alio die ambulandum ducere* 'на другой день

⁴⁰ E. L ö f s t e d t. *Vermischte Studien zur Lateinischen Sprachkunde und Syntax*. Lund, 1936, Zweiter Abschnitt, S. 32.

⁴¹ Lateinische Grammatik, Syntax und Stylistik von J. Schmalz, neu bearb. bei J. Hofmann. 5. Aufl., München, 1928, S. 600.

вести гулять'; из Марцелла Эмпирика (XXIX, 21): *bibendum per triduum dabis* 'давай пить в течение трех дней'; из Орибазия (Суп. III, 187): *rafanos quoque plurimos comedendum dabis* 'давай есть много редьки'; из Палладия (Op. agr. XIV): *radices cuperi in vino decoixeris et bibendum ministraveris* 'корни купыря свари в вине и давай пить'. У Венантия Фортуната также преобладают глаголы движения с беспредложным герундием:

non valet ire iuvandum (*Vita Mart.* II, 219) ⁴² 'не стоит идти на помошь'.

Примеры эти совершенно того же типа, что и те, которые встречались в текстах, послуживших материалом для настоящего исследования. Ввиду их многочисленности ясно, что соглашаться с издателями и теми учеными, которые предлагают ⁴³ восстановление якобы опущенного *ad*, было бы совершенно нецелесообразно. Лёфстедт отмечает, что столь же древней является и беспредложная герундивная конструкция с существительным в виде дополнения цели. Для поздних текстов он приводит пример из Итали:

Agrippa rex et Veronice demorati sunt in Caesaream salutandum Festum (*Act. Apost. Laud. Oxon.* 25, 13) ⁴⁴
'Царь Агриппа и Вероника остановились в Цезарее для приветствования Феста'.

Вульгата дает это место с эмендацией: *descenderunt Caesaream ad salutandum Festum*. То же у Венантия Фортуната:

Quem... dominus revisendum post meridiem pergeret.
(*Carm. V, I, 1*) 'Господин отправился после полудня осмотреть... его'.

И. Одельштиерна ⁴⁵ объясняет отсутствие предлога при герундивных и герундиальных дополнениях аналогией с существительными в форме аккузатива «направления». Эта точка зрения кажется отчасти обоснованной, особенно при сравнениях таких, например, сочетаний у Фредегария (*Chr. II, 57*):

utrum capite truncetur an bestiis devorandum tratur — и (*Chron. IV, 34*): 'отрубить голову или отдать на растерзание зверям'; *Teudelinda matrimonium Ago nem tradedit* 'Передал Агона в мужья Теуделинде'.

⁴² Цит. по: Э. Лёфстедт, ук. соч., стр. 32 и сл.

⁴³ См.: Э. Лёфстедт, ук. соч., стр. 192.

⁴⁴ Цит. по: Э. Лёфстедт, ук. соч., стр. 32 и сл.

⁴⁵ Ingrid Odelskierga. *De vi futurali ac finali gerundii et gerundi Latini observationes.* (Diss.) Uppsala, 1926. В этой работе приводится 28 примеров беспредложного герундия цели при глаголах движения и 5 примеров беспредложной герундивной конструкции. Для других глаголов, сопровождаемых дополнением цели, — еще 10 примеров.

Однако Лёфстедт считает предложенное исследовательницей объяснение недостаточным. Он ищет других причин и приводит мнение Гофмана о том, что конструкция с непереходным глаголом типа *iumentum ambulandum duco* могла возникнуть по аналогии с закономерным сочетанием с переходным глаголом: *iumentum to-vendum duco*. Лёфстедт говорит далее об очевидном взаимовлиянии сочетаний типа *rafanos comedendum dabis* и *rafanum comedendum dabis*. Таким образом, он допускает целый комплекс причин, приведших к возникновению рассматриваемого явления. Но лишь в примечании к последнему слову последней строчки он замечает, что, кроме аккузатива герундия, в этих текстах можно видеть инфинитив в значении дополнения цели и что обе эти конструкции в поздний период латинского языка чрезвычайно близки друг другу.

Таким образом, Лёфстедт хотя и подходит вплотную к тому, что может быть рассматриваемо как одна из основных, если не первая и главная, причин замены герундия инфинитивом, однако он не останавливается на ней подробнее, не придает ей, как кажется, должного значения. А в то же время инфинитивные дополнения цели и главным образом при глаголах движения существовали искони в латинском языке. Они имели безусловно народно-разговорное происхождение и всегда соперничали с литературными герундием и герундивом цели. В этих условиях взаимное влияние этих двух конструкций вполне вероятно. Отсутствие предлога при инфинитиве могло привести и к утере его герундием.

Характерно, что классическая конструкция герундива с *ad* особенно свойственна Григорию Турскому, безусловно, довольно хорошо знакомому с правилами латинской грамматики. С другой стороны, опущение *ad*, видимо, вызванное аналогией построения инфинитивного дополнения, чрезвычайно характерно для Хроник Фредегария, что также вполне закономерно. Язык последних значительно ближе к живой речи своего времени (VII в.) и изобилует значительными отклонениями от классической нормы.

В герундиальной конструкции Фредегарий чаще других опускает предлог *ad*:

Flodoachus foris contra Willebadum *preliandum ad-greditur* (Fr. Chr. IV, 90) 'Флодах выступает против Виллебада для битвы'.

Отсутствие предлога *ad* при герундивной и герундиальной конструкциях, может быть, зависело в известной мере от: 1) недостаточного знания автором классических норм грамматики; 2) влияния навыков живой речи, употреблявшей инфинитивное дополнение без предлога. Отсюда естественно, что *ad* отсутствует чаще у Фредегария, чем у Григория Турского. Какое-то значение могло иметь и время (VI и VII вв.):

... *exercendum negucium* in Slavos coinomento Wine-dos *perrexit* (Fr. Chr. IV, 48) ‘... он отправился для торговли со славянами по прозвищу венеды’; Tunc Chaubedo, filius Berthario... *curso velucissimo patri auxiliandum perrexit* (Fr. Chr. IV, 90). ‘Тогда Хаубедо, сын Бертария... быстрейшим маршем отправился на помощь отцу’; ... et citeri *exercitus manus plura contra Radulfum ad portam castri protenus pugnandum perrexerunt* (Fr. Chr. IV, 87) ‘... и остальные многочисленные отряды войска отправились против Радульфа к воротам лагеря для сражения’.

В данном случае известную роль могло сыграть наличие предлога *ad* при *portam*.

Примеры:

Ipse praedictus rex cum reliquis Francis... *persequendum Waiofarium perrexit* (Cont. Fred. 49) ‘Вышеназванный король с остальными франками... отправился в преследование Вайофария...’; но в том же памятнике немного дальше читаем: ... rex Pippinus iterum... *ad persequendum Waiofarium* eo anno iterum *perrexit* (Cont. Fred. 52) ‘... в этом году король Пипин... вторично отправился в преследование Вайофария’.

Вряд ли было бы правильным считать, что это только результат поисков разнообразия конструкций. Незамысловатый синтаксис Продолжений Хроники Фредегария не слишком настойчиво подсказывает возможность стилистических соображений при выборе конструкций.

При *dirigo* также часто герундий и герундив не имеют *ad*:

... *filium suum Maergoeum*... *cum exercitum Bertoal-dem opprimandum direxit* (Fr. Chr. IV, 25) ‘... послал сына своего Меровея для подавления Бертоальда’; ... *dirigenque pueros inquirendum mendacium*... (Fr. Chr. III, 18) ‘... послав слуг разыскивать пишущего...’; ... *eum ripa Segona usque Oceanum mare per pagus et civitates fiscum inquerendum dirigunt* (Fr. Chr. IV, 24) ‘... посылают его собирать подать с городов и селений от берегов Сены до моря Океана’; Отпем *regnum Chariberti ipam cum Wasconiam Dagobertus protenus suaee dicione redigit*; *tinsaurus quoque Chariberti Baronto duci adducendum et sibi presentandom direxit* (Fr. Chr. IV, 67) ‘Все королевство Хариберта вместе с Вакконией Дагоберт подчинил себе; он послал Баронта за сокровищами Харибера, которые тот должен был привезти и передать ему’.

В тех случаях, когда при глаголах типа *do*, *trado*, *ministro* прямое дополнение имеет при себе в качестве определения ге-

рундив, получается конструкция, которая, может быть, сыграла известную роль в появлении беспредложного герундидиального дополнения не только объекта, но и, по аналогии, цели:

... *pulveremque* руего *hauriendum* dedit (Gr. T. Virt. Mart. IV, 43) '... дал юноше выпить порошок'; ... et qui *hunc ovilem* mihi *tradidit custodiendum*. . . (V. Aniani, 9) '... и кто дал мне охранять эту овчарню. . . '.

Глагол *porrigo* Григорий Турский употребляет также с герундивной конструкцией, но без *ad*:

... *elevato pulvere monumenti, deferunt ad aegrotum dilutumque cum vino bibendum* porregunt (Gr. T. Virt. Mart. II, 52) '... собрав пыль с могилы, относят больному и разведенную вином дают ему выпить'.

Здесь предложение содержит особое дополнение с *ad*: *ad aegrotum*, что, возможно, способствует постановке герундивной конструкции без предлога.

В условиях сосуществования двух, даже трех синонимичных конструкций совершенно неизбежно взаимовлияние. Особенно заметно оно сказывается в благоприятных условиях. Такими благоприятными условиями в данном случае являются предложения, в которых уже имеется косвенное дополнение или обстоятельственная группа с предлогом *ad*.

Но основное влияние, вероятно, идет все же от инфинитивного дополнения, не имеющего предлога. Позднее, видимо, обратное влияние герундидиальных конструкций на инфинитивные скажется в появлении *ad* при инфинитиве. Но это либо более поздний процесс, либо более глубокий, лежащий всецело в плане разговорной речи и получающий лишь слабое отражение на письме.

Взаимовлияние беспредложного инфинитивного и герундидиального дополнений можно отчетливо видеть, например, в конструкциях тех глаголов, которые еще в классическую пору управляли инфинитивом. Это мог быть инфинитив цели или инфинитив объекта. В поздних текстах, поскольку герундий, герундив с существительным и инфинитив оказывались синтаксическими синонимами, при этих глаголах также можно видеть герундий и герундив. Они не сопровождаются предлогом *ad*, так как не являются дополнениями цели, а обозначают объект. Но само появление их в данных условиях — результат взаимовлияния (или смешения) инфинитивных и герундидиальных (герундивных) конструкций. Например:

Theudebertus vero cum magno exercito Austrasiorum inibi *prilium vellens committendum* adgreditur (Fr. Chr. IV, 37) 'Теудеберт приходит с большим войском австразийцев, желая завязать сражение'.

Разумеется, такие конструкции при глаголах типа *volo* — редкость. Нормально они сопровождаются инфинитивом объекта. Если при них появляется герундий или герундив, предлог *ad*, естественно, отсутствует. Он был бы неуместен при дополнении объекта. Так, обычно глагол *dispono* употребляется в поздних текстах с инфинитивом:

Tertia vero nocte postquam advenimus ad sanctam basilikam, vigilare disposuimus (Gr. T. Virt. Mart. 33) ‘На третью ночь, после того как мы пришли к святой базилике, мы решили бодрствовать’; . . . *ille cum exercitu Francorum in occursum tuum venire disponit* (LHF A, 12) ‘. . . он решил идти тебе навстречу с войском франков’; . . . *sexta die daeae Diane sacrificare disponamus.* . . . (Daret. Hist. MGN, II, 198) ‘. . . на шестой день мы решили принести жертвоприношение богине Диане. . . ’; . . . *et nos sui sumus, si tamen nobiscum disposuaerit amicicias conservare* (Fr. Chr. IV, 68) ‘. . . и мы принадлежим ему, если только он намерен сохранять с нами дружбу’.

Однако у того же Фредегария глагол *dispono* иногда сопровождается герундием, который воспринимается им, видимо, как абсолютный синоним инфинитива. Герундий этот не имеет предлога, не является дополнением цели, а просто «дублирует» инфинитив:

Radulfus dux Toringiae vehementer contra Sigybertum revellandum disposuisset (Fr. Chr. IV, 87) ‘Радульф, герцог Тюрингии, решил грозно восстать против Сигиберта’.

Герундий оказывается как бы полным синонимом инфинитива, а следовательно, легко может употребляться как дополнение объекта, т. е. в аккузативе без предлога. Для классической латыни это было невозможно. Отсюда в поздних текстах герундий при таких глаголах, как *spondeo*, *concedo*, *demonstro*, *praecipio* и др.:

. . . *ipse vero. . . resistendum spondent et Francorum limete de illis partebus custodire promittent* (Fr. Chr. IV, 74) ‘. . . они же. . . клятвенно обещают сопротивляться и охранять границы франков’; *Hoc tantum Chairiberto regendum concessit* (Fr. Chr. IV, 57) ‘Он уступил Хариперту царствование’; *Que cura intercisionis venarum quoquo loco faciendum precipio, ut superius demonstravi* (Mul. Chir. II, XX) ‘Каковое лечение надрезом вен, в каком бы месте я ни предписывал, производить так, как я показал выше’.

Таким образом, герундий можно постоянно видеть в функции объекта. Но аналогии он и в качестве дополнения цели появляется

без *ad*, т. е. опять-таки в такой же точно конструкции, что и п. ии-финитив, при этом с самыми различными глаголами:

... petentes, ut eos in terra Francorum manendum recepit (Fr. Chr. IV, 72) '... прося, чтобы он принял их в землю франков на жительство'; Dagobertus iobit eos *iaemandum* Badawarius recipere (Fr. Chr. IV 72) 'Дагоберт приказал, чтобы бавары приняли их на зимовку'; Ansalarius et Chramnelenus, idemque Wandelbertus ducis cum suis in congressione certamenis contra Willebado pugnandum configunt (Fr. Chr. IV, 90) 'Амальгарпий и Храмнелен, так же как и Вандельберт, с их войском выступили для сражения с Виллебадом'; Deinde ambulet et alio die *ambulandum* ducere et dare herbam mollem (Mul. Chr. III, 1) 'Затем пусть ходит, и на другой день выведи ее гулять и дай мягкой травы'; ... pro sacramento Christi, pro divinis legibus, si ita necessitas ferret omnibus et moriendum suadebat (P. Acaun. Mart. 8) '... ради таинства христова, ради божественных законов, если это будет необходимо, убеждал умереть'.

Вторая синонимичная инфинитивной конструкция — герундивная:

qui exinde *Ermenberta*, filia eius Teuderico matrimonio *sociandam adducerint* (Fr. Chr. IV, 30) '... которые затем привели для брака с Теудебертом Эрменберту, его dochь'; Gunthramnus se cum Childeberto *pacem firmandam*... *coniuncxit* (Fr. Chr. IV, 7) 'Гунтрамн объединился с Хильдебертом для заключения... мира'.

Такое же герундивное сочетание можно видеть, хотя и не часто, у Григория Турского:

... mulier quaedam panem formavit, quem, segregatis prunis cinere fervente *contegit decoquendum* (Gr. T. Gl. Mart. 15) '... некая женщина сформовала хлеб и, отделив угли, покрыла его горячей золой, для того чтобы он испекся'; ... *commoventur pueri duo in scandalum, nudatoque unus gladio alterum appetit trucidandum*. (Gr. T. Virt. Iul. 5) '... двое юношей вступили в схватку, и один, обнажив меч, стремился убить другого'.

Таким образом, причины появления беспредложных герундивной и герундиальной конструкций могут быть сведены к следующему:

1) Влияние беспредложной инфинитивной конструкции того же значения;

2) Наличие в предложении дополнения или обстоятельства с *ad*, которое может отчасти способствовать утрате предлога герундием и герундивом.

Д. Норберг⁴⁶ отмечает, что с VIII в. число подобных примеров заметно увеличивается. Герундий или герундив с существительным со значением цели все чаще сочетаются с управляющим глаголом без помощи предлога. Автор приводит примеры с глаголами движения, которым это особенно свойственно:

Si quis *negotium peragendum*. . . *ambolaverit*. . . (Litprandi leg. 18, a. 720). ‘Если кто-нибудь отправится. . . по торговым делам. . .’; . . . *ab Italia perrexerat eius iustitiam requirendum* (Hist. Lang. Cod. Goth. 9) ‘. . . покинул Италию в поисках справедливости’; *Contigit aliquos dies, ut curtis quas ecclesia sua in territorium Petracorico habebat, accederet visitandum* (Vita Gaugerici, 11) ‘Случилось однажды, что он пришел посмотреть на скотный двор, который принадлежал его церкви на территории Петракорика’.

Ингрид Одельстнерна⁴⁷ объясняет такое употребление герундия и герундива с существительным как случай чистого «аккузатива направления». Э. Лёфстедт⁴⁸ как будто соглашается с ней, но Д. Норберг опровергает это предположение на том основании, что оно создает впечатление, будто такое свободное употребление аккузатива направления стало возможным лишь с VII в.

Объяснение, предлагаемое Норбергом, состоит в том, что появление конструкции герундия без предлога представляет собой реакцию на распространяющееся в живом языке употребление предложного инфинитивного дополнения. Норберг рассуждает так. Инфинитив с предлогом — имитация сочетания герундия с предлогом — явление живой речи, мало используемое в письменном языке. В текстах предложный инфинитив появляется лишь эпизодически, хотя и довольно рано — с IV—V вв. Что касается герундия и герундива с существительным в значении дополнения цели, то это черта письменного языка, а потому нормально встречающаяся в текстах. В живой же речи инфинитив все чаще сопровождается предлогом *ad* по примеру герундия. Чтобы не впадать в эту «ошибку», пишущие стали избегать ставить *ad* не только при инфинитиве, но и при герундии. Отсюда, вместо нормального *venio ad petendum*, — *venio petendum*. Классическая конструкция того же значения с супином — *venio petitum* — к этому времени уже совершенно вышла из употребления, и сочетание глагола с герундием оказалось, таким образом, ее преемником.

⁴⁶ См.: D. N o r b e r g. Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätslateins und des frühen Mittelalters. Uppsala, 1943, S. 226.

⁴⁷ I. O d e l s t i e r n a, ук. соч., стр. 30 и сл.

⁴⁸ E. L ö f s t e d t, ук. соч., стр. 195.

Таким способом Норберг, признавая взаимодействие конструкций с герундием и с инфинитивом, вводит в свою трактовку вопроса еще и соображения о возможной гиперкоррекции.⁴⁹ Гипотеза Норберга представляется обоснованной и убедительной.

В классической латыни герундий, как правило, не имел при себе прямого дополнения.⁵⁰ В тех случаях когда герундий должен был бы сопровождаться прямым дополнением, конструкция, по большей части, автоматически превращалась в герундивную. Если в классических текстах герундий с прямым дополнением и встречался, то все же не слишком часто:

... *quaedam loca eadem alia ad serendum idonea* (Varro. *Re rust.* I, 23, 6) '... места, удобные для сеяния другого'.

Инфинитив, напротив, мог иметь при себе прямое дополнение.

В поздней латыни герундий с прямым дополнением встречается все чаще и чаще. Можно предположить, что это происходит под влиянием конструкции с инфинитивом. Возможно, что здесь опять имеет место столкновение этих двух столь функционально близких сочетаний, естественно оказывающихся во взаимодействии:

... *ad vastandum Africam transire* (Salv. *De gnb.* 7, 54) '... перейти к опустошению Африки'.

У Григория Турского и в других меровингских памятниках таких случаев много, например:

De hac civitate rex ad persequendum Hebreos cum exercitiis cinguum ac multa pedestri manu dirictus est (GTHF, I, 10) 'Из этого города король отправился преследовать иудеев с боевыми колесницами и многочисленными отрядами пехотинцев'; *Sed cum Agerico Veridunense episcopo haec nuntiata fuissent, misit ad conpraehendendum eam* (GTHF, VII, 44) 'Но когда это было сообщено Верденскому епископу Агерику, он послал взять ее'; ... et exilit ad mordendum homines et fudit terram (Mul. Chir. II, XXII) '... и бросается кусать людей и бьет землю'; *Voca punc fideles quosque fratres et filios quibus sum vale dicturus ut veniant ad visitandum nos* (G. T. Vitiae Patr. XIII, 2) 'Позови теперь верных братьев и сыновей посетить нас, чтобы я попрощался с ними'.

У Фредегария, кроме того, герундий не имеет предлога *ad*, быть может, тоже по примеру инфинитива:

... *Winidi... vastandum pagus* (=pagos, — E. P.) in Francorum regnum intrinunt (Fr. Chr. IV, 68) '... Be-

⁴⁹ D. N o r b e r g , ук. соч., стр. 206—231.

⁵⁰ См.: Lateinische Grammatik, S. 596.

неды... напали на королевство франков, чтобы опустошить его области'.

Эта конструкция прежде всего свойственна глаголам движения, сопровождаемым обстоятельством цели, но встречается и при других глаголах:

At rex... defit eis praceptionem ut annis singulis... accipiant et centum aureos ad *conparandum* fratrum *indumenta* (G. T. Vitae Patr. I, 5) 'А король... приказал им, чтобы каждый год... брали [еще] и сто золотых для покупки одежды братьям'.

Аналогичная конструкция возможна также при существительном:

Cumque ei necessitas ad *depellendum inimicos* obvenisset... (GHTF, VII, 31) 'Когда ему встретилась необходимость отогнать врагов...'.

Д. Норберг⁵¹ замечает, что с VII в. прямое дополнение предложного герундия все чаще переходит из конечного положения в среднее, чтобы встать между предлогом и герундием, и приводит примеры:

... ad nostros *inemicos recipiendum* (M. G. Dipl. Kar. 13, 2) '... для захвата наших врагов'; ... pro *missas celebrandum* (M. G. Dipl. Kar. 85, 40) '... для торжественного служения мессы'.

Такие же примеры можно найти в хрониках:

... et homines suos ad ipsas *civitates custodiendum* dimisit (Cont. Fred. 46) '... послал людей для охраны этих городов'; Praecepit autem rex... nihil aliud nisi herbam presumerent ad eorum equos sustentandum (LHPA, 17) 'Приказал король..., чтобы не брали ничего, кроме травы, для пропитания своих коней'.

Именно такой порядок сохранился в соответствующей старофранцузской конструкции, где герундий имеет предлог *a*:

Ces qu'il laissa a la porte gardant... (Ogier le Danois, 8079) 'Те, которых он оставил сторожить дверь...'.

Она возможна при любых предлогах:

Servi vos ai par mes armes portant (Raoul de Cambrai, 682) 'Я служил вам, пося оружие'.

Д. Норберг так отвечает на вопрос о том, какие причины могли вызвать изменение порядка следования членов конструкции:

⁵¹ D. N o r b e r g , ук. соч., стр. 206—231.

это опять-таки влияние однозначной инфинитивной конструкции. В ней дополнение чаще всего стояло перед инфинитивом.⁵² Когда инфинитив начал, по примеру герундия, сопровождаться предлогом (*ad causas audire* 'слушать дело'), то и в герундиональной конструкции произошло перемещение членов: *ad causas audiendum*, вместо прежнего *ad audiendum causas*.

Следует отметить, что, когда в подобной конструкции герундий не имеет предлога, а это бывает, в общем, довольно часто, то его прямое дополнение, как правило, предшествует ему. Таким образом, оно занимает то же положение, что и инфинитив:

Eiegius. . . tributa imperatori *solvendum quereret* (Fr. Chr. III, 11) 'Эгидий. . . жаловался, что должен платить подати императору'; . . . cuncta, quae sui regni Brittani contra duces Francorum inilicite perpetraverant, *emendandum spondet*. . . (G. Dagob. 38) ' . . . обещает заплатить за все, что бритты его королевства сделали незаконно против вождей франков. . .'; Tandem, resumptis viribus, Constans. . . tributa Saracines *emplendum refutat* (Fr. Chr. IV, 81) 'Наконец, собравшись с силами, Констант. . . отказывается платить дань сарацинам'.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что до VII в. примеров на предложный инфинитив в функции дополнения цели поразительно мало, они буквально единичны:

. . . concurrebat mixtus vulgus utriusque sexus. . . *ad basilica in honore ipsius sancti aedificare* (Vita Landberti, 23, VIII в.) 'сбежался смешанный люд обоих полов строить церковь в честь этого святого'; . . . ipsum elegit ab omni vivente *ad offerre sacrificium deo* (Sirah, 45, 20) ' . . . выбрал его из всего живущего для принесения жертвы богу'; или: *Missus est. . . ad Saram filiam Raguel dare Tobiae filio Tobi uxorem* (Tob. 3, 25) 'был послан дать Сарру дочь Рагуеля в жены Тобию, сыну Тобии'.⁵³

Д. Норберг приводит примеры также из других текстов:

Eramen rōpe *ad battere* (Comp. Lucens. I, 23) 'Установи наковальню, чтобы бить'; . . . *exire voluero. . . in qualemcumque cibitatem adabitare aut lavorare*. . . (Cod. dipl. Long. 104, VIII в.) ' . . . захочу уйти в какой-нибудь город, чтобы жить там и работать. . .'; . . . *si se in sua arma confidere voluerint ad defensare* (Lex Curiensis

⁵² Ср.: *ibit aurum arcessere* (Pl. Bacch. 354), или: *venerat modo aurum petere* (там же, 631). См.: Д. Н о р б е р г, ук. соч., стр. 210.

⁵³ Цит. по: Н. R ö s c h. Itala und Vulgata. Marburg, 1875, S. 430.

9, 34) '... если они захотят положиться в защите на его оружие'.⁵⁴

Даже если конструкция и существовала в живом языке до VII в., она пока еще не входила в письменный узус. Хотя именно она будет представлена в старофранцузском:

... corut sont as portes fermer (Eneas, 9625) '... прибежали закрыть дверь'.

Во всяком случае в поздних текстах узуальным является инфинитивное дополнение без предлога, видимо, как непосредственное наследство латинской письменности. Появление при нем предлога *ad* могло явиться результатом влияния соответствующей герундияльной конструкции, оно подкреплялось еще, вероятно, тем стремлением к наглядности и однозначности, которое способствовало распространению предлогов и при падежных формах существительных и которое можно наблюдать в построениях письменного языка позднего периода, близких к живой речи. Неудивительно, что такой же инфинитив с *ad* появляется в других сочетаниях, например при прилагательном, при безличном обороте и т. д.:

Quid primum referam de miraculis quibus... perloungum est *ad enarrare* (V. Audonii, 12, VIII в.) 'Долго перечислять то, что я сперва расскажу об этих чудесах'.

С точки зрения его дальнейшей судьбы в романских языках особый интерес представляет сочетание предложного и беспредложного инфинитива с *habeo*. Оно засвидетельствовано со времен Цицерона с глаголами, обозначающими акт речи, и имеет значение «быть в состоянии», «быть способным», «мочь»:⁵⁵

... de re publica nihil *habeo* at te *scribere* (Cic. Att. 2, 22) '... о государственных делах мне нечего тебе написать'; De Alexandrina re... *habeo polliceri*... (Cic. Fam. 1, 5a, 3) 'Относительно Александрии... могу обещать...'.

Позднее в этом сочетании возник оттенок долженствования:

Quid *habui facere*? (Sen. Contr. I, 1, 19)⁵⁶ 'Что мне было делать? (=Что я должен был делать?)'.

Quid *habeo aliud precari*? (Suet. Aug. 58).⁵⁷ 'О чем другом должен я молить?'.

⁵⁴ Цит. по: D. Norberg, ук. соч., стр. 211.

⁵⁵ См.: Ph. Thielmann. Habere mit dem Infinitiv. Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik, Leipzig, 1885, Jhg. II.

⁵⁶ Цит. по: A. Ernout, F. Thomas, ук. соч., стр. 258.

⁵⁷ Цит. по: A. C. Juret, ук. соч., 206.

Одна из линий этой конструкции дает впоследствии романский футурум. Переосмысление сочетания в форму будущего времени совершилось постепенно, начало его можно обнаружить еще довольно рано. Так, у Августина:

... tempestas illa tollere *habet* totam paleam de area
(Aug. Tract. in Joh. 4, I, 2)⁵⁸ '... эта буря унесет всю солому с гумна'.

В значении должествования, возможности, это же сочетание вошло позднее в романские языки; инфинитив в нем сопровождается предлогом *à*.

Однако процесс образования сочетания типа *habeo aliquid ad facere* протекал не только медленно, но и весьма скрыто. Сочетания *habere* с герундием в поздних текстах обычно имели предлог *ad*, с инфинитивом же — получали его крайне редко, в единичных случаях. Как правило, *habeo* в значении должествования, возможности или цели сочетался с чистым инфинитивом.

Habeo с герундием:

Adalulfus. . . ad Charoaldo. . . occurrit, petens, ut segregius quod *ad suggestendum habebat*, exponeret (Fr. Chr. IV, 51) 'Адалульф. . . прибежал к Хароальду. . . , прося, чтобы он тайно изложил то, что мог подсказать'.

Habeo с инфинитивом:

. . . coepit postulare ab eo, ut de sanctis eius reliquiis sibi adquireret, ut . . . ad bellum, vel quoscumque iret, secum portare *haberet* (P. Quir. 16) ' . . . стал требовать от него, чтобы получить что-нибудь из его святых останков, чтобы. . . мог брать с собой, когда пойдет на войну или куда бы то ни было; . . .qua. . . *sepelire* propter aliorum sepulchrorum multitudinem, qui locum illum ab antiquo repleverant, non *haberent*. . . (Gr. T. Gl. Mart. 64) ' . . . которые . . . похоронить не могли из-за множества других погребений, которые искони заполняли это место. . .'.

Д. Норберг считает, что сочетание типа *habere aliquid ad facere* неотделимо от *dare aliquid ad facere*. Последнее найдено Рёншем⁵⁹ в Итale:

quomodo potest hic nobis carnem *dare ad manducare*. . . (Loh. 6, 52) 'каким образом может он дать нам мяса для еды. . .'.

Интересно, что в Вульгате в этом случае стоит герундий: *ad manducandum* (δοῦναι . . . φαγεῖν).

⁵⁸ Цит. по: A. Egpoout, F. Thomas, ук. соч., 252.

⁵⁹ H. Rönsch, ук. соч., стр. 430.

Далее,⁶⁰ по типу переходной конструкции *habere aliquid ad facere* могла возникнуть и непереходная: *est mihi aliquid ad facere*. Она также представлена в романских языках.

Остается установить, каким образом инфинитив с *ad* мог оказаться непосредственным дополнением глагола *habere*. Перестановка *habeo ad facere aliquid* по типу герундиальной вместо *habeo aliquid ad facere* могла привести к смысловому контакту *habeo* и дополнения инфинитива: *aliquid* оказывался как бы объектным дополнением инфинитива.

Важной деталью в истории предложного, да и беспредложного инфинитивного дополнения является то, что в текстах раннего средневековья (меровингского периода) по-прежнему очень живы и употребительны сочетания с герундием и герундивом (с предлогом и без предлога). Возможно, что это результат влияния школы или собственного стремления авторов избегать разговорных и просторечных конструкций. Как водится, есть случаи гиперкоррекции: с одной стороны, употребляется герундий с *ad* в таких случаях, когда еще классическая норма санкционировала инфинитив, и с другой стороны, герундий охотно ставится без предлога, видимо, по примеру инфинитива.

Разрушение конструкции *accusativus cum infinitivo*

В исследованных нами текстах VI—VIII вв. глаголов, которые имеют при себе инфинитивное дополнение и условно образуют одну большую семантическую группу глаголов «побуждения», сравнительно немного. Среди них можно выделить несколько подгрупп по семантической близости и по свойственным им грамматическим конструкциям: 1) глаголы приказания, требования, принуждения, просьбы и приглашения произвести действие, обозначенное инфинитивом: *iubeo, praecipio, impero, facio, cogo, compello, impello, mando, invito, instigo, indico, postulo, deprecor, hortor, cohortor, animo, praedico, decerno, instituo, propono, flagito, deposco, rogo, ordino*; 2) глаголы обещания, стремления произвести действие: *promitto, spondeo, polliceor, peto, expeto*; 3) допущение или недопущение действия: *permitto, sino, tolero, patior, impedior, prohibeo*.

Эти группы охватят в основном все глаголы данной семантики, интересующие нас с точки зрения возможности сочетания их с инфинитивом в памятниках поздней латыни или, вернее, с точки зрения изменения типа их дополнения от классической латыни к VI—VIII вв.

По общности свойственных им грамматических конструкций к этим глаголам примыкают: 4) глаголы, означающие начало действия: *coepi, incipio, ordior*; 5) глаголы, которые входили в та-

⁶⁰ См. у Д. Норберга, ук. соп., стр. 219 и сл.

кие традиционные группы латинской грамматики, как *verba dicendi* и *verba affectuum*, которым было свойственно в классической латыни сочетаться с оборотом *accusativus cum infinitivo*. Из этой группы для нас представляют интерес лишь те, которые в поздних памятниках не сочетаются с оборотом *accusativus cum infinitivo*, т. е. синтаксис которых претерпевает существенное изменение.

Глаголы, обозначающие побуждение, приказание, принуждение, требование, приглашение, просьбу

В этой группе совершенно особое и очень значительное место занимает глагол *facere*.

Наиболее литературной конструкцией при глаголе *facio* со значением побуждения к действию в классической латыни было придаточное предложение с *ut*. Но уже в архаический период встречаются единичные случаи сочетания *facere* с конструкцией *accusativus cum infinitivo*.

Ф. Тильман,⁶¹ посвятивший изучению латинского *facere* с инфинитивом специальное исследование, отмечает, что, в то время как классической конструкцией *facere* было сочетание с придаточным предложением, введенным союзом *ut* или *ne*, народный язык охотно пользовался инфинитивом. Характерно, что Ф. Тильман не называет эту конструкцию *accusativus cum infinitivo*. Будучи явлением народного языка, она кажется естественной в текстах архаической латыни. Однако Тильман оспаривает ее наличие во многих из тех случаев, которые приводятся другими исследователями. При этом он опирается на более достоверные с его точки зрения редакции. Однако и он вынужден признать, что Плавту эта конструкция свойственна, даже если встречается у него не так часто, как иногда полагают. Есть она и у других авторов. Иногда ею пользуются в стремлении избежать повторения в одной фразе двух союзов:

... cum soles eadem facient longiscere longe (Епп.
Ann. 452 V.) '... когда, наконец, жара заставляет из-
немогать'.⁶²

Авторы классической прозы в общем относятся к этой конструкции без особых симпатий.⁶³

В классической прозе ее можно видеть главным образом у Цицерона:

⁶¹ Ph. Thielmann. *Facere mit dem Infinitiv*. Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik, Leipzig, 1886, Jhg. III, S. 177—206.

⁶² Цит. по: Ph. Thielmann, ук. соч., стр. 181.

⁶³ Там же.

Nulla res magis... tales oratores videri facit, quales ipsi se videri volunt (Brut. 142) 'Ничто не заставляет ораторов в большей степени казаться такими, какими они хотят казаться'.

Изредка она встречается у поэтов, например, у Лукреция, Вергилия и Овидия:

... quod faciat nos vivere cum sensu (Lucr. 3, 101)
‘... что заставит нас жить разумно’; ... hoc me telum
flore facit (Ov. Met. 7, 690) ‘... это копье заставляет
меня плакать’.

По-видимому, поэтов действительно привлекала возможность избежать при помощи этой конструкции громоздкого скопления придаточных предложений. На эту мысль наводит преимущественное ее появление в придаточных предложениях:

... qui (ignes, — E. P.) faciunt solem certa desurgere
parte (Lucr. 5, 703) ‘... каковые огни заставляют солнце
всходить с определенной стороны’.

В прозе августовского периода эта конструкция мало употребительна. В языке юристов она опять появляется:

... rogo te... ut id... facias pervenire ad filium
tuum (Scaev. dig. 36, 1, 77 (75), 1)⁶⁴ ‘... прошу тебя...
сделать так, ... чтобы это дошло до твоего сына’.

Важным этапом в дальнейшем развитии конструкции было употребление ее Авлом Геллием и Апулеем:

Cur ea littera... aliam vocem produci facit, aliam
corripit? (Aul. Gell. 2, 17, 6)⁶⁵ ‘Почему одна и та же
буква ... вызывает долготу одного звука и краткость
другого’.

Говоря о том, что причиной развития инфинитивной конструкции с *facere* является стремление избежать нагромождения придаточных предложений, Ф. Тильман совершенно правильно оговаривается, что это обстоятельство вряд ли могло быть основанием для ее появления в языке. Внутренней причиной ее возникновения он считает необходимость в возможно кратком, но выразительном способе передачи каузативного оттенка значения, который в латинском языке был представлен лишь ограниченным числом глагольных пар из непереходных и переходных глаголов: *fugere* — *fugare*; *iacere* — *iacere* и т. п. Подлинным каузативом служили словообразовательные типы глаголов, сложенных с *facio*: *calefa-*

⁶⁴ См.: Ph. Thielmann, ук. соч., стр. 182—183.

⁶⁵ Цит. по: Ph. Thielmann, ук. соч., стр. 184.

cio, ferrefacio и т. п., но они не могли полностью удовлетворить имеющейся потребности, т. к. были возможны лишь для основ соответствующего значения, которые входили в сочетание с *facio* — эти образования характерны для глаголов, обозначающих состояние. Сочетание с *facio* возникало для передачи значения «приведения в данное состояние».

mel ter infervescere facito (Columella, 12, 38) ‘трижды дай меду закипеть’.

Такое сочетание очень распространено у поздних писателей, особенно в переводах Библии. Естественно его широкое распространение именно в тот период, когда литературная традиция если не вполне, то в значительной мере забыта. Создаются новые возможности, что могло осуществляться лишь в условиях известного пренебрежения к старым нормам или во всяком случае в условиях возможного их пересмотра. Ф. Тильман отмечает значительное учащение употребления этой конструкции у Тертуллиана и Киприана, но в то же время обращает внимание на то, что рамки ее пока в общем ограничены непереходными глаголами. Характерно, что переходные глаголы пока еще мало поддаются сочетанию с побудительным *facere*, а если и появляются в этой конструкции, то, главным образом в форме пассива. В языке первых христианских писателей это сочетание имеет уже четко выраженное каузтивное значение.⁶⁶

В тех случаях, когда при *facere* появляются переходные глаголы, они, как правило, не имеют своих собственных дополнений, сохраняя, таким образом, конструкцию старого аккузатива с инфинитивом. Появление дополнений при инфинитиве — редчайшее пока еще явление — ласточка, предвещающая, с одной стороны, будущее значительное распространение конструкции, с другой — разрушение ее как конструкции «аккузатива с инфинитивом», в которой аккузатив является субъектом действия, выраженного инфинитивом.

Ф. Тильман считает⁶⁷ весьма красноречивым тот факт, что конструкция с *facio* с побудительным значением преобладает в писаниях Отцов церкви для глаголов, выражающих состояние. Это подтверждается обильным количеством примеров и свидетельствует о том, какую роль в распространении конструкции играл фактор семантического порядка, а именно — потребность языка в каузативных глаголах. Пожалуй, не менее часто сочетание с *facio* глаголов движения, например: *ire facio, transire facio, exire facio, accedere facio, abscedere facio, recedere facio, ascendere facio, descendere facio, currere facio, ambulare facio* и т. п. Сочета-

⁶⁶ См.: Ph. Thielmann, ук. соч., стр. 185.

⁶⁷ Ук. соч., стр. 188.

ния эти прекрасно восполняли недостаток языка в глаголах, которые обозначали бы «приведение в движение» различного рода.

Не менее характерны для этого периода сочетания с *facere* глаголов чувственного восприятия: *videre*, *audire*, *sentire*, *intelligere*, *credere* *facio* и т. п. Эти сочетания представляют особый интерес для романистов ввиду их позднейшего сохранения в романских языках уже, пожалуй, в виде грамматически завершивших свое развитие формул, до сих пор живых и употребительных, как: *faire voir=montrer*, *faire savoir=annoncer*, *faire comprendre=expliquer*, *faire parvenir=envoyer* и т. п.

Попутно с количественным распространением конструкция *facio* с инфинитивом получает и значительное семантическое расширение. От весьма общего значения «сделать так, чтобы...» она все больше склоняется к значению категорического побуждения «заставить что-то сделать», а отсюда один шаг и к «приказать». Эти модификации происходят уже в лоне латинского языка императорского периода, ибо к моменту появления так называемых поздне-, или вульгаролатинских памятников, предшественников или, точнее, современников только что возникших или еще возникающих романских языков, все эти три семантические осмысливания конструкции уже наличествуют.

Ф. Тильман считает,⁶⁸ что *facio* становится синонимом *iubeo* при инфинитиве не раньше III в. нашей эры, ибо в то время как у Тертуллиана, Коммодиана и Киприана оно еще не находит этого значения *facio*, оно бесспорно у историографов цезарей. Естественно при этом, что в сочетание с *facere* в данном значении вступают прежде всего инфинитивы пассива. Что касается авторов Истории цезарей, Тильман считает сочетание «*facio* + инфинитив» непременной чертой их языкового стиля. Но особенно характерно оно для христианской латыни и при этом во всех модификациях своего значения («сделать так, чтобы...», «побудить», «заставить»—«приказать»). С III в., замечает Тильман, «*facio* + *infinitivus*» в значении «приказать» превратилось в неотъемлемую принадлежность латинского канцелярского стиля. Эта традиция продолжается и неуклонно развивается дальше, пока не переходит, таким образом, в книжно-письменную речь делового латинского языка средневековья. В немалой степени, начиная с середины V в., этому способствует папская канцелярия. Основатель папского могущества—папа Лев Великий (середина V в.) был в то же время и создателем папского канцелярского языкового стиля. Изучение писем и документов, исходивших из его канцелярии, свидетельствует, в частности, о чрезвычайном распространении инфинитивной конструкции с *facio* в эту эпоху.

⁶⁸ Там же, стр. 192—193.

Ф. Тильман затрагивает в своем исследовании⁶⁹ интересный вопрос о том, как постепенно пассивный инфинитив, столь естественный при значении *facio=iubeo*, заменяется активным инфинитивом. При этом, к сожалению, он не останавливается на определении характера всей изучаемой конструкции, которая постепенно превращается в простое инфинитивное дополнение. Т. е. история этого сочетания входит в качестве отдельного звена в историю конструкции *accusativus cum infinitivo*, которая по традиции, но, видимо, ошибочно, считается некоторыми грамматистами полностью сохранившейся в романских языках и даже дожившей до наших дней во всей своей нетронутости. Видимо, это известного рода гипноз классической латинской грамматики, не допускающий переосмысления ее категорий, не позволяющий согласиться с тем, что они способны не только к сохранению, но и к развитию и, следовательно, к изменению. Развитие нередко заключается в полном перерождении грамматических категорий, в превращении их в нечто принципиально иное, совершенно новое.

Изучая процесс замены пассивного инфинитива при *facio* активным, Ф. Тильман вполне резонно отмечает, что известную роль в этом превращении могло иметь фонетическое слияние конечных *й* и *ё*. Тем более, что тексты показывают втягивание в конструкцию с *facio* сначала инфинитивных форм глаголов I, II и IV спряжения. Влиянием фонетики еще раз подтверждается устный, а следовательно, и народно-разговорный источник произошедшего изменения конструкции. Это подтверждается тем, что наиболее широко она будет представлена в текстах, отражающих именно эту народную живую речь.

Включение в конструкцию активного инфинитива — значительный шаг на пути ее развития, все дальше уводящего ее от старого оборота *accusativus cum infinitivo* и приближающего к простому инфинитивному дополнению. Дальнейшее разрушение конструкции *accusativus cum infinitivo* пойдет по пути все большего расщатывания отношения между аккузативом и инфинитивом до полного исчезновения аккузатива как дополнения управляющего глагола и распространения ее на переходные глаголы, сопровождающиеся своим собственным дополнением.

В исследованных нами хроникальных текстах VI—VIII вв. и в Житиях святых этого времени *facio* с инфинитивом — очень частое явление. Интересно разобраться, составляет ли оно оборот *accusativus cum infinitivo*, т. е. является ли участвующий в нем аккузатив прямым дополнением *facere* и обозначает ли агенса действия, заключенного в инфинитиве. Именно это отношение между существительным (местоимением) в форме аккузатива и глаголом в инфинитиве и делало сочетание особым грамматиче-

⁶⁹ Там же, стр. 200—206.

ским оборотом, отличающимся от обычного «объективного» или «субъективного» инфинитивного дополнения.

В наших текстах в случае, когда глагол в инфинитиве был непереходным, существительное или местоимение в форме аккузатива служит действительно производителем действия, представленного инфинитивом. Имеет место подлинная конструкция *accusativus cum infinitivo*. Однако значительно чаще аккузатив оказывается дополнением не к *facio*, а к инфинитиву переходного глагола, и в этом случае от *facio* зависит только инфинитив. Оборота *accusativus cum infinitivo* в сущности нет. Имеет место простое инфинитивное дополнение. Попутно заметим, что в примерах, приводимых исследователями из архаических и классических текстов, инфинитивы при *facio*, как правило, относятся к непереходным глаголам.

Посмотрим, как выглядит сочетание *facio* с инфинитивом и аккузативом в памятниках меровингской эпохи.

Часть примеров содержит инфинитивы непереходных глаголов.

Первый вариант: существительное (или местоимение) в аккузативе — дополнение к *facio* и одновременно агент по отношению к инфинитиву. Перед нами старый оборот *accusativus cum infinitivo*:

Hec *omnia mixta in uno rursum defervere facies* (Mul. Chir. III, 11) ‘Всему этому, перемешанному вместе, дай отстояться’. *Confidimus ergo... quia, etsi non potest paginam sermo incultus ornare, faciet eam gloriosus anti-stis paeclaris virtutibus elucere* (Gr. T. Virt. Mart. I) ‘Мы верим, что, хотя неотесаная речь не может украсить страницу, славный заступник заставит ее блестать яркими деяниями...’; *Theodosius. . . Arcadium, filium suum. . . consortem regni sui fecit esse* (Fr. Chr. II, 50) ‘Феодосий... сделал Аркадия, своего сына..., соправителем государства’; *Napc mittunt, ut cervum callide conveniat et ad leonem redire faciat* (Gesta Theod. II, 2) ‘Посылают ее, чтобы она с хитростью подошла к оленю и заставила его вернуться ко льву’; . . . *Tulbiaco civitate ad se eum venire fecit* (LHF A, 22) ‘. . . заставил его прийти к нему в город Тульбиак’; *Ego te faciam ad omnium documentum fame tabescere, donec omnia reddas* (Gr. T. Virt. Mart. III, 47) ‘Я заставлю тебя на предостережение всем зачахнуть от голода, пока ты не вернешь все’; *Quam cespitem. . . mulier quaedam. . . Meratina nomine. . . in orto suo posuit, infusaque saepius aqua. . . vivere fecit* (Gr. T. Vitae Patr. IV, 7) ‘Тот побег некая женщина по имени Мератина посадила в своем саду и, часто поливая водой, заставила жить’; *Fructus autem spiritus est omne quod. . . in hoc saeculo, mortificata carpe, animam exultare facit. . .* (Gr. T. Vitae Patr. IV, intr.) ‘Плод духа есть все то, что

при умертвленной плоти в этом мире заставляет возливать душу...’.

Во всех приведенных случаях глагол в инфинитиве непереходный и является таким же непосредственным дополнением глагола *facio*, как и существительное (или местоимение) в аккузативе. Последнее стоит к инфинитиву в отношении производителя обозначенного им действия. В этих случаях еще имеет место своеобразная конструкция *accusativus cum infinitivo*.

То же отношение между инфинитивом и существительным — дополнением глагола *facio* — может сохраняться и в том случае, когда глагол в инфинитиве переходный, но имеет свое собственное прямое дополнение:

*Gratias tibi magnas refero, beatissime domne Martine,
quod aperiens os meum, fecisti me. . . in tuas laudes uerba
laxare* (Gr. T. Virt. Mart. 7) ‘Воздаю тебе большую благодарность, блаженнейший Мартин, за то, что, раскрыв уста мои, ты заставил меня... произносить слова во славу твою’; . . . *infrenatum te loris, circuire urbem super
asinum faciam, ut sis in ridiculo omnibus qui te aspexerint* (Gr. T. Gl. Mart. 78) ‘... связанного ремнями я заставлю тебя обхехать город на осле, чтобы ты был посмешищем для всех, кто тебя увидит’.

Впрочем, такие предложения относительно редки. Они неудобны конструктивно, т. к. в них сталкиваются два аккузатива — дополнение к *facio* (=агенс инфинитива) и дополнение к переходному глаголу в инфинитиве. Романские языки впоследствии будут избегать таких столкновений. Не случайно французский язык, например, заменяет в подобных случаях дополнение объекта (т. е. беспредложное) при *faire* дополнением адресата (т. е. с предлогом *à*): *Un coup de fusil. . . fit pousser à Jeanne un petit cri* (Maupassant. Une Vie).

Да и в поздних текстах такие сочетания появляются скорее как исключения.

Отношения конструкции аккузатива с инфинитивом сохраняются при пассивной форме инфинитива. *Facio* в этом случае все чаще и чаще выступает в качестве синонима глагола *iubeo*:

*Adiuro te per Deum vivum et virtutem sancti Niceti,
ut vel epistolam eius mihi reddi facias. . .* (Gr. T. Vitae Patr. VIII, 9) ‘Заклинаю тебя богом живым и чудесной силой святого Ницетия, чтобы ты приказал вернуть мне его письмо...’; . . . *vas cum aqua exhiberi faciebat, in qua
manus immersas diutius retinebat. . .* (Gr. T. Vitae Patr. I, 2) ‘... приказал выставить сосуд с водой, в котором долго держал погруженные руки’; . . . *atque res calidas super
ipsas alvi torturas ligari faciebam. . .* (Gr. T. Virt. Mart.

IV, 1) ‘... и приказал прикладывать грелки к больному животу...’; *O magna virtus martyris, quae mihi perditum tam velociter restitui fecit* (Gr. T. Gl. Mart. 103) ‘О великая сила мученика, которая столь быстро заставила вернуть мне утраченное!’.

Характерно, что пассивный инфинитив при *facio* появляется только под первом Григория Турского, притом не только для глаголов III спряжения, но и для других. Для него, значительно лучше чем другие авторы VI—VIII вв. знавшего правила грамматического строя латинского языка, пассивный инфинитив, особенно при *facio=iubeo*, разумеется, должен был казаться более, если не единственным в данной конструкции.

Иначе представлены отношения между членами конструкции в тех случаях, когда входящий в нее аккузатив не может рассматриваться как обозначение агента при инфинитиве, а следовательно, является дополнением не к управляющему глаголу, а к инфинитиву. Именно таких случаев становится все больше:

D u o s m e n s i s aliter appellare fecit: September Germanico et October Domiciano (Fr. Chr. II, 37) ‘Приказал называть иначе два месяца: сентябрь — месяцем Германника и октябрь — Домициана’; *C i v i t a t e s u n i v e r s a s quas regebat, mori operis restaurare et munire sollertissime fecit* (Fr. Chr. III, 57) ‘Все города, которыми он управлял, приказал, по обычаю, восстановить и тщательнейшим образом укрепить’; *Postea transcendens sacramentum... ipsamque suggelare fecit* (Fr. Chr. III, 60) ‘Затем, нарушив клятву, приказал убить ее самое’; *P a l a t i a quoque splendissima Ravennae, Veronae, Papiae fabricare fecit* (Gesta Theoder. I, 13, из Фредегария) ‘Приказал построить великолепнейшие дворцы Равенны, Вероны, Павии’; ... *et omnes Gothos ad christianam legem baptizare fecit* (Fr. Chr. IV, 8) ‘... и приказал всех готов крестить в христианскую веру’; *Chunibertus et Pippinus hoc transiit a u r u m, quod pars fuit Segyberti, Mettis facint perducere...* (Fr. Chr. IV, 85) ‘Гуннберт и Пипин приказали перевезти в Мец сокровище, часть которого принадлежала Сигиберту’; *T u l g a n e m degradatum et ad opes clericati tonsorare fecit* (Fr. Chr. IV, 82) ‘Тульгана приказал разжаловать и постричь в монахи’; ... *episcopus fecit post ieunium reficere Afram cum matre suo...* (Conv. Afrae, 7) ‘... епископ приказал накормить после поста Афру с ее матерью’; *Iudex Gaius dixit: «Sacrifica, nam torquere te faciam et post haec vivam incendi»* (P. Afrae, 1) ‘Судья Гай сказал: «Принеси жертву, иначе прикажу тебя пытать и затем сжечь тебя живой’.

Этот последний пример представляет собой любопытное и весьма характерное для поздней латыни сочетание нового способа выражения со старым, традиционным. *Torquere te faciam* — сочетание, в котором *te* выступает как дополнение к переходному *torquere*, являющемуся инфинитивным дополнением при *facere*. Вторая же половина фразы воспроизводит старый тип конструкции *accusativus cum infinitivo* благодаря пассивной форме *incendi*:

... te faciam ... vivam incendi ... '... сделаю так (=прикажу)..., чтобы ты была сожжена живой...'.

Характерно, что подобные нового типа конструкции, не встречающиеся у Григория Турского, изобилуют у Фредегария и последующих авторов, язык которых все больше подпадает под влияние живой разговорной речи.

В примерах этого рода, где аккузатив — дополнение не управляющего глагола, а инфинитива, нет уже больше оборота аккузатива с инфинитивом.

Существенно также, что в памятниках после Григория Турского пассивный инфинитив в конструкции почти не встречается. Таким образом, употребление *facio* в функции глагола побуждения и выражения приказания приводит постепенно к разрушению классической конструкции аккузатива с инфинитивом. *Facio* все больше связывается с инфинитивом. В романских языках этот процесс продолжится и дойдет до превращения *facio* при инфинитиве в грамматический показатель побудительного залога. Но это произойдет уже в романских языках.

В отношении постепенного развития инфинитивного дополнения за счет разрушающейся конструкции *accusativus cum infinitivo* еще более показательна история глагола *iubeo* в памятниках поздней латыни.

В классической латыни⁷⁰ *iubeo* в основном употреблялся в связи с *accusativus cum infinitivo*. Так употребляли его Цезарь, Саллюстий и Цицерон. Однако наряду с этим *iubeo* мог управлять придаточным предложением с *ut* и с *ne* и даже просто конъюнктиром. У Цицерона *iubeo* с придаточным предложением встречается только два раза:

senatus decrevit populusque iussit, ut... (Cic. Verr. 2, 67) 'сенат постановил и народ приказал, чтобы...' ;
tibi in mentem non venit iubere ut... (там же, 4, 12, 28)
'тебе не пришло в голову приказать, чтобы...'.

Вергилий, Овидий, Ливий также знают сочетание *iubeo* с *ut*. Плиний Младший и Квинтилиан избегают его. У поздних профанов, таких, как Геллий, Апулей, оно опять появляется. Иногда находим его даже у таких поздних авторов, как Лактапций.

⁷⁰ См.: A. Draeger, ук. соч., стр. 235, 313, 387.

Но наиболее характерной синтаксической конструкцией для *iubeo* является бесспорно accusativus cum infinitivo.

Однако уже с архаической поры *iubeo* может, хотя сперва и редко, сопровождаться чистым инфинитивным дополнением. Например, у Плавта (Mil. Gl. 1278):

Iube domum ire ‘прикажи идти домой’.

В классической прозе у Цицерона (Catil. 3, 8, 20):

iusserunt simulacrum Iovis facere ‘приказали сделать изображение Юпитера’.

То же у Цезаря (BG, 2, 5): castra... munire iubet ‘приказывает... укрепить лагерь’.

У поэтов инфинитив при *iubeo* встречается чаще, так же как у более поздних прозаиков, как например у Ливия (25, 10):

Hannibal Tarentinos sine armis convocare iubet ‘Ганнибал приказал созвать тарентинцев без оружия’.

Именно эта конструкция окажется впоследствии наиболее распространенной и самой плодотворной. В этом своем качестве она окажется преобладающей в поздних латинских памятниках.

На постепенном изменении конструкции с глаголом *iubeo* можно наблюдать процесс разложения оборота accusativus cum infinitivo и превращения его в простое инфинитивное дополнение.

В поздних текстах *iubeo* сочетается с десятью различными типами дополнений. Прежде всего это подлинный accusativus cum infinitivo, в котором полностью сохраняется отношение между аккузативом и инфинитивом как отношение между агенсом и совершааемым им действием. Это отношение совершенно отчетливо выступает в тех случаях, когда *iubeo* сочетается с непереходным глаголом и аккузативом, представляющим действующее лицо:

Et statim rex iussit omnes hos qui sacerdotis sententia
damnati fuerant egredi ab ecclisia (Gr. T. Vitae Patr.

XVII, 2) ‘И тотчас король приказал, чтобы все те, кто был осужден решением священника, вышли из церкви’; Scito,
inquit, imperator, quia ad confirmandam fidem tuam nos
Dominus resurgere iussit (Gr. T. 7 Dorm. II) ‘Знай, говорит он, император, что Господь приказал, чтобы мы поднялись для укрепления веры твоей’.

Этой классической конструкцией пользуются, притом всегда лишь с непереходными глаголами, не только Григорий Турский, но и более поздние авторы, все дальнеше отходящие от литературной нормы:

... iobet Adalulfum armatum conflictum adire certamine... (Fr. Chr. IV, 51) ‘...приказывает, чтобы Адалульф вышел вооруженным на бой’; ... rex omnet

exercitum suum apud armorum apparatu iussit venire (LHF A, 10) ‘...король приказал, чтобы все его войско пришло в полном вооружении’; *Cumque Genovefa spiritum inmundum a corpore hominis iuberet exire...* (V. Genov. 47) ‘И когда Геновефа приказала, чтобы нечистый дух вышел из тела человека’; ... *sic ... me iubeat ire in abyssum...* (Conv. Afrae 7) ‘...так пусть он прикажет, чтобы я отправился в бездну’.

Конструкция «аккузатив с инфинитивом» при *iubeo* очень часто содержит пассивный инфинитив:

... *iusset ipsa deinceps exuri corpuscula et in flumine propinquuo iactari* (Gr. T. Gl. Mart. 95) ‘приказал, чтобы тела были сожжены и брошены в ближайшую реку’.

Интересно отметить, что в числе примеров с пассивным инфинитивом, которые удалось найти в памятниках поздних хронистов и в Житиях святых, почти не обнаружено инфинитивов ни I, ни II, ни IV спряжения. Они, видимо, с изменением конечного *i* в *e* в окончаниях *-ari*, *-eri* и *-iri* все превратились в активные инфинитивы, а вместе с тем изменилась и сама конструкция. Во всяком случае, примеры из этих текстов оказались в большинстве случаев содержащими пассивные инфинитивы III спряжения:

... *in patibulo eum suspendi iussit* (Cont. Fred. 51)
‘...приказал, чтобы он был повешен на виселице’;
... *iussit eum cum uxore et filiabus igne consumi* (LHF A, 28)
‘...приказал, чтобы он был сожжен в огне вместе с женой и дочерьми’; *quare iubemus eos in agrum proici...* (Mul. Chir. III, 111) ‘...приказываем, чтобы они были положены на землю...’

И один из редких примеров, в котором пассивный инфинитив относится к четвертому спряжению:

Rex... *accersiri eum ad se iubet* (G. Dagob. 7) ‘Король приказывает, чтобы он был позван к нему...’.

Этими двумя типами исчерпывается конструкция аккузатива с инфинитивом при *iubeo*, которая была ему преимущественно свойственна и в классических текстах. К этому можно еще добавить те относительно очень редкие случаи, когда в поздних памятниках *iubeo* управляет дополнительным придаточным предложением или, совсем уже редко, просто конъюнктивом:

Тип *missa legatione ad Gundobadum, ut ei per singulos annos tributa inposita reddere debeat, iubet* (LHF A, 16)
‘Тогда, послав к Гундобаду посольство, приказывает, чтобы тот выплачивал каждый год наложенные подати’;
Sic iobet dominus Theudericus, ut interficiatur Protadius (Fr. Chr. IV, 27) ‘Так приказывает государь Теодорик,

чтобы Протадний был убит'; Cum haec Pippino rege nuntiatum fuisse... , nīmū in ira commotus, iubet omnes Francos, ut... ad Ligerem venissent (Cont. Fred. 42) 'Когда это стало известно королю Пипину... , чрезвычайно разгневанный, он приказал, чтобы... все франки пришли к Лигеру'; Iubeo tibi, inmunde spiritus, ut des mibi responsum de eo, quod te interrogavero (Conv. Afrae, 6) 'Призываю тебе, нечистый дух, чтобы ты дал мне ответ о том, что я у тебя спрошу'.

И наконец, конъюнктив без союза *ut*, который, впрочем, быть может, просто случайно пропущен:

... Chlotharius rex... iobet Arneberto, qui Godini germanam uxorem habebat, eum cum exercito interficeret (Fr. Chr. IV, 54) '... Король Лотарь... приказывает Арнеберту, который был женат на сестре Година, [чтобы] убил его с войском'.

В подавляющем большинстве случаев *iubeo* сопровождается у поздних авторов инфинитивным дополнением. Это — часть конструкции *accusativus cum infinitivo*, в которой отсутствует *accusativus*, т. е. главнейший ее член:

Dagobertus. . . ducem ad se evocat iubetque secum prandere (G. Dagob. 6) 'Дагоберт призывает к себе герцога и приказывает обедать с ним'; Quo paululum quiescente, post unius horae curriculum surgere iubet (Gr. T. Vitae Patr. XVI, 3) 'Отдохнув там немного, по прошествии одного часа, он приказал подниматься'.

Если глагол, зависящий от *iubeo*, является переходным, то аккузатив может находиться при нем не в качестве агента, а в качестве дополнения объекта. В предложении имеются и инфинитивы, и связанный с ним аккузатив, но последний не представляет производителя действия, обозначенного инфинитивом. А следовательно, нет и оборота *accusativus cum infinitivo*.

В памятниках поздней латыни именно такое инфинитивное дополнение при *iubeo* оказывается преобладающим. Интересно, что на определенное количество текстов наблюдалось, например, такое соотношение: 8 случаев *iubeo* с подлинным оборотом *accusativus cum infinitivo*, содержащим непереходный глагол; 12 случаев той же конструкции с пассивным инфинитивом, ни одного с переходным глаголом в активе без дополнения, но зато 44 примера, где *iubeo* сопровождается инфинитивом переходного глагола, имеющим при себе собственное прямое дополнение в аккузативе.

При этом не случайно, что значительная часть — 32 — последних падает на такие тексты, как Хроника Фредегария, Продолжение Хроники Фредегария и Книга Истории Франков. Есть все осно-

вания считать именно эти тексты наиболее близкими к живому разговорному языку эпохи. Вряд ли будет ошибкой предположить, что общие случаи инфинитивного дополнения за счет оборота *accusativus cum infinitivo* при *iubeo* — это результат влияния разговорной речи на письменную речь авторов, не очень твердо придерживавшихся уже давно устаревших и полузабытых, если не совсем забытых, норм классической грамматики. Неудивительно также, что из приведенных 44 примеров этой конструкции лишь один принадлежит перу относительно лучшего знавшего классический латинский язык Григория Турского:

... *iussit diligentius operere fenestram* (Gr. T. Gl. Mart., 37) ‘... приказал плотно закрыть окно’.

Вот некоторые из упомянутых выше 44 примеров:

... *Palatia quoque splendissime Ravennae urbis...*
fabricare iussit (Fr. Chr. II, 57) ‘Приказал построить великолепнейшие дворцы города Равенны...’; *matrem ius, lapidem ad collo legata, negare uiissisti* (Fr. Chr. III, 19)
... мать его ты приказал утопить, привязав ей на шею амень’; *Primus Domicianus dominum se et deum appellare iussit* (Fr. Chr. II, 37) ‘Домициан первый приказал называть себя господином и богом’; *Iobet omnes a r c e r e n t e s laxare* (Fr. Chr. III, 88) ‘Приказал освободить всех узников’; ... *omnes miros eorum in terra prostravit, qui o s postea praecellus rex Pippinus reparare iubet.* ... (Cont. Fred. 46) ‘... сравнял с землей все их стены, которые преславный король Пипин впоследствии приказал исправить’; ... *palaci um sibi edificare iubet* (Cont. Fred. 49) ‘... приказывает построить ему дворец’; *Leodegarium egar ium episcorum... gladio ferire iussit* (LHF A, 45) ‘... приказал сразить мечом епископа Леодегария’; ... *iube reddere qui o d male pervasimus.* ... (LHF A, 34) ‘... прикажи вернуть то, чем мы неправедно завладели’; ... *Theodobertum vero, fillium eius... custodire iussit per annum integrum* (LHF A, 30) ‘Теодоберта же, его сына, приказал сторожить в течение целого года’.

Инфинитивное дополнение, состоящее из переходного глагола с прямым дополнением, оченьично и в языке житий и деяний святых:

Rex vero Dagobertus... *omnes Iudaeos...* *a finibus regni sui pellere iussit* (G. Dagob. 24) ‘Король Дагоберт приказал изгнать из пределов своего королевства всех иудеев’; ... *iube perquirere duodecim in noscepentes et eos baptiza.* ... (V. Memorii, 2) ‘... прикажи найти двенадцать невинных и окрести их...’.

Никакого ограничения конструкции глаголами определенных групп подметить не удается. Явление широко распространено и может касаться любого переходного глагола.

Окончательным ударом по конструкции *accusativus cum infinitivo* при *iubeo* является появление при нем дополнения в дательном падеже, обозначающего лицо, которое должно осуществить действие, названное инфинитивом. Наличие такого дательного падежа исключает даже подразумевание какого бы то ни было иного «агенса» инфинитива.

Дополнение в дательном падеже может стоять как при неперходном, так и при переходном глаголах. В последнем случае — наряду с аккузативным дополнением инфинитива:

Illoque mortuo, alio exercitu rex de ipso campo iussit discedere in pace ad eorum propria (LHF A, 10) ‘Когда он умер, король приказал остальному войску уйти с поля боя’; *Dagobertus... universis leudibus, quos regebat in Auster, iobet in exercito promovere* (Fr. Chr. IV, 46) ‘Дагоберт приказал всем свободным, которыми управлял в Австразии, вступить в войско’; ... *depraecor, ut iubeas his qui tecum sunt conferre mihi pecuniam, de qua vestitum habeam sufficientem et victimum* (Gr. T. Mir. Andr. 2) ‘... молю, чтобы ты приказал тем, кто находится при тебе, собрать мне денег, на которые я приобрел бы достаточно одежды и пищи’.

Интересна одна деталь, которая возвращает нас к ранее рассмотренному представлению поздних авторов о полном синонимическом совпадении инфинитива и герундия. Подтверждением этому служат примеры, в которых глагол *iubeo*, в отклонение от всех правил классической грамматики, сопровождается герундием, явно воспринимаемым как полный и взаимозаменимый синоним инфинитива:

Gens haec durissima, que mihi agendum iussisti parum adtributati sunt... (Fr. Chr. III, 11) ‘Это жесточайшее племя, которым ты приказал мне управлять, недостаточно обложено податями...’.

*Praecipio*⁷¹ в значении «приказывать», т. е. как *verbum voluntatis*, мог в классической латыни сочетаться с оборотом *accusativus cum infinitivo* исключительно при пассивном инфинитиве. И так, вплоть до Светония:

Praecepit triremes... itinere terrestri Romanum devehi (Cal. 47)⁷² ‘Приказал, чтобы триремы были доставлены в Рим по суше’.

⁷¹ См.: A. Draeger, ук. соч., стр. 388, 314—315.

⁷² См.: R. Kühnег, ук. соч., II, стр. 529.

Активный инфинитив появляется в этой конструкции впервые у Лактанция (2, 5, 1):

Flumina fluere praesepit 'Приказал рекам течь'.

Не менее распространено было и сочетание *praecipio* с придаточным предложением с *ut* (*ne*):

... his consulentibus Pythia *praecipit*, ut Miltiadem imperatorem sibi sumerent (C. Nep. I, 1) '... когда они стали просить совета, Пифия приказала, чтобы они избрали военачальником Мильтиада'.

Наряду с этим употреблялся в качестве дополнения и просто конъюнктив.⁷³

Чисто инфинитивными дополнениями у классических авторов *praecipio* не управлял до Цицерона:

... tempora, quibus *parere* omnes πολιτικοὶ *praecipiunt* (Cic. Att. 12, 51) '... обстоятельства, которым... все государственные деятели наставляют повиноваться'.

Затем у поэтов:

Sunt qui *praecipient* herbas... sumere (Ov. Art. am. 2, 415) 'Есть такие, которые приказали бы собирать... травы'; ... mortem non *timere* *praesepit* (Val. Max. 9, 13, 3) '... приказал не бояться смерти'.

Конструкции с *ut* и конъюнктивом дожили и до поздних текстов, хотя появление их в эту эпоху — большая редкость. Примеры:

Precepit autem rex hoste suo, *ut* nec cybo nec nullo stipendio de ipso paygo tollerent пес nulla spolia (LHF A, 17) 'Король приказал своему войску, чтобы не брали в этой области никаких продуктов, никакой помощи и никакой добычи'; *Precepit* autem rex pro reverentia sancti Martini, nihil aliud nisi herbam *presumerent* ad eorum equos sustinendam (LHF A, 17) 'Из уважения к святому Мартину король приказал, [чтобы] не брали ничего, кроме травы для пропитания своих лошадей'.

Как и *iubeo*, глагол *praecipio* управляет в поздних текстах оборотом «аккузатив с инфинитивом» в двух случаях: 1) когда глагол в инфинитиве непереходный, 2) когда он имеет форму пассива.

1): ... *uxores* eorum hac liberos in Frantia *ambulare* *praesepit*. . . (Cont. Fred. 43) '... приказал, чтобы жены

⁷³ У Кюнера (ук. соч., II, стр. 809) цитируются также примеры из Саллюстия (Jug. 28, 1), Ливия (44, 27, 9), Апулея (Met. 5, 13).

их и дети шли во Францию...'; In Sanctionico vel Burdigalinese *Francos precepit manere ad Gothorum gentem de-lendam* (LHF A, 17) 'Приказал, чтобы франки остались в области Сентонж или Бордо для уничтожения готского племени'.

2): ... *Dagobertus... exercitum in auxilium Sisenandi... convocari praecepit* (G. Dagob. 29) '... Дагоберт приказал, чтобы в помощь Сисенанду было созвано войско'; *Afram. . quae... poluit sacrificiis participare, vivam incendi prae-cipimus* (P. Afrae, 2) 'Приказываем, чтобы Афра, которая не пожелала участвовать в жертвоприношении, была заживо сожжена'.

Но преобладающей конструкцией при *praecipio* в поздних текстах оказывается именно та, которая не была свойственна классической латыни: инфинитивное дополнение. Его могут образовывать: 1) глаголы непереходные, 2) переходные со своим собственным дополнением, наконец, 3) оно может стоять параллельно дополнению дательного падежа лица, к которому обращено приказание.

1) С непереходными глаголами:

... ad Sellus castro ad se *venire praecepit* (Cont. Fred. 51) '... приказал прийти к нему в лагерь Селл'.

2) Инфинитивы переходных глаголов со своими собственными прямыми дополнениями составляют наиболее распространенный в поздних текстах тип дополнения при *praecipio*:

Alii vero cauterio urere eam fistulam ulterius precipiunt. . . . (Mul. Chir. II, XVII) 'Другие предписывают прижигать эту фистулу средством для прижигания...'; *Germanus revellantis superat et Aventicum civitatem aedificare praecepit* (Fr. Chr. II, 36) 'Герман одолел восставших и приказал построить город АVENTИК'; *Iohannes vero apostolus. . . descendens in tumulo, operire se humo praecepit* (Gr. T. Gl. Mart. 29) 'Апостол Иоанн, спустившись в могилу, велел накрыть себя землей'; . . . *filias eius Meldis urbe tenere praecepit* (LHF A, 33) '... дочерей ее приказал держать в городе Мельдис'; . . . *villas publicas. . . totas igne cremare praecepit* (Cont. Fred. 47) '... приказал сжечь все... поместья'; . . . *rex, cum gaudio et laetitia et ingente cura recipere eum praecepit.* . . . (Cont. Fred. 36) '... король приказал принять его с радостью и весельем и с большой заботой. . . '.

3) Наличие дательного падежа еще усиливает впечатление разрушения конструкции «аккузатив с инфинитивом»:

Tunc Pippinus rex *praefato Stephano papa apud Parisius civitate monasterio sancti Dionisii martyris...* hiemare praecepit (Cont. Fred. 36) ‘Тогда король Пипин приказал... выпекуказанному папе Стефану перезимовать около Парижа в монастыре святого Дионисия великомученика’; ... pulverem quod de sepulchro sancti abstuleram capsella delutum aqua *ipsis haurire praecipio* (Gr. T. Virt. Mart. III, 43) ‘... приказываю ему выпить разведененный в воде порошок, который я унес в ладанке с могилы святого’.

Наконец так же, как глагол *iubeo*, в отдельных случаях *praecipio* сочетается с герундием, воспринимаемым как синоним инфинитива:

... *praecipiens eis caute observandum* (= *observare*, — E. P.) ne rumpetur signaculum (P. Quir. 8) ‘... приказывая им зорко следить, чтобы печать не сломалась’; ... *legationem dirigens petens, ut omnes Iudeos regni sui ad fidem catolicam baptizandum preciperit* (Fr. Chr. IV, 65) ‘... послал гонцов, прося, чтобы приказал крестить в католическую веру всех иудеев его королевства’.

Impero издавна сочетался с придаточным предложением, введенным союзом *ut*, и с конъюнктивом. С классической поры — с оборотом «аккузатив с инфинитивом»:

Caesar *imperat legiones se octo veteranas sequi* (Bell. Afr. 66) ‘Цезарь приказывает, чтобы восемь легионов ветеранов следовало за ним’.

Иногда можно было видеть при нем просто инфинитивное дополнение:

... *flectere iter sociis terraequi advertere proras imperat* (Verg. Aen. 7, 35) ‘... приказывает союзникам отклониться от пути и повернуть корабли к земле’.

У Тацита:

... *filio eius tribuno ducere manipulos...* *imperavit* (Tac. Ann. 15, 28) ‘... приказал сыну его, трибуну, вести отряды. . .’.⁷⁴

*Rogo*⁷⁵ в классической прозе также имел придаточное предложение с *ut* и конъюнктивом или с инфинитивом, хотя эта последняя конструкция считалась не очень литературной. Как и дру-

⁷⁴ См.: Thesaurus Linguae Latinae, VII, 1, 1936, стб. 584, а также: А. Драгег, ук. соч., стр. 236, 317; Р. Кюннер, ук. соч., стр. 810.

⁷⁵ См.: А. Драгег, ук. соч., стр. 386; Р. Кюннер, ук. соч., стр. 221, 502, 511.

гие глаголы волензъявления, *rogo* мог сочетаться с оборотом *accusativus cum infinitivo*.

*Mando*⁷⁶ в классический период редко управляет инфинитивом, хотя такое сочетание для него и возможно:

... *mandavitque Tigranem Armeniam exturbare* (Гас. Ann. 15, 2) '... повелел изгнать Тиграна из Армении'.

Чаще он сочетался с оборотом *accusativus cum infinitivo*.

Cogo мог управлять чистым инфинитивом и оборотом *accusativus cum infinitivo*, начиная с арханческих авторов и кончая самыми поздними.⁷⁷ Оборот *accusativus cum infinitivo* при *cogo* встречается реже, хотя и такое сочетание можно видеть, например, у Цицерона:

... quis pactionem fieri quis *adesse istos coegit?* (Cic. Flacco 36, 89) '... кто повелел, чтобы они присутствовали, чтобы был заключен договор?'.

То же у Ливия (7, 11; 21, 8; 21, 31 и др.). Равным образом *cogo* управляет придаточным предложением с *ut*.

Impello и *compello*, помимо придаточного предложения с *ut*, могли иметь при себе инфинитив у поэтов и некоторых прозаиков. Оба встречаются с инфинитивом у Вергилия и Овидия:

... et tempus et Iuno *compulerunt regem iussa nefanda pati* (Ov. Fast. 3, 860) '... и время, и Юно принудили царя терпеть нечестивые повеления'; Lavinia Troianos... *nova bella movere impulit* (Ov. Art. am. 2, 12, 22) 'Лавиния заставила троянцев ... вести новые войны'.

В прозе такое сочетание можно видеть,⁷⁸ например, у Ливия:

... fuere quos pavor nando etiam *capessere fugam impulerit* (T. Liv. 22, 6, 6) '... были такие, которых страх заставил спасаться вплавь'.

Нормальной конструкцией для обоих глаголов является придаточное предложение с *ut*.⁷⁹

С оборотом *accusativus cum infinitivo* эти глаголы в классической латыни почти не употребляются. При *compello* этот оборот, впрочем, отмечается чаще,⁸⁰ при *impello* — единично у поздних.⁸¹

⁷⁶ См.: А. Драгег, ук. соч., стр. 315.

⁷⁷ Thesaurus Linguae Latinae (III, 1906—1912, стб. 1529) приводит: ... *leges cogunt nubere hanc* (Ter. Ad. 652) '... законы призывают ее выйти замуж'; *sua sponte facerent, quod cogerentur facere legibus* (Cic. Rep. I, 3) '... чтобы делали по своей воле то, что призывают делать законы. . . .

⁷⁸ См.: Thesaurus. . . , III, 1906—1912, стб. 2034—2035.

⁷⁹ См.: Там же, стб. 2033.

⁸⁰ Thesaurus. . . , III, стб. 2035.

⁸¹ То же, VII, 1, 1936, стб. 540.

Exigo имел при себе обычно придаточное предложение с *ut*:

... hanc quidem primam *exigam* a te operam, *ut* audias me... (Cic. Fin. 4, 28, 80) '... во-первых, я потребую от тебя, чтобы ты выслушал меня...'.⁸²

Оборот аккузатива с инфинитивом или простой инфинитив появляются при *exigo* лишь у поздних авторов начиная с Ульпиона.⁸³

Instigo мог сочетаться с инфинитивом, хотя в хорошей прозе должен был управлять придаточным предложением с *ut*.

Deprecor обычно сочетался у классических авторов с придаточным предложением (с *ut* и с *ne*).⁸⁴ Впрочем, возможен был при нем и инфинитив, особенно у более поздних авторов.⁸⁵ *Accusativus cum infinitivo* при *deprecor* появляется начиная с Апулея.⁸⁶ *Precor* получил инфинитивную конструкцию впервые у Овидия (Her. 19, 82), а затем она встречается у прозаиков, и то в единичных случаях (Plin. HN, 18, 131; Aul. Gell. 13, 22, 19).

Postulo во все времена в одинаковой мере мог сочетаться с придаточным предложением с *ut*, с инфинитивом и с оборотом *accusativus cum infinitivo*, A. Juret⁸⁷ считает сочетание *postulo* с инфинитивом «не классическим». Цицерон, как правило, употреблял *postulo* с оборотом *accusativus cum infinitivo* и лишь один раз сочетает его с чистым инфинитивом, имеющим прямое дополнение:

... ut ratio postulet agere aliquid (Cic. Fin. 3, 17, 58)
'... чтобы разум потребовал сделать что-нибудь'.

Очевидно, наиболее «классичным» было при *postulo* придаточное предложение, наименее «классичным» — инфинитив.

Что касается *flagito*,⁸⁸ то Дрегер и Кюнер отмечают лишь один случай его сочетания с чистым инфинитивом *refici* — у Горация (Hor. Sat. 2, 4, 61). Оборот *accusativus cum infinitivo* появляется при нем уже в постклассическую пору начиная с Плиния:

... flagitaret ostendi picturam (Plin. HN, 35, 65)
'... потребовал, чтобы была показана картина'.

Затем его можно видеть у Светония, Апулея и т. д.

Нормальной и литературной для *flagito* была конструкция придаточного предложения с *ut*:⁸⁹

⁸² Thesaurus..., V, 2, 1942, стб. 1461.

⁸³ То же, 1910, стб. 601.

⁸⁴ То же, V, 1910, стб. 602, пример *deprecor* с инфинитивом у Лукана (9, 213).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ A. C. Juret. Système de la syntaxe latine. Strasbourg, 1933, p. 206.

⁸⁷ См.: A. D r a e g e r, ук. соч., стр. 311, 390; R. K ü h n e r, ук. соч., стр. 502, 802, 810.

⁸⁸ См.: Thesaurus..., VI, 1, стб. 843.

... semper flagitavi, ut convocaremur (Cic. Ph. 5, 90)
‘... я всегда требовал, чтобы мы созывались’.

*Hortor*⁸⁹ может сопровождаться инфинитивом во все времена, но в общем это бывает не очень часто. Однако такое сочетание можно видеть у Цицерона, Саллюстия, Вергилия, Горация, Овидия, у авторов серебряной латыни — Тацита, Светония, Непота, не говоря уж об Апулее и Юстине. Но оборот *accusativus cum infinitivo* при *hortor* почти никогда не встречается.

Наиболее литературной конструкцией для *hortor*, как и для других глаголов этого типа, было придаточное предложение с *ut (ne)*. Наименее литературной — инфинитивное дополнение.

*Praedico*⁹⁰ нормально конструировался с придаточным предложением с *ut*:

Pompeius suis praedixerat, ut Caesaris impetum exciperent (Caes. BC, 3, 92, 2) ‘Помпей предупреждал своих, чтобы они ожидали нападения Цезаря’; ... eisque praedixit, ut ne prius legatos dimitterent, quam ipse esset remissus (C. Nep. 2, 7, 3) ‘... предупредил их, чтобы отослали послов не раньше, чем он сам будет отпущен’.

*Indico*⁹¹ в отличие от *praedico* сочетался в классической латыни с оборотом *accusativus cum infinitivo*. *Decerno* мог иметь все четыре конструкции: 1) с инфинитивом, 2) с оборотом инфинитива с винительным, 3) с придаточным предложением с *ut*, 4) с конъюнктивом.⁹²

Таким образом, уже в классический период инфинитивная конструкция могла быть свойственна некоторым глаголам со значением «приказывать», «побуждать», наряду с оборотом «инфинитив с винительным».

В поздних текстах VI—VIII вв., однако, при них преобладает инфинитив. Оборот *accusativus cum infinitivo* и здесь постепенно исчезает.

Сохраняется он дольше для глаголов непереходных:

Denique imperator... iterum *eum ad se venire mandabat* (Gesta Theod. II, 2) ‘Император вторично приказал, чтобы он явился к нему’; *Quem sacerdos ad baptismum venire predicabat* (LHF A, 15) ‘Священник велел, чтобы он явился для крещения’.

Интересны также предложения, где глагол «побуждения» управляет параллельно аккузативным дополнением и инфинитивом, которые находятся между собой в отношениях действователя

⁸⁹ См.: R. К ѿ h n e r, ук. соч., стр. 502, 802, 808.

⁹⁰ См.: Там же, стр. 804.

⁹¹ См.: Там же, стр. 510.

⁹² См.: Thesaurus..., V, 1910, pp. 144, 145.

к производимому действию. Эти сочетания снова возвращают нас к моменту возникновения оборота *accusativus cum iufinitivo*:

... exurgens cicius *ambulare se ipsum cogit* (Mul. Chir. III, IV) '... быстро вскакивая, заставляет себя ходить'; *Denique praeparantur sacrificia, ipse inmolat suosque inmolare blanditiis terroribusque instigat* (Gr. T. 7 Dorm. 1) 'Наконец приготовляются жертвоприношения, он сам приносит жертвы и ласками и страшением заставляет своих приносить жертвы'; ... *ipsumque pariter et omnem illius multitudinem dare terga coegit* (Gesta Theod. I, 6) '... заставил его, равно как и все его войско, обратиться в бегство'; *Audiens haec Agamemnon rex... hortabat recedere populum* (Daret. Hist. 198) 'Услышав это, царь Агамемнон стал уговаривать народ отступить'.

Однако преобладающим является инфинитивное дополнение. Оно может сопровождаться дательным падежом адресата, к которому обращено приказание, или иметь при себе свое собственное прямое дополнение в аккузативе, если это глагол переходный:

Nam saepius tactus beati sepulchri... imperavit... caecis videre, p a r a l y t i c i s surgere (Gr. T. Virt. Mart. III, praef.) 'Часто прикосновение к могиле блаженного повелевало слепым прозреть, парализованным встать'.

Наиболее распространенным типом инфинитивного дополнения при глаголах со значением «побуждения» является инфинитив переходного глагола, сопровождаемый своим прямым дополнением:

Venturi sunt multi infirmi ad nos, flagitantes b e n e d i c t i o n e m a te accipere... (Gr. T. Vitae Patr. XIX, 4) 'Придут к нам многие немощные, настоятельно прося твоего благословения'; ... *illoque progredeente, ista (columba, — E. P.) praecedebat et revertebatur in obviam, quasi accelerare deprecans i t e r* (Gr. T. Virt. Iul. 7) '... в то время как он шел вперед, она (голубка) летела перед ним и возвращалась ему навстречу, как бы моля поторопиться'; ... *homo, quem necessitas compellebat lignum ex silvis evehere, valde mature surrexit* (Gr. T. Gl. Conf. 30) '... человек, которого необходимость заставляла возить из лесу дрова, поднялся очень рано'; ... *uxorem que eius, legato ad collum saxo, in aqua negare rogavit...* (LHF A, 11) '... жену его, привязав ей на шею камень, приказал утопить...'; *Quadam autem vice bello devictus, Ravenna fugiens petere est coactus* (Gesta Theod. II, 2) 'Однажды, побежденный в войне, убегая, он был вынужден устремиться

в Равенну'; Persuasos ab ipso, *p r i m a t i s* et *n o b i l i o r e s* cunctis in regno Langobardorum *interficere ordinari*. . . (Fr. Chr. IV, 49) 'Уговоренный им, он приказал убить всех знатнейших и старейших из королевства лангобардов'; . . . *indixit i e i n i u m vir sanctus Dei triduanum. . . celebrare* (LHF A, 16) ' . . . святой муж божий приказал установить трехдневный пост'; *Aeraglius per omnes provincias emperiae t a l e m i d e m q u e facere decrevit* (Fr. Chr. IV, 65) 'Ираклий приказал во всех провинциях делать то же самое'.

При некоторых глаголах этого типа употребляются и придаточные предложения с *ut*, продолжая тем самым литературный узус классической латыни:

Rogo vos. . . ut mihi dare istum urceum non negetis (LHF A, 10) 'Прошу вас, чтобы вы не отказали дать мне этот сосуд'; *Iason vero deprecabatur regem Troianorum, ut iter praeberet eis. . . ire in Colcos* (Daret. Hist. 195) 'Язон молил царя троянцев, чтобы предоставил им путь. . . в Колхиду'.

Но насколько в классической латыни придаточные предложения были обычны при глаголах этого типа, настолько в поздних текстах они редки и вытесняются соответствующими инфинитивами. Нельзя не остановиться на самом авторам VI—VIII вв. сближении инфинитива и герундия, которое имеет место и при рассматриваемых здесь глаголах. Герундий вместо инфинитива или наряду с ним нередко ставится при *hortor* (и его производных), *cogo* (и его производных), *invito*, *animo*, *impello*, *compongo* и др. со значением «побуждения»:

Iudas Gallileos ad revelandum Iudeos quoortat (Fr. Chr. II, 33) 'Иуда Галилейский подстрекает иудеев к восстанию'; *Cuius virtutem supradictus princeps admiratus, primum blandiciis, dehinc minis ad cohabitandum sibi cogere nitebatur* (Gesta Theod. II, 2) 'Вышеназванный государь, восхищаясь его чудотворной силой, старался принудить его сперва ласками, а затем угрозами жить 'с ним'; . . . *beatum Eufronium ad beneficendum invitat* (Gr. T. Gl. Conf. 18) ' . . . блаженного Евфрония приглашает для благословения'; . . . *ascenso equite, velociter impelleret ad eundum. . .* (Gr. T. Virt. Mart. III, 15) ' . . . сев на лошадь, пустил ее быстро бежать'; *Est enim populus ille hereticus; qui videns haec magnalia, non conpungitur ad credendum. . .* (Gr. T. Gl. Mart. 25) 'Этот народ — еретики: видя столь великие деяния, он не побуждается верить'.

Несомненно, что такое употребление герундия там, где в это время было бы гораздо закономернее инфинитивное дополнение, является «гиперурбанизмом». Оно вызвано наивным стремлением пользоваться непременно классическими конструкциями, даже там, где это может противоречить классическому узусу. Не удивительно, что чаще всего герундий вместо инфинитива употребляет Григорий Турский, более других стремящийся подражать хорошим латинским писателям.

Глаголы со значением «допускать»,
«терпеть», «обещать», «позволять»,
«запрещать»

Аналогична картина развития конструкций дополнения у глаголов *promitto*, *polliceor*, *spondeo*, *permitto*, *sino*, *tolero* и т. п. В классической латыни наиболее распространенной и нормальной для многих из этих глаголов конструкцией было сочетание с оборотом *accusativus cum infinitivo*.⁹³ Так, во все времена им управляли глаголы *polliceor* и *promitto*, *patior* и *sino*. *Polliceor* и *permitto*, начиная с Цезаря, появляются и с чистым субъективным инфинитивом:

... qui polliceantur obsides dare atque imperio populi Romani obtemperare (Caes. BG, 4, 21) '... которые обещают дать заложников и подчиниться власти римского народа'; ... si amplius obsidium vellet, dare pollicentur (Caes. BG, 6, 9) '... если бы он хотел больше заложников, они обещают дать'.

То же у более поздних авторов, например у Плиния (HN, 20, § 244; 37, § 124), у Колумеллы:

Pollicentur non aetatem solum vino, sed splendorem quoque coloris afferre (II, 14, 3) 'Обещают дать вину не только возраст, но и великолепный цвет.'

У Геллия:

... promisit regem venenis necare (Aul. Gell. Noct. Att. 3, 8, 1) '... обещал отравить царя'.

Permitto с инфинитивом появляется единично у Цицерона:

... ut iam ipsis iudicibus sine mea argumentatione coniecturam facere permittam (Cic. Verr. 5, 9, 22) '... чтобы я позволил самим судьям, без моих доводов, высказать предположение'.

⁹³ См.: А. Драгегер, ук. соч., стр. 376, 377, 318, 391, 392, 246, 247; Р. Кюннер, ук. соч., стр. 809, 529, 806, 510, 495, 511, 806, 808.

Употребляют его и Вергилий (Лен. 9, 240) и Непот (9, 4, 1).

Может быть, в этом случае инфинитив появляется у Непота вместо второго придаточного предложения с *ut*:

... *ut ei permiserit, quem vellet, eligere* (С. Нер. 9, 4, 1) '... чтобы позволил ему избрать, кого он хочет'.

Можно видеть инфинитив и у Ливия (24, 16, 17), и у более поздних — Валерия Максима, Сенеки, Тацита, Светония, Аммиана и других.

Permitto с accusativus cum infinitivo начинает входить в литературную норму довольно поздно, начиная с Тацита, например в его Истории:

... *concedi corpora sepulturae cremarique permisit* (Тас. Hist. II, 47) '... разрешил предать тела погребению и сожжению'.

Sino и *patior* во все времена сочетались с этим оборотом. Вместе с тем почти все эти глаголы могли управлять и придаточным предложением с *ut* (*sino*, *patior*, *permitto*) или просто конъюнктивом.

Конструкции с придаточным предложением, даже без союза, возможны и в поздних текстах:

... *suffricas oculum plana manu et permitti o*
aperiat oculum (Mul. Chir. II, VI), '... три глаз ладонью
и позволь, чтобы она открыла его'.

Отчасти сохраняется еще и оборот accusativus cum infinitivo, как правило, для непереходных глаголов или для переходных в абсолютном употреблении (без прямого дополнения):

... *permisit super sepulchrum proprium praeterire corruscum*, ne fieret multitudinis totius interitum (Gr. T. Virt. Iul. 27) '... он позволил, чтобы молния промчалась над его могилой, лишь бы не погибли люди'; Erat enim severus valde... пес *quemquam* поп modo perverse agere, verum etiam nec *loqui sinebat*... (Gr. T. Vitae Patr. 2) 'Ибо был он очень строг... и не только запрещал неправедно поступать, но даже говорить'; ... ad te meum revertar dominum, *pollicens*, *me tibi fidelem fore* famulum (Gesta Theod. II, 2) '... вернусь к тебе, мой господин, обещая быть тебе верным рабом'; At ille et de presente solvit et delinceps *solviturum se esse promittit* (LHF A, 16) 'А он и тотчас выплатил и обещал, что и впредь будет выплачивать'.

Однако заметно преобладающей для всех этих глаголов в поздних памятниках оказывается конструкция с простым инфинитивным дополнением. При этом, если глагол переходный, то,

как правило, инфинитив имеет при себе свое собственное прямое дополнение:

Italiam ei tribuens... *abire permisit* (Gesta Theod. I, 5) 'Отдав ему Италию..., разрешил уйти'; *De quo nunquam promittit sanare* (Mul. Chir. III, 111) 'От чего никогда не обещал вылечить'; ... *cuius v i t a m sanctissimam commemorare lacrimis pene piis inpedior...* (V. Асапп. 9) '... благочестивые слезы мешают мне описать его святую жизнь...'; *Tibi notum sit, ut civatatem huic, unde egressi sumus ad te, e a m non permittas captivare nequaes incendium concremare* (V. Memorii, 3) 'Да будет тебе известно, что город этот, из которого мы пришли к тебе, ты не позволишь ни захватить, ни сжечь'; ... *et pollicitus est m e in requie sempiterna perducere...* (Gr. T. Vitae Patr. XIII, 2) '... и обещал отвести меня на вечный покой...'; ... *promittens per legationem alias uxores dimittere* (LHF A, 31) '... обещал через посольство отослать других жен'; ... *eosdemque (=dolores, — E. P.) ferre non toleraret, limina beati confessoris adivit* (Gr. T. Virt. Mart. II, 26) '... он не мог более терпеть их и отправился к блаженному исповеднику'.

Таким образом, при непереходных глаголах и переходных в абсолютном употреблении применяется accusativus cum infinitivo. Если при инфинитиве должно быть прямое дополнение, то появляется конструкция чистого инфинитива. Для поздних авторов, кроме того, некоторое значение имеет большее или меньшее их знакомство с нормами классической латыни. За исключением Григория Турского и некоторых анонимных составителей Житий святых, большинство авторов VI—VIII вв., писавших жития и хроники меровингской эпохи, весьма недостаточно придерживаются старых норм. Они знакомы с христианской латынью, но, по всей вероятности, они не знают достаточно хорошо классических латинских произведений светского или научного содержания. Они воспитаны в основном на христианской латыни, которая значительно отличается от литературного языка языческих писателей.

Весьма приблизительное представление о классических языковых нормах отражается также в стремлении использовать классические конструкции там, где они не требуются, например:

... *ipse vero... Winidis resistendum spondent et Francorum limete de illis partibus custodire promittent* (Fr. Chr. IV, 74) '... сами же обещают сопротивляться венедам и стеречь границу франков с этой стороны'.

Все большее предпочтение, отдаваемое в поздних текстах инфинитивному дополнению перед конструкцией *accusativus cum infinitivo*, особенно заметно на тех глаголах, которым этот оборот был в классическом языке наиболее свойствен, если не единственно возможен.

Показательны в этом отношении такие глаголы, как *arbitror*, *ingo*, *intellego*, которые в классических текстах обычно сопровождаются оборотом *accusativus cum infinitivo*.⁹⁴ Эта конструкция иногда встречается при них и у авторов раннего средневековья:

‘... *fincxit se Viomadus amicicia cum eo sociare* (LHF A, 7)
‘... Виомад сделал вид, что связан с ним дружбой’.

Но гораздо чаще они сопровождаются простым инфинитивом:

‘... Brunchilde, quasi ad coniugium *accipere fingeret* (LHF A, 40) ‘... сделал вид, что берет Брунхильду в жены’; ... *cum arbitraret ipossebile Wandalos superare...* (Fr. Chr. II, 62) ‘... когда считал невозможным победить вандалов...’.

Сравнительно более новая и чрезвычайно живучая (как это покажут в дальнейшем романские языки) конструкция с инфинитивным дополнением появляется даже у таких относительно образованных авторов, как Григорий Турский:

Non enim adhuc populus ille *intellegebatur* sacerdotes Domini *venerare* eisque reverentiam debetam *exhibere* (Gr. T. Gl. Conf. 79) ‘Ибо до сих пор этот народ не знал, что надо уважать священнослужителей и оказывать им должное почтение’.

Более или менее пристальное рассмотрение текстов VI—VIII вв., представляющих собой в основном памятники религиозного и хроникального содержания, свидетельствует о значительных изменениях в употреблении инфинитива по сравнению с классическим узусом. Постепенно изменяется сама природа инфинитива. Он все больше сближается с существительным, берет на себя его функции, в особенности функцию прямого дополнения. Он сталкивается в ней с латинским герундием — бывшим отглагольным существительным. Это соперничество позже приведет к полному устраниению у герундия функции прямого дополнения. Действительно, в романских языках, как известно, он сохраняется лишь в роли обстоятельства. Эта функция герундия восходит к форме ablative. Поэтому романский герундий и мог впоследствии превратиться в деепричастие, т. е. стать отглагольным наречием.

⁹⁴ См.: *Thesaurus...*, II, 1900—1906, стб. 416; То же, VI, I, 1926, стб. 776.

Развитие употребления инфинитива в роли прямого дополнения идет, судя по текстам VI—VIII вв., по двум направлениям. С одной стороны, он сталкивается с герундием и выходит из этого столкновения победителем. Ни в коем случае не следует думать, что в VI—VIII вв. герундий как прямое дополнение, т. е. без предлога, — форма малоупотребляющаяся. Он — еще очень живая форма в хрониках и житиях этого времени. Но и инфинитив вместо него тоже не только не редкость, но становится все более и более обычным явлением. Бывают, разумеется, случаи противоположного характера. А именно, авторы этого времени нередко употребляют герундий там, где даже по классическим нормам этого не требуется. Данное обстоятельство также свидетельствует об умирании герундия. Он становится менее привычным, менее известным. Наивное стремление писать получше, стать ближе к классическим авторам часто вызывает неправильное его употребление. Это — гиперкоррекция, верный признак умирания формы. К сожалению, не удается с достаточной отчетливостью установить все этапы пути, по которому шло вытеснение герундия инфинитивом. Выявить какие-либо особые грамматические условия при замене герундия инфинитивом также не удается. Наблюдается лишь группировка глаголов по семантическому признаку. Так, в первую очередь герундий уступает место инфинитиву при глаголах движения, сопровождаемых дополнением цели.

Вторая линия развития приглагольного инфинитивного дополнения в текстах VI—VIII вв. отмеченного типа — это вытеснение им классической конструкции «аккузатив с инфинитивом». Однако было бы ошибкой думать, что эта борьба началась только в указанную эпоху. Появление инфинитивного дополнения, при котором существительное в аккузативе называет не субъекта, а объекта действия, обозначенного инфинитивом, — явление давнее. Для некоторых глаголов возможность сопровождаться обоими видами дополнения датируется еще архаической порой, для других она появилась позже. У некоторых глаголов инфинитив как прямое дополнение — факт довольно позднего времени, факт послеклассического периода, периода серебряной латыни, иногда еще более поздних памятников. В текстах, послуживших материалом для данного исследования и относящихся к VI—VIII вв., часто инфинитивное дополнение не является новостью в полном смысле слова. Но его употребление заметно расширяется, учащается, постепенно превращается из окказионального в нормальное, привычное, наконец — единственно практикуемое.

Судя по тому, насколько в романских языках, начиная с самого раннего периода их существования, распространена функция инфинитива как прямого, а затем и предложного дополнения, можно считать, что в текстах VI—VIII вв. такое пристрастие к инфинитивному дополнению — влияние живой речи, становящейся все более романской. Интересно, что оборот *accusativus*

cum infinitivo не столько страдает от замены его придаточным предложением, сколько отступает перед чистым инфинитивом. И надо думать, что эта краткая конструкция была не менее свойственна живой речи, чем придаточное предложение. Тем более, что она представлена и старейшими романскими памятниками, язык которых часто отдает ей предпочтение перед придаточным предложением цели.

В дальнейшем, в романских языках, инфинитив будет еще больше акцентировать свою субстантивную сущность. Он будет употребляться в роли подлежащего свободнее и чаще, чем это было в классической латыни. Он будет сопровождаться предлогами и выступать в качестве косвенного дополнения. Пока преобладает употребление его в функции прямого дополнения, что является одним из первых шагов по пути субстантивации инфинитива в романских языках.

Инфинитив при безличных оборотах

Наиболее часто инфинитив появляется при безличных оборотах, играющих роль сказуемого.

В классической латыни безличные обороты обычно сопровождаются конструкцией *accusativus cum infinitivo*, хотя могли иметь при себе в качестве подлежащего и чистый инфинитив. Обороты, состоящие из существительного и глагола *esse* — типа *mos est, spes est* и т. п., — могли иметь дополнением к этому существительному родительный падеж герундия.

В поздних текстах такие безличные обороты — явление довольно частое, и сочетаться они могут как с оборотом *accusativus cum infinitivo*, так и с чистым инфинитивом. Однако в отличие от классической поры безличные обороты чаще имеют при себе инфинитивы, играющие роль подлежащего. В этом случае также оборот *accusativus cum infinitivo* постепенно вытесняется инфинитивом. Так, в исследованных текстах, на 10 случаев винительного с аккузативом при безличных оборотах приходится 55 предложений, содержащих безличное предложение с инфинитивом.

Наиболее употребительны в хрониках и житиях VI—VIII вв. следующие безличные обороты и безличные глаголы: *longum est, satius [sat, satis] est, melius est, licet; употребляются также: magis est, officium est, facile est, spes est, necesse est, dellberatio est, opus est, convenit, contingit, absurdum est, oportet, meum est, visum est, paenitet, libet, operaе pretium est, fas est, dolor est* и некоторые другие. Как правило, при всех них стоит инфинитив:

... quia patri resistere nec fas nec possibile erat (G. Dab. 7) '... так как сопротивляться отцу было непозволительно и невозможно'; *Operaе pretium est enim illud inserere lectioni...* (Gr. T. Virt. Mart. 6) 'Стонут труда

включить это в текст...'; Симque iam sol occubitum peteret, propinqui feminae illius deposcunt a iudice, ut liceret per alveum torrentis cadaver parentis *inquirere* (Gr. T. Gl. Mart. 69) 'И когда уже солнце склонилось к западу, родственники этой женщины попросили у судьи, чтобы разрешено было им искать ее труп в русле потока'; Intellexi enim, mihi ista a vanitate evenisse, *satisque fuit dehinc observare*, ne me ultra vanae gloriae stimularet aculeus (Gr. T. Gl. Mart. 83) 'Я понял, что это случилось со мной благодаря тщеславию, и мне было впредь достаточно следить, чтобы жало пустой славы больше не подстрекало меня'; *Longum est enarrare*, quam providus idem rex Dagobertus in consilio fuit (G. Dagob. 42) 'Долго рассказывать, каким предусмотрительным был король Дагоберт в решениях'; . . . *oportet pro salute animae vigilare*. . . (G. Dagob. 39) ' . . . надлежит думать о спасении души. . .'; Non *me penitet*, filii, vos dulciter *enutrisse*. . . (LHF A, 20) 'Я не раскаиваюсь, сыновья, что нежно вас вскормила. . .'; Quibus ille ait: Non *est meum haec accipere*, dilectissimi, sed potius *vestrum est ea indigentibus erogare* (Gr. T. Mir. Andr. 5) 'Каковым он сказал: «Не следует мне принимать этого, дорогие, но скорее следует вам раздать это нечестивым»; . . . multi eum de nostris inridere coeperunt, dicentes: *Melius fuisset tacere quam sic inculte loqui* (Gr. T. Virt. Mart. II, 1) ' . . . многие из нас начали смеяться над ним, говоря: «Лучше было бы молчать, чем так безграмотно говорить»; *Satius est enim reverti ad domum quam mori in hereimo* (Gr. T. Virt. Mart. 32) 'Лучше вернуться домой, чем умереть в пустыне'; . . . de quibus relictis pluribus paucis *perstringere libuit* (Gr. T. Gl. Mart. 75) ' . . . о коих многочисленных останках желательно вкратце упомянуть'.

Очень часто при инфинитиве стоит дополнение в дательном падеже, обозначающее лицо, которое является в сущности агентом, производящим действие, обозначенное инфинитивом. Присутствие дательного падежа в этом значении напоминает сочетание с оборотом *accusativus cum infinitivo*, в котором аккузатив был также связан с инфинитивом как производитель выраженного им действия. Оборот *accusativus cum infinitivo* вытесняется, таким образом, 1) чистым инфинитивным дополнением, 2) инфинитивом с дательным падежком:

Eis melius est mori quam tundere (LHF A, 24) 'Им лучше умереть, чем постричься'; Unde *oportet n o b i s eorum patrocinia expetere*. . . (Gr. T. Gl. Mart. 106) 'Поэтому нам следует добиваться их покровительства. . .'; *Melius nobis est ternos soledus tributa dissolvere*, quam

cum Childerico gravissimam vitam ducere (Fr. Chr. III, 11) 'Лучше нам платить дань в три солида, чем вести тяжелую жизнь с Хильдериком'; . . . *visum est* predicto patri socii mei ad eundem virum Dei *pergere* seque eius orationibus *commendare* (Gesta Theod. I, 19) ' . . . понадобилось отцу моего тестя отправиться к божьему человеку и поручить себя его молитвам'; . . . et nunc non *convenit* aetati meae ista modo *properare* itinera (Gr. T. Gl. Conf. 18) ' . . . а теперь не подобает моему возрасту отправляться в такие путешествия'; *Mihi, inquit, magis est* haec *credere* quam *videre* (Gr. T. Gl. Mart. 43) 'Для меня больше значит верить в них, чем видеть их'; *Eo tempore unus ex clericis meis Armentarius nomine, bene eruditus in spiritualibus scripturis, cui tam facile erat sonorum modulations apprehendere*, ut. . . (Gr. T. Virt. Mart. 32) 'В это время один из моих клириков по имени Арментарий, очень начитанный в священном писании, которому так легко было учиться звуковым модуляциям, что. . .'.

Инфинитив как подлежащее не в связи с безличными оборотами тоже нередко встречается в памятниках VI—VIII вв.:

' . . . quid mihi eos *enutrisse* fuit? (LHF A, 24) 'Для чего я их вскормила?'; *Tuum est enim opus oves pascere, teum vero litteris exerceri*. . . (Gr. T. Vitae Patr. IX, 11) 'Твое дело — пасти овец, мое же — читать письмена. . .'.

Как это бывало иногда в классической латыни, авторы VI—VIII вв. пользуются подчас инфинитивом в тех случаях, когда читатель вправе ожидать родительного падежа герундия. Это происходит при безличных оборотах, в состав которых входят существительные *mos*, *tempus*, *locus*, *spes* и т. п. Герундий в этих сочетаниях уступает место инфинитиву даже под пером таких относительно образованных людей, как Григорий Турский:

Spes nobis erat maxima. . . tua hic pignora deportare (Gr. T. Virt. Mart. III, 8) 'У нас была большая надежда принести сюда этот твой залог'; . . . *memorata puella. . . inimici astu seducta, cui semper bonis iniurias inrogare mos est*. . . (Gr. T. Vitae Patr. XIX, 1) ' . . . упомянутая девица. . ., соблазненная хитростью врага, в обычай которого всегда наносить оскорбления добрым людям. . .'; *Ille autem, cui hoc erat officium contueri ad eius copositionem, accedens. . .* (Gr. T. Gl. Mart. 103) 'Тот же, обязанностью которого было наблюдать за его (святильника, — E. P.) состоянием, придя. . .'.

Таким образом, и здесь расширение употребления инфинитива идет за счет сокращения, постепенного вытеснения из пись-

менного языка оборота *accusativus cum infinitivo*. Это — несомненное влияние живой речи, все более проникающей в письменные памятники и постепенно перестраивающей латинский синтаксис в синтаксис романский.

Приименной инфинитив

Инфинитив при именах существительных

В соответствии с классическими нормами существительные, обозначающие абстрактные понятия, могут сопровождаться атрибутивным дополнением в форме родительного падежка герундия и в поздних памятниках. Как и в классических текстах, это существительные *studium, necessitas, licentia, officium, delectatio, facultas, spatiū, usus, tempus, indulgentia, gratia, vis* и т. п. Так как родительный падеж герундия в роли дополнения при этих существительных — узус классического языка, то неудивительно, что подавляющее число найденных примеров такого его употребления принадлежит перу Григория Турского. Как правило, в форме родительного падежка герундия оказываются непереходные глаголы или переходные без дополнения:

Veniens autem ad castra, fuit ei necessitas navigandi (Gr. T. Gl. Mart. 71) ‘Когда он прибыл в лагерь, ему понадобилось плыть по воде’; *In supradicta igitur urbe... vendendi comparandique per triginta dies... licentia datur* (Gr. T. Gl. Mart. 32) ‘В вышеназванном городе...дается свобода... купли и продажи на тридцать дней’; ... *fons ille divino nutu ad officium baptizandi repletur...* (Gr. T. Gl. Mart. 25) ‘... источник этот наполняется по божественному соизволению для обряда крещенья...’; *Dehinc diversis doloribus artatus, febre consumitur, ablataque delectatione comedendi atque bibendi, adventus mortis solius praestolatur* (Gr. T. Gl. Mart. 30) ‘Затем он, мучимый различными болями, пожирается лихорадкой и, когда наслаждение еды и питья утрачено, остается только приближение смерти’; ... *sumentes facultatem quo voluerant abeundi* (Gr. T. Gl. Mart. 100) ‘... получив возможность уйти, куда хотели’; ... *cui per sex annos videndi usus fuerat denegatus...* (Gr. T. Virt. Mart. III, 19) ‘... которому в течение шести лет было отказано в зрении...’; ... *vocavit ministrum suum dicens: Praeterito tempore oculendi, manifestandi tempus advenit* (Gr. T. Vitae Patr. XIII, 2) ‘... призвал служителя своего, говоря: «Прошло время скрывать, пришло время обнародовать»; *Accepta itaque septem viri indulgentia abeundi...* (Gr. T. 7 Dorm. 3) ‘Когда семеро мужей получили раз-

репение уйти...'; Imperator vero pro elegantia eorum, ne in momento perirent, *spatium tractandi* indulget (Gr. T. Gl. Mart. 94) 'Император, ввиду их знатности, чтобы они не погибли сразу, предоставил им время для переговоров'.

У других авторов, помимо Григория Турского, генетив герундия, видимо, как слишком литературная форма встречается крайне редко:

At illi responderunt: Erant forsitan parvitatem nostrae *vires aedificandi?* (V. Genov. 18) 'А они ответили: «Хватит ли у нас, песястных, сил на строительство?»'.

Часто вместо ожидаемого родительного падежа герундия при существительных оказывается аккузатив герундия с *ad*, который затем в свою очередь уступит свое место инфинитивному дополнению:

... nec obdormivit in stratu suo, donec *signum ad consurgendum* commoveatur a monachis (Gr. T. Gl. Mart. 75) '... и не засыпала на ложе своем, пока монахами не был подан знак к пробуждению'; ... nec esset *virtus atque facultas ad reddendum* quae mutuaverat (Gr. T. Virt. Mart. III, 47) '... не было силы и возможности вернуть то, что он взял взаймы'; ... rex Pippinus post paucos dies, ut *dolus est ad dicendum ultimum diem et vitam simul caruit*. . . (Cont. Fred. 53) '... король Пипин через несколько дней, о чем горестно сказать, завершил последний день своей жизни'; ... nisi festinus ad resedendum pergerit, *periculum ad degradandum* haberit (Fr. Chr. II, 53^к) '... если не поспешит к себе в резиденцию, то подвергнется опасности низложения'.

Часто в таком положении заменителя родительного падежа герундия оказывается герундивная конструкция с существительным:

... *tempus ad sacrificium offerendum* advenit (Gr. T. Gl. Mart. 85) '... пришло время приношения жертвы'; ... *habuitque deinceps Anthiphanem et uxorem eius firmissimos*

adiutores ad praedicandum verbum Dei (Gr. T. Mir. Andr. 29) '... имел Антифана и его жену в качестве вернейших помощников в проповедовании слова божия'.

Герундиальная и герундивная конструкции в функции дополнения цели могут стоять при существительных, обозначающих как конкретные предметы, так и абстрактные понятия:

... *hortantur ut. . . novas ad habitandum terras* requirant (Gesta Theod. I, 5) '... просят... искать новые

земли для заселения'; *Prefatus rex Pippinus ad Waiofarium capiendum insidias iterum parat* (Cont. Fred. 51) 'Вышеназванный король Пипин готовит западню, для того чтобы захватить Вайофария'; *Tunc capsam ad sancta evangelia recludenda... praecepit fabricari* (Gr. T. Gl. Conf. 62) 'Тогда повелел, чтобы сделан был... ящик для хранения святого Евангелия'.

Еще в послеклассический период герундий и реже герундив с предлогом *ad* иногда встречаются в таком положении, где грамматическая норма как будто требовала других форм. Тем более такого свободного обращения с этими конструкциями можно ожидать в произведениях поздних авторов.

Как и в других случаях, герундий и герундиальная сочетание иногда появляются без предлога *ad* все в той же функции дополнения при существительном:

... mulier, ipsa *licentiam habeat*. . . *elegendum* (Edict. Rothari, 186) '... эта женщина пусть имеет... свободу выбора'; *Pater autem aut frater potestatem habeant*. . . *dandum aut spinsandum filiam aut sororem suam* (Liutprandi leg. 12, a. 717)⁹⁵ 'Отец или брат пусть имеют власть... выдать замуж дочь или сестру свою'.

Д. Норберг объясняет отсутствие предлога в этих случаях гиперкоррекцией, реакцией на школьную рекомендацию не ставить предлога перед инфинитивом, переносимую на синонимичную конструкцию с герундием.

Герундиальная конструкция при существительных с герундием в родительном падеже, имеющим при себе прямое дополнение, была относительной редкостью в классических текстах, но встречается иногда и у поздних авторов, особенно у Григория Турского:

... et in archidiaconatu suo *studium docendi parvulos habens* (Gr. T. Gl. Mart. 77) '... и в своем архи diaconate он стремился к обучению юношества'.

При существительных пока еще очень редко можно видеть инфинитив в роли атрибутивного дополнения. Хотя в романских языках такое употребление инфинитива станет обычным, и в живом языке VI—VIII вв., может быть, оно и не было уже редкостью, в текстах его еще почти нет. Либо оно еще не очень распространено и в устной речи, либо еще не настолько закрепилось, чтобы проникнуть в письменность. У Григория Турского удалось обнаружить один такой инфинитив при существительном *causa*:

⁹⁵ Цит. по: Д. Н о р б е р г, ук. соч., стр. 224—225.

Fuerat nobis *causa* quaedam Childeberthi regis *adire praesentiam* (Gr. T. Virt. Mart. IV, 26) 'Была у нас при-
чины отправиться к королю Хильдеберту'.

И infinitiv при именах прилагательных

В хрониках и житиях VI—VIII вв. прилагательные одинаково охотно сочетаются с герундием, с герундивом и с инфинитивом. Как видно из романских языков, последняя конструкция должна была быть перспективной, тогда как две другие умирали. Однако на текстах указанного выше характера и периода это пока еще не очень заметно. Что совершенно очевидно, так это полное забвение супина, употребляемого только в очень редко встречающихся застывших формулах, вроде *mirum dictu* (например: Gr. T. Gl. Mart. 23, 27, 87). Это, впрочем, не удивительно и не ново. То же имело место еще у классических авторов, очевидно, также видевших в супине элемент определенных формул, употреблявшихся довольно редко. Заменой супина в поздних текстах, как и ранее, оказывались конструкции с герундием, с герундивом, отчасти с инфинитивом:

... et erat miserabili facie et *horribilis ad videndum*. . .
(Gr. T. Virt. Mart. 8) '... и он имел несчастный вид и
был ужасен на взгляд. . .'.

Некоторые прилагательные, начиная с классической поры, могут сочетаться с герундием, сопровождаемым предлогом *ad*. По своему значению это прилагательные, выражающие отношение предмета к действию, обозначенному в герундии (или герундиве). Д. Норберг приводит следующие прилагательные: *facilis*, *difficilis*, *utilis*, *dignus*, *aptus*, *idoneus*, *opportunus* и некоторые другие.

Эти же прилагательные, как и целый ряд других, встречаются особенно часто в конструкции с герундием и герундивом и в памятниках VI—VIII вв. Примеры с герундием:

Locus etenim ille tam *difficilis est ad incedendum*, ut etiam feris bestiis illuc accedere sit laboris (Gr. T. Vitae Patr. XI, I). 'В это место так трудно добраться, что даже для диких зверей это представляет большую трудность'; *Iam vero, quam fortis fuerit ad praedicandum, quam terribilis ad arguendum, quam constans ad sustenendum, quam prudens ad docendum, quis evolvere queat?* (Gr. T. Vitae Patr. XVIII, 3) 'Кто мог бы рассказать, сколь силен он был в проповеди, сколь ужасен в обличении, сколь постоянен в поддержании веры, сколь мудр в обучении?'.

Этой конструкцией пользуются не только наиболее образованные авторы, но она жива и для тех, язык которых в наименьшей степени ориентирован на литературную норму:

Hector elegantissimus atque procerus, *ad pugnandum* gignarius atque egregius. . . (Daret. Hist. 196) 'Гектор — красивый и статный, в сражении искусный и выдающийся. . .'; Prosperum haec Gogonem *ad gubernandum* fuit. . . (Fr. Chr. III, 59) 'Гогон был счастливым в управлении. . .'; . . . non me dispicit dominus meus Iesu Christus, quoniam clemens est *ad ignoscendum* (V. Genov. 43) '. . . не презрел меня господь мой Иисус Христос, так как милостив он в прощении'.

С герундивной конструкцией:

. . . opportunitus est hic locus *ad pascenda pecora* (Gr. T. 7. Dorm. 6) '. . . это место благоприятно для того, чтобы пасти скот. . .'; . . . nomen Xerxes utelissimum cunctorum singulus *ad praevidendum Theudericum*. . . (Fr. Chr. II, 57) '. . . по имени Ксеркса, единственный из всех подходящий для предупреждения Теодориха. . .'; Quare segnes es *ad haec scribenda* quae prospicis? (Gr. T. Virt. Mart. I) 'Почему ты ленишься написать то, что предвидишь?'; . . . me minus vel idoneum vel peritum *ad haec narranda* cognosco. . . (Gr. T. Virt. Iul. 4) '. . . я признаю себя недостаточно способным и опытным, чтобы рассказать это. . .'

Герундивная конструкция появляется, как и в классическом языке, в тех случаях, когда герундий должен был бы иметь прямое дополнение. Как и при существительных, здесь может отсутствовать предлог *ad* либо в силу гиперкоррекции, либо вследствие оплошности автора:

. . . presertim cum *indagandam* eam aedonii (=idonei, — E. P.) minus sumus (V. Wandr. 12—13) '. . . особенно так как мы не способны к выслеживанию ее'.

Прилагательные сопровождаются инфинитивом в поздних текстах пока еще не слишком часто. Как правило, это те же прилагательные, которые одними и теми же авторами могут употребляться в связи с герундием или герундивом.

. . . temere quae *indignus* erat *agere praesumpsit*. . . (Gr. T. Gl. Mart. 86) '. . . дерзко предпринял то, что совершил был недостоин. . .'; *Dignum existimavi et illud non omittere in relatu quid Wiliacharium presbiterum referentem audivi* (Gr. T. Virt. Mart. 23) 'Я считал достойным не опускать того, что слышал из рассказов

Виллахария'; Ideoque cum se perfectum in Dei opere cerneret, non fuit *dubius* in fide petere, quod per vitam sanctam confisus est obtinere... (Gr. T. Vitae Patr. III, intr.) 'До такой степени он считал себя совершенным в делах божьих, что не колебался добиваться в вере того, что считал возможным достигнуть путем святой жизни...'.

Возможность для прилагательных сочетаться с герундием, герундивом и инфинитивом в одинаковой функции свидетельствует о том, насколько непрочен в эту эпоху языковой узус; старое постепенно уходит, забывается, но пока еще не заменилось новым. Новое уже наступает, теснит старое, но еще далеко до того, чтобы оно укрепилось окончательно, чтобы образовало даже не норму, а хотя бы преобладающее обыкновение.

О перспективности инфинитивных конструкций можно судить не столько по их закрепленности в это время, сколько по тому, что именно они будут впоследствии представлены в романских языках.

В качестве любопытного примера того, как одно и то же прилагательное может сопровождаться различными конструкциями, в сущности, в аналогичных условиях можно привести прилагательное *paratus*.

С герундием:

... sed vulgus qui *paratior* est ad *derogandum* bonis potius quam ad *imitandum* adserebant eam inferiorem sibi... (V. Genov. 11) '... но народ, который скорее готов не верить добрым людям, чем подражать им, считал ее ниже себя...'.

С герундивом:

Et ecce adstetit ei umbra tetrica... ore patulo, quasi ad *deglutiendum* virum Dei *parata* (Gr. T. Vitae Patr. XVII, 3) 'Вдруг появилась около него страшная тень... с разинутым ртом, как будто готовая проглотить человека божия'.

С придаточным предложением:

Bertoldus vero dux Saxonum ex alia parte ripae fluminis stans, *paratus*, ut ad pugnam procederet... (G. Dagob. 14) 'Бертолльд, воаждь саксов, стоял на другом берегу реки, готовый к тому, чтобы вступить в бой...'.

Наконец с инфинитивом:

... ferrum *subire parati* sumus. (T. Acaun. Mart. 10) '... готовы подвергнуться смерти от меча...'; Non videtis dominum Martinum stantem vobis *iuvare para-*

*tum?... (Gr. T. Virt. Mart. 6) 'Разве вы не видите
Мартина, стоящего рядом и готового вам помочь?...?*

* * *

Из сказанного выше следует, что и в сочетаниях с именами существительными и прилагательными имеет место соперничество нескольких конструкций, как это уже отчасти намечалось в классическую пору. Наиболее бесперспективной из форм, разумеется, является супин, наиболее перспективной — инфинитив, хотя последнее можно утверждать лишь опираясь на факты романских языков, лишь зная или только предвидя дальнейшую судьбу инфинитива. В хрониках же и в житиях VI—VIII вв. еще очень живы и широко употребительны и герундий и герундив в сочетании с предлогом *ad*. Они хорошо известны всем авторам и однаково охотно употребляются как образованными людьми, вроде Григория Турского, так и значительно менее сведущими и подчас совсем лишенными каких-либо литературных талантов составителями хроник и житий святых меровингской эпохи, жившими на территории римской Галлии.

* * *

В истории инфинитива в том виде, в каком ее можно проследить по текстам хроник и житий VI—VIII вв., представляются наиболее интересными, наиболее заслуживающими внимательного изучения два обстоятельства.

Первое — отношение инфинитивного дополнения с конструкциями, содержащими герундий или герундив, введенные предлогом *ad*. Эти конструкции сталкиваются с инфинитивным дополнением прежде всего при глаголах, обозначающих продвижение в пространстве, направленное к определенной цели. Цель эта и передается герундием (герундивом) или инфинитивом. От глаголов, обозначающих конкретное перемещение, эта же конструкция переходит к глаголам абстрактного значения, выражающим целенаправленные действия. Инфинитив выступает и здесь в качестве соперника герундия и герундива. Постепенно он их заменяет. Но происходит это не без различных перипетий и взаимовлияний.

Некоторые авторы поздних текстов, стремясь соблюдать классические нормы, чрезмерно усердствуют в этом и наряду с правильным употреблением герундия и герундива ставят их там, где уже в классическом языке их могло не быть.

Взаимовлияния сказываются в том, что герундиальные и герундивные конструкции под влиянием инфинитивной склонны утрачивать предлог, которым они прикрепляются к глаголу. И наоборот, инфинитив будет иногда, хотя сперва и очень редко, сопровождаться предлогом, взятым из побежденной герундиаль-

ной (и герундивной) конструкции. Не следует, впрочем, упускать из виду и того, что развитие инфинитива в качестве глагольного дополнения когда-то могло иметь своим образцом греческую инфинитивную конструкцию, тем более, что такому заимствованию могли способствовать и несомненно способствовали переводы греческих церковных книг.

Вторым заслуживающим пристального изучения моментом в истории инфинитивных конструкций является их отношение к исконному латинскому обороту *accusativus cum infinitivo*. Еще в классическую, а иногда и в архаическую пору некоторые глаголы, уже имевшие при себе оборот *accusativus cum infinitivo*, могли иногда сочетаться с чистым инфинитивом. Этот узус все больше расширяется за счет сокращения употребления данного оборота. Аккузативное дополнение в большинстве случаев (когда глагол, стоящий в форме инфинитива, переходный) существует, но уже не для обозначения лица, осуществляющего выраженное инфинитивом действие, а как его прямое дополнение. Лицо, производящее действие, обозначенное инфинитивом, отсутствует. Инфинитив оказывается либо субъективным, либо объективным с не выраженным субъектом. В последнем случае на помощь приходит дополнение в дательном падеже, которое указывает, к кому обращено действие глагола в личной форме. Это же лицо оказывается и осуществляющим действие, выраженное инфинитивом.

Вскрыть эти отношения между чистым инфинитивным дополнением и оборотом *accusativus cum infinitivo* очень важно хотя бы потому, что в исторической грамматике романских языков до сих пор живет миф о сохранении в них в полной неприкословенности этого некогда столь употребительного, столь широко распространенного в латинском языке синтаксического оборота. На самом деле это далеко не так. Умирание его началось еще в недрах латыни, когда он сталкивался с возможностью для некоторых глаголов иметь при себе инфинитив, да еще с прямым дополнением. В поздних текстах это соперничество становится особенно заметным на фоне частичной замены оборота *accusativus cum infinitivo* придаточными предложениями соответствующего значения. Процесс этот неизбежно приводит к тому, что в романских языках в сущности следует говорить не о сохранении оборота *accusativus cum infinitivo*, а скорее о результатах его перерождения.⁹⁶

Наконец, спорным и требующим разрешения является вопрос о предложном инфинитиве, столь характерном в качестве дополнения при глаголах романских языков.

⁹⁶ Ср. статью: А. К. Васильева. Так называемое инфинитивное предложение и судьба латинского оборота *accusativus cum infinitivo* во французском языке. Ученые записки II Ленинградского Гос. педагогического института иностранных языков, т. I, 1956.

Совершенно очевидно, что возможность сочетаться с предлогом свидетельствует о живом восприятии субстантивной природы инфинитива. Спорным является вопрос об источнике появления этого предлога и о том, является ли субстантивная природа реминисценциями происхождения инфинитива или вновь возрожденной чертой этой формы.

Существуют различные точки зрения. Этих вопросов так или иначе касались почти все исследователи, рассматривавшие развитие инфинитивных конструкций в романских языках. В основном это общие работы, посвященные исторической грамматике французского языка.

Одна из первых больших работ, специально посвященная французскому инфинитиву, вышла в 1874 г. Автор, Ф. А. Вульф, замечает, что чистый инфинитив заменил в поздний период жизни латинского языка герундий и супин в функции глагольного дополнения и что предлог *ad* был при нем необходим для усиления его этимологического значения дательного падежа. В тех случаях, когда инфинитив присоединяется к управляющему глаголу (*faire*, *laisser* и т. п.) без всякого предлога, Вульф считает, что стершееся этимологическое его значение дательного падежа не нуждается в оживлении предлогом.⁹⁷

Автор ссылается на Jolly,⁹⁸ говоря, что латинскому обороту *accusativus cum infinitivo* не место в исследовании, посвященном инфинитиву, ибо в этом обороте ведущая роль принадлежит аккузативу. Он напрасно, как нам кажется, не уделяет внимания взаимоотношениям, существующим между этим оборотом и чисто инфинитивным дополнением.

В 1881 г. появилась работа Г. Зольтмана о предложном инфинитиве в старофранцузском.⁹⁹ Автор также исходит из того, что искони инфинитив был существительным и в поздней латыни он заменяет герундий с предлогом *ad* в роли дополнения. В старофранцузском инфинитив с *ad* преобладает над беспредложным, выражая при этом цель движения, обозначенного глаголом в личной форме. Обозначая объект действия, инфинитив примыкает к глаголу в личной форме без посредства предлога. Зольтман не пытается объяснить, почему инфинитив в роли дополнения цели сопровождается предлогом *ad*, довольствуясь констатацией факта.

В работе Э. Вёльфлина¹⁰⁰ рассматриваются условия субстантивации инфинитива, которые автор объясняет греческим

⁹⁷ F. A. Wulff. *L'infinitif dans l'ancien français*. Acta Universitatis Lundensis, t. XI, 1874, p. 20, 37.

⁹⁸ J. Jolly. *Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen*. München, 1873.

⁹⁹ H. Soltmann. *Der Infinitiv mit der Präposition à im Altfranzösischen bis zum Ende des XII Jahrhunderts*. Französische Studien, Bd. I, Heilbronn, 1881.

¹⁰⁰ E. Wölfflin. *Der substantivierte Infinitiv*. Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik, Leipzig, 1886, Jhg. III.

влиянием. Предложный инфинитив как глагольное дополнение в этой работе совсем не рассматривается.

Эта функция инфинитива в старофранцузском изучается в работе И. Зёргеля. Автор считает, что инфинитив все больше сближается с существительным и поэтому естественно может получать предлог, как всякое имя в аккузативе. Инфинитив — удобная замена именных форм латинского глагола. В старофранцузском, по мнению автора, инфинитив надо считать скорее именем с некоторыми глагольными свойствами, чем чисто глагольной формой. Не случайно в старофранцузском предложный инфинитив преобладает над беспредложным и даже получает артикль. Однако автор лишь вскользь упоминает о том, что в поздних текстах инфинитив является заменой герундия.¹⁰¹ А ведь предложный инфинитив появляется уже в поздних латинских текстах и, скорей всего, под влиянием герундия.

В 1913 г. появилась работа Г. Чельмана, посвященная изучению истории французских инфинитивных конструкций. Появление при инфинитиве предлога *ad* автор объясняет необходимостью усилить, подчеркнуть значение направления при глаголах, которые обозначают действие, направленное к определенной цели. Из латыни, указывает автор,¹⁰² унаследован беспредложный инфинитив, но потребность в подчеркивании направления привела к вытеснению его предложным инфинитивом. Такое одностороннее объяснение появления, а затем и закрепления в значительном числе сочетаний предложного инфинитива представляется недостаточно убедительным.

Несравненно большую ценность представляют собой работы Э. Лёфстедта, И. Одельштиерна и особенно Д. Норберга, о которых неоднократно говорилось выше.

В частности Д. Норберг, талантливый шведский романист, одну из глав своего исследования поздней латыни¹⁰³ посвятил изучению вопроса о появлении романского предложного инфинитива. В этой сравнительно небольшой главе рассматривается вопрос о появлении предложного инфинитива в связи с взаимодействием последнего с синонимичным ему дополнением, состоящим из предложного герундия или герундива. На эту работу мы неоднократно ссылались. Думается, что Норберг, единственный из исследователей рассматриваемого явления, правильно и убедительно наметил путь его развития и причины его появления.

¹⁰¹ J. S ö r g e l. Ueber den Gebrauch des reinen und des präpositionalen Infinitivs im Altfranzösischen. (Diss.). Halle, 1899, S. 14.

¹⁰² H. K j e l m a n n. La construction de l'Infinitif dépendant d'une locution impersonnelle en français des origines au XV siècle. (Thèse de docto-rat). Uppsala, 1913, pp. 4—10.

¹⁰³ D. N o r b e r g. Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittelalters. Uppsala, 1943.

**МЕСТО ГЛАГОЛА В ПРЕДЛОЖЕНИИ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТЫНИ**

О порядке слов в классической латыни

Древние считали, что порядок слов в предложении диктуется всецело «гармонией звучания», «ритмикой речи». Причина того или иного следования слов при таком взгляде исключалась из грамматики.

В новое время взгляды на порядок слов, естественно, значительно усложнились. Стремление, вполне, впрочем, понятное, связывать порядок слов с содержанием высказывания, с его логическим или эмоциональным характером, различиями стилей, приводило исследователей к самым различным утверждениям. Особенно богат ими XIX век.

Часто в языке стремились видеть точное отображение логической схемы предложения. «Логически» главное — на первом месте, «логически» второстепенное — следует за главным. Отсюда деление языков на «логические» и «нелогические», т. е. такие, в которых эта схема соблюдается и такие, которые ее не принимают.¹

Возможен и другой подход, связывающий порядок слов с акцентуацией предложения.² Акцент может быть: 1) грамматическим, 2) логическим, 3) эмфатическим, 4) эмоциональным. Слово, подвергаемое тому или иному акценту, ставится впереди. В конце предложения оказываются либо слова не акцентируемые, либо такие, акцент которых намеренно подавляется.

А. Вейль,³ один из наиболее известных авторов, исследовавших латинский порядок слов, справедливо предупреждает против отождествления предложения и суждения, а следовательно, против имитации в речи порядка конститutивных элементов суждения.

Порядок следования элементов мысли, подчиняющийся логике, может отличаться от порядка синтаксического следования слов в предложении. Последний не зависит от первого, так как

¹ Ср.: H. Weil. *L'ordre des mots dans les langues anciennes*. 2 éd., Paris, 1869, p. 17.

² Там же, стр. 12—13.

³ Там же, стр. 15 и сл.

одна и та же мысль может быть синтаксически оформлена различно. Синтаксис не равен логике. Но порядок слов — это не только синтаксис.

Узус может диктовать одному языку постановку главного элемента высказывания, его логического или эмоционального центра, в одном месте предложения, другому языку — в другом.

Синтаксис отражает объективную, общую связь между явлениями реального мира. В порядке слов проявляется частная, индивидуальная окраска содержания предложения. Стремление выдвинуть на передний план тот или иной элемент содержания приводит к «нарушению» стандартного, узуального порядка слов в данном языке. Последний, в силу повторяемости, представляется «нейтральным», передающим лишь объективные синтаксические связи. Всякое стремление акцентировать тот или иной член предложения должно неизбежно приводить к его перемещению, т. е. к изменению нейтрального, узуального, наименее «выразительного» для данного языка порядка слов.

Таким образом, всякое нарушение узуального порядка слов подводит исследование к области стилистики и значительно его усложняет. Предметом его оказываются: 1) установление синтаксической нормы; 2) причины отступлений от нее; 3) стилистическая и логическая значимость этих отступлений.

Работа А. Вейля, ныне значительно устаревшая, далеко не решает всех вопросов, связанных с изучением порядка слов как элемента синтаксической структуры языка. Она не содержит языкового материала, т. к. не является исследованием, а представляет собой некий итог, плод размышлений ее автора. В некоторых случаях, особенно там, где автор, отдавая дань взглядам своего времени, стремится к сопоставлению порядка слов предложения с логическим движением мысли, позиция его особенно уязвима.

Именно за это и критикует его, в частности, Ж. Марузо,⁴ автор специальной трехтомной работы о порядке слов в латинском языке. Первое и последнее место, говорит он, отнюдь не являются акцентированными. И дело вообще не в значимости выражаемого словом понятия. Дело не в логических и психологических отношениях между явлениями и словами, их обозначающими. Слово — элемент речи, факт языка. Оно грамматически определено в предложении по связям с другими словами, от которых оно зависит или которые от него зависят. Положение слова должно быть определено прежде всего в отношении этих связанных с ним слов, с которыми оно составляет единую синтаксическую группу.

Впервые, еще в середине прошлого столетия, выдвинул необходимость изучения порядка слов внутри синтаксических групп,

⁴ J. Marouzeau. *L'ordre des mots dans la phrase latine*, t. I. Paris, 1922, pp. 3—5.

составляющих предложение, О. Ян,⁵ хотя границы групп и не были им достаточно четко намечены. Это последнее сделал А. Берген.⁶ Такие группы образуют: подлежащее с глаголом, существительное со своим определением, глагол с определяющим его обстоятельством и т. п. При этом важно, чем именно, какой частью речи выражены эти подлежащее, определение и обстоятельство. От грамматической природы может зависеть место, занимаемое ими в предложении по отношению к связанному с ними слову. Если принять группы, состоящие из двух компонентов, то возможны три варианта их взаиморасположения. Обозначив управляющее слово буквой *У*, зависимое — буквой *З*, получим три сочетания: *У* непосредственно предшествует *З*; *У* непосредственно следует за *З*; *У* находится на некотором расстоянии от *З*. Порядок, в котором определяющее предшествует определяемому, — *ЗУ* — может считаться «нормальным». Обратный порядок — *УЗ* — окажется в этом случае инверсией.

Изменение «нормального» порядка зачастую вносит известное смещение в значение слов, изменение их смысловой наполненности.

Нельзя изучать порядок слов какого бы то ни было языка вообще. Можно изучать положение в предложении какого-либо определенного члена предложения, а также установить его отношение к ближайшим связанным с ним словам; можно исследовать роль его грамматической природы в определении его места в предложении.

По мере развития языка может меняться и свойственный ему порядок слов. Характер его в латинском языке периода раннего средневековья иной, чем тот, который был типичен для латыни классической поры. Так, например, глагол в личной форме тяготел в латинской фразе к концу предложения. Постепенно он перемещается к началу, для того чтобы в конце концов, в романских языках, и особенно во французском, занять более или менее твердо место второго слова.

Место глагола в предложении классической латыни

Наиболее интересной работой, трактующей, в частности, вопрос о месте глагола в латинском предложении, несомненно должно считать исследование Ж. Марузо, представляющее вторую часть его трехтомной работы о порядке слов.⁷

⁵ O. Jahn. Die Wortstellung der lateinischen Sprache. Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik, t. XLV, Leipzig, 1845.

⁶ A. Bergaigne. Essai sur la construction grammaticale. Mémoires de la Société de Linguistique, t. III, Paris, 1878.

⁷ J. Marouzeau. L'ordre des mots dans la phrase latine, t. II. Le Verbe. Paris, 1938.

Изучение места значимого глагола в латинском предложении автор начинает с констатации того, что наиболее частым является его конечное положение. Это — индоевропейское наследство, полученное латинским языком от более древних времен. Конечное положение нейтрально и наблюдается в тех случаях, когда отсутствует необходимость особого ударения на глаголе, подчеркивания действия, выдвижения его на первый план.

Особенно охотно ставят глагол в конце предложения авторы, язык которых отличается простотой, безыскусственностью стиля. К числу таких авторов относится, например, Цезарь. Берген⁸ утверждает, что при чтении *De Bello Gallico* создается впечатление, что постановка глагольной формы на последнее место в предложении есть основное и твердое правило латинского синтаксиса.

По данным Марузо, даже у Цицерона, язык которого стилистически значительно более богат и разнообразен, чем язык Цезаря, конечное положение глагола превалирует. Отношение конечного положения глагола к начальному и срединному вместе составляет 160 : 100. При общем подсчете, произведенном Марузо, у Цезаря в 90% случаев глагол стоит в конце предложения, у Цицерона — в 55%.⁹

К этому следует добавить, что конечное положение глагола более свойственно придаточному предложению, чем главному. По данным Б. И. Портена,¹⁰ конечное и начальное положение глагола в произведениях Цицерона составляет — для придаточного предложения — 21 : 1, для главного — 3 : 1.

Исследование П. Перроша¹¹ показывает, что конечное положение глагола в придаточном предложении является фактически правилом по крайней мере для некоторых авторов, например для Тацита (II книга «Историй»).

Такое положение подтверждает теорию «невыразительности» последнего места латинского предложения, его «нейтральности». Придаточное предложение, как правило, содержит факты второстепенного значения, они чаще всего не продвигают повествования, а лишь сообщают дополнительные сведения, расширяющие смысл сообщения, содержащегося в главном предложении.

С этой точки зрения, напротив, начальное положение глагола оказывается весьма выразительным. Глагол, начинающий предложение, несет на себе смысловое ударение. Он либо сообщает о действии, продвигающем события, либо является обращением в форме императива. Начальное положение вообще является

⁸ A. Bergaigne, ук. соч., стр. 8.

⁹ J. Magouzeau, ук. соч., стр. 49.

¹⁰ B. J. Porten. Die Stellungsgesetze des Verbum finitum bei Cicero. Bonn, 1922.

¹¹ P. Perrochaud. La place du verbe dans la subordonnée, Revue des études latines, t. IV, 1926, pp. 50—60.

наиболее ударенным в латинском предложении независимо от того, какой член предложения стоит в начале.

Срединное положение глагольной формы не придает ей особой подчеркнутости. Оно в значительной мере зависит от индивидуальной манеры автора, предпочитающего ставить глагол в середине предложения, вместо того чтобы ставить его в конце. Марузо¹² допускает, что в ряде случаев срединное положение глагольной формы диктуется соображениями метрики. Вместе с тем он подчеркивает,¹³ что значение положения глагольной формы (начального, срединного или конечного) не зависит от размера предложения, от количества составляющих его элементов.

Глагол может перемещаться из конечного, нормального для него положения, для того чтобы уступить место другому члену предложения, который по тем или иным соображениям желательно отнести в конец.

Древнейшим является конечное положение. Это подтверждает мнение¹⁴ о том, что индоевропейскому глаголу вообще было свойственно находиться в энклизе.

Однако изучение памятников латинского языка различных эпох обнаруживает постоянную тенденцию глагола к перемещению с конца предложения к его началу.

П. Линде¹⁵ справедливо считает, что мнение, будто преобладающим и почти что единственным нормальным положением глагола в латинской фразе является конечное, недостаточно убедительно. Прежде всего, замечает он, необходимо отличать порядок слов главного и простого предложения от порядка слов придаточного. До сих пор этой стороне вопроса уделялось недостаточно внимания. А в то же время конечное положение глагола гораздо менее свойственно главному предложению, нежели придаточному.

Помимо этого вопрос о порядке слов непременно должен изучаться с учетом его развития. Изменения, претерпеваемые в этом отношении латинским языком, идут неуклонно в сторону постепенного передвижения глагола к началу предложения.

Весьма показательны подсчеты, приводимые различными исследователями¹⁶ в отношении отдельных авторов; будучи сведены вместе, эти подсчеты обнаруживают весьма красноречивую картину постепенного изменения места глагола.

Так, от Катона до Саллюстия конечное положение глагола составляет примерно 80% случаев; такое же сплитаксическое по-

¹² J. Magouzeau, ук. соч., стр. 83.

¹³ Там же, стр. 6.

¹⁴ Там же, стр. 94.

¹⁵ P. Linde. Die Stellung des Verbs in lateinischer Prosa. «Glotta», Bd. XII, Göttingen, 1923, S. 153.

¹⁶ Приводимые ниже цифры заимствованы из работ: J. Magouzeau, ук. соч.; P. Linde, ук. соч.; R. Haider. Die Wortstellung in der Peregrinatio ad Loca Sancta. Breslau, 1928, и др.

строение характерно для Цезаря. У него в главном предложении конечное положение глагола составляет 84%, а в придаточном доходит до 93%. Речь Цезаря, лишенная эмоциональной выразительности, стилистически трафаретная и даже бедная, свидетельствует о том, что конечное положение лишает глагол всякой дополнительной экспрессивности и может считаться наиболее «нейтральным». У Саллюстия в главном предложении глагол стоит на конце в 75% случаев, в придаточном — в 87%. Безусловное преобладание этой позиции в придаточном предложении может быть объяснено тем, что придаточное предложение содержит дополнительные и второстепенные сообщения и менее свойственно живой речи, чем книжной, а следовательно, характер его менее экспрессивен, чем характер главного и простого предложения, представляющих основную ткань повествования. У Катона соответствующие числа составляют 70 и 86%. Начиная с Bellum Africum заметны изменения: конечное положение глагола в главном предложении составляет 68% случаев, в придаточном — 73%. У Тацита — 64 и 86%, у Ливия — 63 и 79%. Первый век нашей эры знаменует значительный сдвиг. У Сенеки глагол стоит на конце в 58% главных предложений и в 66% придаточных; у Петрония — в 51% главных и 67% придаточных. У Плиния Младшего приблизительно то же самое: 50,5 и 68%. Знаменательно, что в письмах Цицерона конечное положение глагол занимает в 54% главных предложений и 62% придаточных. С течением времени глагол постепенно передвигается к началу предложения, причем у Этерии дело доходит до 25% случаев конечного положения в главном предложении и 37% — в придаточном. Эта картина уже недалека от романских языков. Движение медленное, но неуклонное. Оно продолжается до самого появления романских памятников и даже выходит за пределы этой эпохи. Так, для Страсбургских Клятв (843 г.) — первого французского письменного памятника, представляющего собой связный текст, более характерно конечное положение глагола, чем срединное или начальное. А в Песни о Роланде (XI в., Оксфордская рукопись XII в.) приблизительно в 50% случаев глагол занимает срединное положение.

Причин, обуславливающих то или иное положение глагола, видимо, можно найти не одну. В числе их известную роль, несомненно, играет и экспрессия. Если принять, что последнее место в латинском предложении наиболее нейтрально, то стремление к экспрессивности, необходимость в ряде случаев придать действию смысловое ударение должны были приводить к перемещению глагола в начало фразы. В отдельных случаях авторами могли руководить поиски стилистического эффекта, достигаемого необычным расположением слов. В определенных условиях метрика и ритм могли заявлять свои требования. Действенным и даже императивным могло являться влияние навыков живой

разговорной речи. Глагол, выразитель действия, — существенный член предложения и часто смысловой его центр. В устной речи естественно его выдвижение на сильную позицию в предложении. Особенно это представляется целесообразным для простых и главных предложений, содержащих основные сообщения. Придаточные предложения, часто служащие лишь для пояснения и уточнения основного сообщения, да к тому же, пожалуй, более свойственные книжному языку, в меньшей степени дают повод к тому, чтобы личная форма глагола покидала свое традиционное конечное положение.

Еще одно замечание. При изучении порядка слов латинского языка классического периода, так же как и всякого другого, необходимо учитывать стилистический характер памятника. Не случайно О. Ян говорит о трех возможных разновидностях порядка слов в латыни: 1) об эвфоническом порядке слов, обусловленном гармонией и ритмикой речи, т. е. чисто внешней, звуковой ее стороной; 2) о риторическом порядке слов, диктуемом выражениями выразительности речи, стремлением к максимальному впечатлению, которое речь должна производить на слушателя; 3) о грамматическом порядке слов, покоящемся на языковом узусе, предписывающем латинскому языку, чтобы подлежащее открывало предложение, а сказуемое заключало его, чтобы прямое дополнение стояло перед управляющим им глаголом, а перед прямым дополнением чтобы помещались дополнения в дательном падеже; перед последними, в свою очередь, должны располагаться обстоятельства времени, места, причины и образа действия.

Такой грамматически чистый порядок слов, разумеется, встречается очень редко. Он нарушается в силу различных причин. То отсутствует тот или иной член, то логическое ударение требует перемещения к началу предложения членов, которые без ударения стояли бы позади. Имеют место и чисто языковые причины, отражающие смысловые связи членов предложения. Например, обстоятельства могут тяготеть к глаголу и располагаться возле него, прилагательные — объединяются с определяемыми ими существительными и т. д. Смысловые связи могут оказаться сильнее традиционного синтаксиса, приводить к нарушению принятого порядка.

Нарушения эти могут иметь место либо в результате смысловых факторов, либо под влиянием навыков живой речи, отнюдь не столь строго придерживающейся литературной нормы. Элиза Рихтер,¹⁷ например, срединное положение глагола в предложении называет «романским» и считает, что оно свойственно простонародной речи (*volkstümlich*). Она связывает этот народно-разговорный тип расположения глагола с аффективностью и выразительностью

¹⁷ E. Richter. Zur Entwicklung der romanischen Wortstellung aus der lateinischen. Halle, 1903, S. 35—38.

живой речи. Для того чтобы слово произвело большее впечатление, оказалось более выразительным, оно должно быть перемещено, должно уйти со своего обычного места, столь привычного, что стоящее на нем слово не может ни нести особого ударения, ни привлекать к себе внимания.

Различными авторами давались различные объяснения изменениям, происходившим с латинским порядком слов. Многие из них приведены у Э. Лерха.¹⁸ Сам Лерх не согласен с Э. Рихтер в определении срединного положения глагола как черты народно-разговорной речи. Ссылаясь на Б. Дельбрюка,¹⁹ он говорит, что еще в индоевропейском языке конечное положение было обычным для глагола, а следовательно, именно это положение и являлось народно-разговорным. У римских писателей, стиль которых не отличается аффективностью или риторической выразительностью, преобладает именно такое положение глагола. У Цицерона глагол стоит на последнем месте лишь в 50% случаев потому, что он любит ставить на конец другие эмоционально подчеркнутые члены предложения.

Точка зрения Э. Лерха не кажется сколько-нибудь убедительной, особенно когда он переходит к утверждению, что конечное положение глагола было «народным» и в старофранцузском языке. Такой порядок засвидетельствован, говорит Лерх, в 63% всех примеров древнейших памятников французской письменности, в 42% — в Песни о Роланде, в 38% — в Ивэне Кретьена из Труа. Думается, что объяснение 63% случаев конечного положения глагола в древнейших французских памятниках следует искать в том, что их язык находится под несомненным влиянием латинской письменности, т. к. все древнейшие французские авторы были прежде всего латинистами, писавшими по латинским образцам свои произведения религиозного характера, которые представляли собой переложение евангелических текстов или Житий святых (ср.: *Passion du Christ*, *Vie de saint Légier*, *Cantilène de sainte Eulalie*, *Vie de saint Alexis*).

Объяснение, даваемое Лерхом²⁰ передвижению глагола в срединное положение, представляется также не очень убедительным. Он считает, что это явление не было само по себе народным, а стало таким только благодаря распространению в народе христианской литературы, которой оно было свойственно. Здесь сказывается влияние греческого, которому срединное положение глагола становилось все более и более свойственным. Наконец, Лерх высказывает предположение, что передвижение глагола к началу предложения вызвано внимательным («христианским»!) отношением говорящего к собеседнику.

¹⁸ E. L e r c h. Historische französische Syntax, Bd. III. Leipzig, 1934, S. 262—285.

¹⁹ B. D e l b r ü c k. Altindische Wortfolge. Halle, 1878, S. 13.

²⁰ Ук. соч., стр. 263—264.

Место глагола в предложении поздней латыни

Из вышеизложенного видно, что окончательного истолкования проблемы изменения латинского порядка слов и превращения его в романский в науке пока не получила. Тем более интересно ознакомиться с тем, как обстоит дело с расположением слов в предложениях в памятниках, относящихся к промежуточному периоду, отделяющему латинский язык от романских, и отражающих романские черты, по-видимому свойственные живому языку эпохи.

Так, поздние тексты могут, например, служить иллюстрацией неуклонного и постепенного передвижения глагола из конечного положения в срединное, которое впоследствии будет свойственно глаголу романского предложения как в устной, так и в письменной речи.

Рассматривая в этих текстах положение глагола, интересно остановиться на ряде моментов: 1) срединное и начальное положение знаменательного глагола; 2) положение знаменательного глагола по отношению к различным членам предложения; 3) положение глагола-связки по отношению к связанному с ним причастию в предиктивных конструкциях и в сложных глагольных формах; 4) взаимное расположение модального (полувспомогательного) глагола и связанного с ним инфинитива; 5) положение личной формы глагола в придаточных предложениях.

Интересно, в каких именно случаях глагол оказывается перемещенным, т. е. какой член предложения занимает его место. Это приведет нас к второму вопросу, а именно — рассмотрению непосредственного окружения переместившейся глагольной формы. Последняя может: 1) сопровождаться определяющими ее обстоятельствами и обстоятельственными группами; 2) занимать положение перед подлежащим или позади него.

Ряд факторов может вызывать тот или иной порядок слов предложения. Первый — смыслового порядка: необходимость выдвинуть на первый план, подчеркнуть тот или иной элемент высказывания. Второй — также внеязыкового характера: взаимное притягивание двух взаимосвязанных членов высказывания. Наконец обстоятельство чисто языкового свойства: необходимость недвусмысленного обозначения роли слова в предложении. Если морфологически функция слова оформляется недостаточно четко, вступает в силу синтаксический фактор — место, занимаемое словом в предложении.

1) В конце главного (или простого) предложения в поздних текстах еще довольно часто стоит личная форма глагола. Даже такому автору, как Фредегарий, познания которого в латинской грамматике в общем весьма слабы, свойственно ставить глагол на конце, т. е. как бы следовать латинской классической норме:

Civetas Aurilianes oracionibus beatissimi Aniani *liberata est* (Fr. Chr. II, 53) 'Город Орлеан был освобожден

молитвами блаженного Анпана'; . . . repleti gaudio, Theudoro et Lilia liberus esse iusserunt, et per tabularum adscriptione firmantis, etiam rebus plurimis ditaverunt (Fr. Chr. II, 57) 'Исполненные радости, они приказали Теодору и Лилии быть свободными и даже, скрепив это письменно на табличках, одарили их многими вещами'; Quod cum eos imparatos et dispersos obviasset, tandem cum paucis eos superat (Fr. Chr. II, 57) 'Когда он повстречал их, неподготовленных и необъединенных, то одолел их с небольшими силами'.

В *Peregrinatio ad Loca Sancta* на конце стоят чаще всего такие глаголы, как глаголы речи, а также *esse, fieri, posse, debere, habere, dignari* и т. п.²¹

Конечное положение глагола, наименее выразительное, очевидно, становится своего рода «синтаксическим клише», естественным, во-первых, для глаголов, наиболее часто употребляющихся даже в самой бесхитростной речи и одинаково уместных во всех жанрах языка, а во-вторых, в тех случаях, когда глаголы других типов оказываются в предложении в таком положении, что они не нуждаются ни в выделении, ни в подчеркивании. Таким образом, в конечном положении может практически оказаться любой глагол:

Mons autem ipse per giro quidem unus esse *videtur*; intus autem quod ingrederis, plures sunt, sed totum mons Dei *appelatur* (*Peregr. XXXVIII*) 'Кажется, что вокруг есть только одна гора; когда же войдешь внутрь, оказывается, что их много, но все вместе называется Божьей горой'; . . . toti illi montes, quos excelsos videramus, ita infra nos essent, ac si colliculi permodici *essent* (*Peregr. XXXVIII*) ' . . . все эти горы, которые мы видели такими большими, были настолько ниже нас, как если бы они были маленькими холмиками'.

Однако такой порядок отнюдь нельзя считать преобладающим, и нарушается он зачастую как будто даже без каких-либо веских причин:

. . . monachi autem plurimi *commanent ibi vere sancti*, et quos hic ascites vocant (*Peregr. LII*) ' . . . многие монахи живут там, очень благочестивые, и которых здесь называют аскетами'.

Вряд ли *ibi vere sancti* отнесено на конец предложения для того, чтобы привлечь к себе особое внимание читателя. В данном высказывании важно не то, что монахи, о которых идет речь, от-

²¹ См.: R. H a i d a. Die Wortstellung in der *Peregrinatio ad Loca Sancta*. (Diss.). Breslau, 1928.

личаются святостью жизни, а то, что они живут именно в этом месте. Положение *ibi* в конце явилось, таким образом, оправданным. Слова *vere sancti et quos hic ascites vocant* — дополнительное сведение о монахах, живущих в этом месте.

Глагол, занимающий среднее положение, может сопровождаться прямым или косвенным дополнением, обстоятельствами, appозициями и т. п.:

Teudericus accipit regnum Gunthramni in Burgundia, sedem habens Aurilianes (Fr. Chr. IV, 16) 'Теодерик получил королевство Гунтрамна в Бургундии, со столицей в Орлеане'; *Vespere autem facto, rogavit sanctum Narcissum et migravit ad matrem eius* (Conv. Afrae, 5) 'Когда наступил вечер, она спросила святого Нарцисса и отправилась к своей матери'.

2) В подавляющем большинстве случаев в поздних текстах глагол стоит позади подлежащего, но не примыкает к нему непосредственно:

Chlodovechus iterum in Burgundiam Aurilianum ad Gundobadum dirigit, propter thesaurum Chrotchilde reginae suaे (LHF A, 13) 'Хлодвиг вторично послал в Бургундию в Орлеан к Гундобаду относительно сокровища Хротхильды, своей королевы'; *Illa autem videns honestos viros. . . parat caenam et omnia quae solito more cum tribus puellis suis parare consueverat* (Conv. Afrae, 1) 'Она же, видя почтенных мужей, . . . готовит ужин и все, что по обычаям она всегда готовила со своими тремя девушкиами'.

3) Глагол в большинстве случаев следует за подлежащим даже в тех случаях, когда предложение начинается с обстоятельства. Это любопытно, т. к. впоследствии, в романских языках, обстоятельство, начинающее предложение, непременно вызывает инверсию подлежащего. Пока это еще неизвестно.

Eo anno inter Francos et Brittanis super fluvio Vici-nonia bellum est ortum (Fr. Chr. IV, 11) 'В этом году между франками и бриттами началась война на реке Висинонии'; *Ipsaque anno Teudebertus et Teudericos reges contra Clotharrium regem movint exercitum* (Fr. Chr. IV, 20) 'В этом самом году короли Теодеберт и Теодерик двинули войско против короля Хлотария'; *In diebus autem ipsis Petrus et Johanes ascendebant in templum ad vesperum ad horam nonam orationis* (Itala, Act. apost. 3, 1—10) 'В эти дни Петр и Иоанн вошли во храм под вечер на девятом часу молитвы'.

4) В отсутствие подлежащего глагол оказывается непосредственно следующим за обстоятельством или обстоятельственной группой, которая начинает предложение:

Ibi ergo mansimus in ea nocte et inde maturius die dominica cum ipso presbytero et monachis, qui ibi comimorabantur, coepimus ascendere montes singulos (Peregr. XXXIX) ‘Там мы остались на эту ночь и оттуда рано утром в воскресенье вместе с самим священником и монахами, которые там жили, мы начали подниматься на отдельные горы’; *Eadem autem nocte in somnis vidi caelum apertum et claritatem illius.* . . (V. Lucii, 5) ‘Той же ночью он увидел отверстое небо и свет его. . .’.

Если глагол является переходным, то его прямое дополнение, как правило, непосредственно за ним следует.

Очень часто первое место в предложении занято причастным оборотом, абсолютным или, чаще, согласованным:

Nam proficiscens de Tharso perveni ad quandam civitatem supra mare adhuc Ciliciae, quae appellatur Ronpeioropolin (Peregr. LXIX) ‘Итак, выйдя из Тарса, я пришла к некоему городу над морем возле Киликии, который называется Ронпейорополис’; *Et vale dicens suis, arripuit iter.* . . (P. Floriani, 2) ‘И, прощаясь со своими, отправился в путь. . .’; *Acceptoque anolo, . . . reposuit illum in thesaurum avunculi sui* (LHF A, 11) ‘Приняв перстень, . . . она положила его в сокровищницу своего дяди’; *Vocatoque archidiacono, interrogat si aures eius percuterent voces, quas ille adtentus audiret* (G. T. Virt. Mart. I, 4) ‘Призвав архидиакона, он спросил, дошли ли до его ушей голоса, которые он сам с трудом слышал’.

5) Инверсия подлежащего в предложениях, начинающихся с обстоятельства, хотя и не является обязательной или даже преобладающей, однако все же встречается.

Известно, что в ранних романских языках, как правило, инверсия подлежащего была нормальной для всех случаев, когда предложение начиналось с обстоятельства или какого-либо другого второстепенного члена предложения. Этот романский узус пока лишь изредка появляется в позднелатинских текстах:

Et iam, his dictis omnibus, mox inruit magnus clamor et luctus in turba, et excrevit gemitus valde et nimis in viros et ploratus multus in feminas, et omnes vociferantes in planctum (V. Servatii, 5) ‘И тогда, после того как все было сказано, поднялся в народе огромный крик и горе, и возникли среди мужей стечания и плач среди женщин, и все причитали с рыданиями’; *Circa vero pullorum cantus extinxit se lumen cicindili* (Conv. Afrae, 4) ‘С пением петухов погас огонь светильника’; *Eodem die exitus Iesus secus mare* (Itala, Mat. 13, 1—9) ‘В тот же день вышел Иисус к морю’.

В тех случаях, когда глагол переходный, его прямое дополнение, как правило, следует непосредственно за ним, отодвигая подлежащее от глагола:

Per dies autem plurimos docuit verbum Dei sanctus
Narcissus episcopus (Conv. Afrae, 8) 'В течение многих
дней святой епископ Нарцисс поучал слову божию'.

Хотя обусловленная инверсия подлежащего, которая впоследствии станет типичной для романских языков, пока еще явление далеко не обязательное, в некоторых текстах она настойчиво появляется. Так, Р. Гайда отмечает, что около половины примеров с наречием, открывающим фразу, в *Peregrinatio ad Loca Sancta* обнаруживают инверсию подлежащего.

В старофранцузском языке инверсия подлежащего имела место во всех случаях, когда предложение начиналось с дополнения, обстоятельства или какого-нибудь другого второстепенного члена предложения либо даже служебного слова, например союза:

La dame, parce qu'ele plore / Prie li rois remenoir
(Cr. de Tr. Yvain, 2634) 'Король просит даму оставаться,
так как она плачет'; Or ne vialt mes plus arrester / La da-
meisele... (Cr. de Tr. Yvain, 3036) 'Не хочет больше оста-
навливаться девушка'.

Позднее все изменилось. Постепенно устанавливался прямой порядок слов. Старая инверсия сохранилась лишь для отдельных, редких случаев. Появились условия для новой. Впрочем, и для старофранцузского периода преобладающей безусловно являлась препозиция подлежащего, которая составляла около 80% случаев.²² Препозиция подлежащего по отношению к глаголу сперва закреплялась для предложений, в которые входил переходный глагол. Она — средство распознавания подлежащего по прямого дополнения, место которого позади глагола. Однако до нового времени сохранилось обыкновение ставить глагол впереди подлежащего в предложениях, начинающихся с некоторых определенных наречий: *A peine fut il entré qu'elle se jeta à sa rencontre*.

6) Глагол занимает в главном предложении первое место, во-первых, при императивной его форме. В этом случае, очевидно, имеет место выдвижение действия на первый план. Во-вторых, это наблюдается в повествовательном жанре. В этом случае выдвижение глагола на первое место служит цели подчеркнуть продвижение повествования. Помимо этого, главное предложение может начинаться с глагола в случае, когда оно следует за придаточным предложением:

²² См.: Д. К. Чебялис. Структурные сдвиги в системе имени во французском и провансальском языках. (Диссертация). Л., 1962.

Dum autem coepissent eum mittere foras, dicebant ei: *Exi foras, Aethiops* (*Vitae Patrum*, V, 15, 29) ‘Когда же начали выгонять его, сказали ему: «Выйди вон, Эфиоп»; *Igitur Burgundiones...* dixerunt: *Da neptae tuae aliquid de facultate thesauri sui...* (*LHF A*, 12) ‘Тогда бургундцы сказали: «Дай племяннице твоей что-нибудь из сокровищ ее...»’.

Впрочем, даже императив не обязательно должен начинать предложение:

Verum tamen illos inimicos meos, qui noluerunt me regnare super eos, adducite hoc et occidite in conspecto meo (*Itala*, *Luc. 19, 1—27*) ‘Врагов же моих, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и убейте на моих глазах’.

Чаще всего на первом месте встречаются глаголы речи, чувственного восприятия и движения, а также *esse* и *habere*:

Abit autem et fecit de farinula lenticulam... *Erravit* autem pater, et pro mello de raphanelaeo misit in pulmentum (*Vitae Patrum*, V, 4, 59) ‘Ушел и сделал из муки лепешку... Однако отец ошибся и вместо меда положил в приправу сок из редьки’; *Introibit autem Petrus in triclinio et vidit evangelium legi...* (*Actus Petri*, XX) ‘Вошел Петр в триклиний и видит: читается Евангелие...’; *Pervenimus ergo ad summitem montis illius, ubi est nunc ecclesia non grandis in ipsa summittate montis Nabau* (*Peregr. XII*,) ‘Пришли мы на вершину той горы, где находится сейчас небольшая церковь, стоящая на самой вершине горы Набау’; *Surrexerunt autem reges Grecorum adversus Aeneam...* (*LHF A*, 1) ‘Поднялись цари греков против Энея...’; *Fugit autem Ermenfredus cum Toringhis usque Onestrudem fluvium, illic eum persequentes Franci* (*LHF A*, 22) ‘Бежал Эрменфред с тюрингами до реки Онеструды, и там его преследовали франки’; *Dicit ergo nobis ipse presbyter: Si vultis videre aquam...* (*Peregr. LII*) ‘Сказал нам священник: «Если хотите видеть воду...»’; *Habebat autem de eo loco ad montem Dei forsitan quattuor milia totum per valle illa, quam dixi ingens* (*Peregr. XXXVII*) ‘Было же от этого места до Божьей горы, быть может, четыре мили, всё через ту долину, о которой я сказала, что она огромна’; *Erat autem ibi vasculum pendens...* (*Vitae Patrum*, V, 4, 59) ‘Был там сосуд, висевший...’.

Habere и *esse* на первом месте служат не продвижению действия, а статическому описанию какого-либо обстоятельства, являюще-

гося, однако, условием дальнейшего действия, притом упоминаемого впервые.

Непривычность постановки глагола на первое место заставляет иногда автора предпосылать ему какое-нибудь вводящее слово. Оно служит скреплению предложения, начинающегося с глагола, с предыдущим, это слова типа: *et*, *item*, *tunc*, *nam*, *itaque*, *ac*, *sic*, *ergo* и т. п. Примеры:

Tunc ait ille sanctus presbyter. . . (Peregr. LVII) 'Тогда сказал этот святой священник. . .'; *Item dignatus est nos ducere ad puteum illum. . .* (Peregr. LXV) 'Удостоил проводить нас к этому колодцу. . .'; *Et ait nobis sanctus episcopus: Ecce puteus unde potavit sancta Rebecca camellos pueri. . .* (Peregr. LXV) 'И сказал нам святой епископ: «Вот колодец, из которого святая Ревекка напоила верблюдов юноши. . .»'.

Главное предложение, которому предшествует придаточное, может начинаться с глагола; первое место фразы как бы занято придаточным предложением:

Cumque ad Aurilianum pauperem simulantem venisset, misit aureum unum in manu eius (LHP A, 11) 'И когда подошла к Аврелиану, изображавшему бедняка, положила в руку ему золотую монету'; *Dum autem in loco illo commoraregetur, vidimus per duas noctes signa in caelo. . .* (GTHF, VIII, 17) 'Пока мы находились в этом месте, видели в течение двух ночей знамения небесные. . .'.

7) Место глагола-связки *esse* по отношению к связанному с ним причастию также не является постоянным. Как и глагол в личной форме, сочетание причастия со связкой *esse* может занимать в предложении любое место; при этом не исключено сохранение порядка следования этих двух компонентов, издавна свойственное латинскому языку: «причастие+связка». Примеры:

Post haec illa ingressa est in cubiculum suum, misit ancillam suam vocare peregrinum illum (LHF A, 11) 'После этого она вошла в спальню свою и послала свою служанку позвать странника'; *Et locutus est ad eos multa in parabolis dicens. . .* (Itala, Mat. 13, 1—9) 'И обратился он к ним, говоря о многом в притчах. . .'.

Для этой конструкции характерно тесное примыкание компонентов друг к другу. Оно имеет место во всех случаях, когда глагол-связка предшествует причастию или следует за ним:

Ac sic ergo visis omnibus, quae desiderabamus. . . regressi sumus in Ierusalem. . . (Peregr. LV) 'Итак, посмотрев все, что хотели, . . . мы вернулись в Иерусалим. . .';

... iterata oratione et sic benedicens pos episcopus eg-
ressi sumus foras. (Peregr. LXV) '... после того как мы
повторили молитву и епископ благословил пас, мы вышли';
... et mortuus est non loquens. . . (Vitae Patr. VI. 2, 8)
'... и умер, ничего не говоря. . .'.

Такой же порядок характерен для пассива:

Dicebant de abbe Moyse quia *factum esset clericus*. . .
(Vitae Patr. V, 15, 29) 'Говорили об аббате Моисее, что
он сделался клириком. . .'; Sub eo epim et Buccelenus,
cum totam Italiam in Francorum regno redigisset, a Narsite
interfectus est. . . (GTHF, 146, 22) 'При нем и Буцелен,
когда всю Италию присоединил к королевству франков,
был убит Нарситом. . .'; Tunc in circulum lunaee quintae
stella ex adverso veniens introisse *visa est* (GTHF, 146, 22)
'Тогда стало видно, как звезда, идущая с противополож-
ной стороны, вошла в круг пятой луны'.

Сочетание прилагательного с глаголом-связкой не является
сложной формой глагола, а представляет собой именное сказуемое.
В смысле расположения его компонентов оно ведет себя так же,
как и сложная глагольная форма:

Et cum hi omnes, qui girum sunt, tam *excelsi sunt*. . .
(Peregr. XXXVIII) 'И так как те, которые находятся во-
круг, так высоки. . .'; Fictilia *deterima sunt*, quae in
hieme gelantur et aestate fervescunt. (Pall. Op. agr. I,
37, 6) 'Самые плохие глиняные изделия те, которые зимой
замерзают, а летом нагреваются'.

Вспомогательный глагол и глагол-связка иногда перемещаются
вперед и оказываются перед причастием. Впоследствии именно
такое перемещение будет характерным для романских языков.
Однако в позднелатинских текстах это встречается еще относи-
тельно редко и, очевидно, объясняется влиянием живой речи:

Rergus inde, Parisius *est ingressus*; ibique ad eum
Brunichildis cum filiis venit (GTHF, 186, 3) 'Вернувшись
оттуда, он вошел в Париж; там к нему пришла Брунхильда
с сыновьями'; . . . dicens: Vae mihi, pater, quia occidi te,
et tu peccatum hoc posuisti super me, quia non *es locutus!*
(Vitae Patrum V, 4, 59) '... говоря: «Увы мне, отец, что
убил тебя, и ты наслал на меня этот грех, ибо ничего не
сказал!»'; Ab ipso Merovecho rege utile reges Francorum
Merovingi *sunt appellati* (LHF A, 5) 'От этого доброго
короля Меровея короли франков стали называться Ме-
ровингами'.

Последовательность «вспомогательный глагол + причастие» была
и прежде известна латинскому языку. Она встречается у архаи-

ческих авторов комедий, особенно в диалогах. Очевидно, это черта живой речи, которая проникала в произведения Плавта и Теренция, богатые диалогами. Ж. Марузо²³ упоминает, что такой порядок начинает появляться чаще под пером авторов конца Республики и что у Цицерона он вполне обычен и употребляется в соответствии с требованиями экспрессивности. Что касается поздних авторов, то Марузо отмечает, что у историков, называющих себя продолжателями Цезаря, и у автора *Bellum Hispaniense* в первых двадцати двух главах почти столько же примеров прямого порядка (*pp.+esse*), что и инвертированного (*esse+pp.*), а именно — 34 против 39. В восьмой книге *De Bello Gallico* последний в три раза чаще, чем первый. У Витрувия во введении к *De agricultura* 2 примера прямого порядка против пятнадцати инверсий. У Этерии на 314 примеров «*pp.+esse*» имеется лишь 13 случаев обратного порядка.²⁴ Это, также как и постоянное употребление ею, например, синтетических форм пассива, свидетельствует, очевидно, о ее относительной осведомленности в классических нормах, а главное о ее стремлении соблюдать эти нормы.

8) При глаголах некоторых семантических групп более или менее обязательны дополнения. Так, например, глаголы «движения», как правило, сопровождаются дополнениями цели, указывающими, куда направлено движение, и дополнениями места, обозначающими исходный пункт движения или место, где оно происходит.

а) Дополнение цели обычно следует за глаголом «движения», представляя, таким образом, логический порядок:

.... hora ergo quarta *pervenimus in summitatem illam montis Dei sancti Syna.*... (Peregr. III)
‘... в четвертом часу пришли на вершину Божьей горы, святого Сина’; *Facta ergo ibi oblatione accesimus denuo ad alium locum non longe iude, ostendentibus presbyteris vel monachis.*... (Peregr. IV) ‘Совершив трапезу, подошли к другому месту недалеко оттуда, провожаемые священниками или монахами...’; *Ingressi Meotidas paludes navigantes, pervenerunt intra terminos Pannoniae iuxta Meotidas paludes.*... (LHF A, 1) ‘Проникнув по воде в Меотидские болота, добрались до границ Паннонии возле этих болот...’; *Illi itaque caesi super Danubium fluvium, fugierunt et intraverunt in Meotidas paludes* (LHF A, 2) ‘Они, побитые на реке Дунай, убежали и вошли в Меотидские болота’; *Convenientesque ad bellum, illis inter se fortiter coniugnantibus, Siagrius lesum cernens exercitum suum, per fugam lapsus ad Alaricum regem Gothorum aufugit ad urbem Tolosam* (LHF A, 9) ‘Когда они сошлись

²³ См.: J. Magouzeau, ук. соч., стр. 103—106.

²⁴ См.: R. Haida, ук. соч., стр. 49.

для войны и шло сильное сражение, Снагрий, видя, что войско его пострадало, обратился в бегство и прибежал к Алариху, королю готов, в город Толозу'.

В последнем случае глагол имеет два дополнения, указывающие направление движения. Одно оказалось впереди глагола, другое позади. Такое разделение, тут пожалуй, вызвано не грамматическими, а, быть может, скорее стилистическими соображениями (оба дополнения введены предлогом *ad*) или стремлением к более четкому смысловому разграничению двух дополнений. Говорить о «стилистических соображениях» в «Истории Франков», впрочем, нет оснований.

В предложении, начинающемся с второстепенного члена (что вызывает инверсию подлежащего), дополнение цели оказывается отодвинутым от глагола подлежащим:

Quando *intrat* abbas Moyses *ad altare*. . . (*Vitae Patrum*, V, 15, 29) 'Когда подошел Моисей к алтарю. . .'; . . . et sic *plecaremus* nos *ad montem* Dei (*Peregr. II*) ' . . . и так повернули мы к горе Божьей'.

Перенесение дополнения вперед — явление относительно редкое. Чаще всего можно его видеть у Григория Турского:

Cumque iam prope terminum illorum esset, Saxones legatus *ad eum mittunt* (*GTHF*, IV, 14) 'Когда он был уже близко от их границ, саксы направили к нему послов'; Tunc Chlotharius valde confusus pacem petiit, dicens, se non sua voluntate *super eos venisse*. Qua obtenta, ad propriam rediit (*GTHF*, IV, 14) 'Тогда Хлотарий, сильно смущенный, попросил мира, говоря, что он пошел на них не по своей воле. Получив мир, он ушел восвояси'; Qua de causa multi relinquentes civitates illas vel possessiones proprias, *alia regna petierunt*. . . (*GTHF*, V, 28) 'По какой причине многие, оставляя эти города и свои владения, отправились в другие королевства. . .'; Chlodoberthum vero conponentes in feretro, Sessionas *ad basilicam sancti Medardi duxerunt*. . . (*GTHF*, V, 34) 'Положив Хлодоберта на носилки, повезли в Суассон к базилике святого Медарда. . .'.

Такое положение дополнения цели при глаголах «движения» у Григория Турского объясняется, видимо, тем, что, следя классическим примерам повествовательного жанра, он ставит глагол в конце предложения. У каждого писателя, какой бы эпохе он ни принадлежал, свой стиль. А для авторов позднелатинского периода большое значение также имела степень их образованности, т. е. возможности в какой-то мере следовать старым классическим нормам.

Относительно хорошее знание латинских образцов приводило Григория Турского к тому, что он старался им следовать, — отсюда и глагол на последнем месте. Не то у Фредегария. Он несравненно вольнее обращается с правилами латинской письменной речи. В его языке отчетливо сказываются влияния устной речи, черты, которые впоследствии станут характерными для романских языков.

Дополнение цели и места, куда направлено движение, у него обычно следуют за глаголами:

Ille vehementer refragens, cornum amisit, cursuque veloci fugit in heremis (Fr. Chr. II, 57) ‘Он, поспешно отступая, потерял рог и быстро убежал в пустыню’; Una pars per-rexit in Macedoniam . . . (Fr. Chr. II, 4) ‘Одна часть отправилась в Македонию . . .’; Gens Chunorum, pace rupta, ruunt in Galliis (Fr. Chr. II, 53) ‘Племя гуннов, нарушив мир, обрушилось на Галлию’; Agecius legatus mittens ad Attilanem regem Chunorum obviam, petens auxilium contra Gothis. . . (Fr. Chr. II, 53) ‘Аэций, послав послов навстречу Аттиле, королю гуннов, прося помочи против готов . . .’.

Такая постановка глагола в отношении дополнения места, куда направлено движение, особенно интересна для Фредегария, так как при отсутствии такого дополнения ему свойственно ставить глагол в конце предложения. Но в данном случае логика, необходимость представить фактическую последовательность явлений, пересиливает языковой узус.

б) Обстоятельственные дополнения, обозначающие место, где происходит движение, также обычно следуют за глаголом «движения»:

. . . et ipsae nobis dixerunt de virtutis Mariae, quae ambulabat in heremo (Itiner. Hier. 34) ‘. . . и говорили они нам о добродетели Марии, которая шла по пустыне’; Et intrans pertransiebat Hiericho (Itala, Luc. 19, 1—27) ‘И, войдя, прошел через Иерихон’; . . . in nomine Dei revertentes per Iericho et iter omne, quod veneramus, regressi sumus in Ierusolimam (Peregr. XII) ‘. . . во имя божие вернувшись через Иерихон, прошли обратно всю дорогу в Иерусалим’.

в) Дополнение, обозначающее место, откуда началось движение, также, как правило, следует за глаголом:

. . . ecce et occurrit presbyter veniens de monasterio suo . . . (Peregr. III) ‘. . . и вот прибежал священник, пришедший из своего монастыря . . .’; . . . iam ut exiremus de ecclesia dederunt nobis presbyteri loci ipsius eulogias,

... id est pomis, quae in ipso monte nascuntur (Peregr. III)
‘... когда мы вышли из церкви, дали нам священники
этого места дары, т. е. яблок, которые растут (букв.
рождаются) на самой горе’; Completo ergo omni desiderio,
quo festinaveramus ascendere, cepimus iam et descendere
ab ipsa summitate montis Dei. . . (Peregr. IV) ‘Исполнив
все желания, торопились подняться, а затем стали спу-
скаться с вершины Божьей горы. . .’; . . . et statim di-
vertentes a via secuti sumus presbyterum, qui nos ducebat
(Peregr. X) ‘. . . свернув тотчас с дороги, последовали за
священником, который вел нас’.

Разумеется, встречаются и отступления от этого вновь возни-
кающего узуса. Но они относительно редки, хотя допускаются
теми же авторами, которые в подавляющем большинстве случаев
придерживаются нового, уже, пожалуй, романского порядка слов:

Nam et illa alia pars, quae *de Frigia progressus est* . . .
(Fr. Chr. II, 5) ‘Ибо и та другая часть, которая вышла из
Фригии. . .’.

Знаменательно, однако, что в подобных случаях, как правило,
речь идет о придаточном предложении, между тем именно в при-
даточных предложениях конечное положение глагола сохранялось
дольше, чем в главных.

Сближение глагольной формы с обстоятельством, дополнением
и приближение ее к подлежащему радикальным образом меняет
старый порядок. Постепенно устанавливается узус, напоминаю-
щий будущие конструкции романских языков. То, что уход гла-
гольной личной формы с последнего места в предложении особенно
характерен для главного и простого предложения, заставляет
думать, что здесь не обошлось без влияния живой речи того вре-
мени. Для живой речи, очевидно, более характерны простые пред-
ложения, тогда как книжный язык трудно представить себе без
придаточных. А именно в придаточных предложениях позднела-
тических текстов конечное положение личной формы глагола
является преобладающим.

9) Во взаимном расположении модального или полувспомога-
тельный глагола и зависящего от него инфинитива возможны
следующие варианты:

а) личная форма непосредственно предшествует инфинитиву;
б) инфинитив стоит непосредственно перед личной формой; в) лич-
ная форма и инфинитив находятся в дистантном положении.

Вместе с тем сочетание модального глагола с инфинитивом мо-
жет находиться: а) в главном предложении; б) в придаточном пред-
ложении.

Как правило, личная форма модального или полувспомога-
тельный глагола, от которого зависит инфинитив, предшествует

ему. Возможно непосредственное примыкание обоих компонентов друг к другу, как и дистантное положение. Однако дистантное положение оказывается более обычным. Разумеется, когда в предложении нет таких второстепенных членов, которые могли бы расположиться между глаголом в личной форме и инфинитивом, или их мало, имеет место непосредственное примыкание:

Calidum non potest sustinere. . . (Pall. Op. agr. XI, 12, 4)
'Не может выдерживать жару. . .'; *Quibus per me centum solidos offerebat ille, christianissimus, cum quo fui, sed noluerunt accipere* (Itiner. Hier. 34) 'Тот, благочестивейший, с которым я был, предлагал им через меня сто солидов, но они не хотели брать'; *Respxit retro hostium cameræ: non invenit sacculum suum et molestus coepit tristare* (LHF.A, 11) 'Посмотрел за дверь комнаты: не нашел своего мешка и, огорченный, стал печалиться'.

Впрочем, установить какую-либо языковую, грамматическую закономерность для дистантного положения модального (полувспомогательного) глагола и инфинитива не удается. Очевидно одно: значительно преобладает последовательность, при которой глагол в личной форме непосредственно предшествует инфитиву.

К глаголам, образующим такие сочетания, относятся: *volo* (*nolo*), *debeo*, *possum*, *coepi*, отчасти *facio*, *praecipio*, *iubeo*, которые в поздних текстах получают инфинитивное дополнение. Видимо, все сочетание воспринимается как единый комплекс, и логического основания для его расчленения нет. Разбивать это единство может лишь формальное стремление ставить на конце предложения личную форму глагола. Но это свойственно лишь более или менее хорошо образованным авторам поздней эпохи, а таких немного. Разумеется, в наибольшей мере это свойственно Григорию Турскому:

Tunc apparuerunt signa, id est radii a parte aquilonis, sicut saepius apparere solent (GTHF, VIII, 8) 'Тогда появились знамения, т. е. лучи со стороны севера, как они часто имеют обыкновение появляться'; *Franci autem nec hoc adquiescere voluerunt* (GTHF, IV, 14) 'Франки же не хотели на это согласиться'; *Quo convaliscente, filius eius iunior, necdum aqua et Spiritu sancto renatus, aegrotare coepit* (GTHF, V, 34) 'Когда он уже выздоравливал, младший его сын, еще не возрожденный водой и Святым Духом, захворал'.

Иногда, хотя и не часто, то же можно видеть и у других авторов, которым такая конструкция, как правило, не свойственна:

Eodem mense sordibus liberandi sunt alvei, quia tota hieme eos movere aut aprire non possumus (Pall. Op.

agr. XII, 8) 'В этом же месяце должны быть освобождены русла родников, которые в течение всей зимы мы не могли открыть и заставить двигаться'.

Впрочем, и у Григория Турского, несмотря на его относительную образованность и знакомство с классическими нормами, проявляется стремление размещать модальный глагол и инфинитив в логическом порядке:

Sed nequibat exponere, vanam tota intentione cupiens gloriam evitare (GTHF, VIII, 15) 'Но не мог объяснить, намеренно желая избежать тщетной славы'; *An forsitan mali homines aliquam inter vos discordiae radicem faciunt pullulare?* (GTHF, VIII, 13) 'Или, может быть, злые люди посеяли между вами раздор?'.

Иногда между компонентами сочетания Григорий помещает прямое дополнение, или подлежащее, или даже второстепенные члены предложения:

Non potui aliud facere, nisi quae ille, qui omnem principatum Galliarum se testabatur accipere, imperabat (GTHF, VIII, 2) 'Я не мог поступить иначе, чем приказал тот, который утверждал, что он принимает правление Галлиями'; *Unde, si oratio vestra prosequitur, poterit hic, Domino annuente, regnare* (GTHF, VIII, 4) 'Если молитва ваша сбудется, он сможет, с божьей помощью, царствовать'.

Особенно характерно такое расположение компонентов конструкции для главного (простого) предложения.

В подавляющем большинстве случаев язык оформляет положением компонентов смысловое единство сочетания:

Dixit autem imperator: Quicumque potuerit introire in paludes istas et gentem istam pravam eicerit, concedam eis tributa donaria annis decem (LHF A, 2) 'Сказал император: «Если кто-нибудь сможет войти в эти болота и выгонит это отвратительное племя, я сниму с того подати за десять лет»; *Pli cum grande furore hoc indignantes, voluerunt occidere eum et eicere de regno* (LHF A, 6) 'Они, возмущенные, в бешенстве хотели убить его и сбросить с трона'; *Rex respondens, dixit eis: Merito auro debet accipere, qui dominum suum ad mortem tradit* (LHF, A, 18) 'Король, отвечая, сказал им: «По заслугам должен был получить это золото тот, кто предал господина своего смерти»; *Ibi ergo mansimus in ea nocte et indo matutius die dominica... coepimus ascendere montes singulos* (Peregr. III) 'Там мы остановились на эту ночь и утром в воскресенье... начали подниматься на отдельные горы'.

Трудно проследить закономерности и установить причины, заставляющие иногда второстепенные члены предложения вклиниваться в конструкцию с теми же модальными и полуспомогательными глаголами:

Dicit egro nobis ipse presbyter: Si *vultis videre* aquam, quae fluit de petra, id est quam dedit Moyses filius Israhel sitientibus, *potestis videre*; si tamen *volueritis laborem vos imponere*, ut de via camsemus forsitan miliario sexto (Peregr. LII) 'Сказал нам сам священник: «Если хотите видеть воду, которая течет из камня, т. е. ту, которую Моисей дал жаждущим сынам Израиля, можете видеть; если бы, однако, вы захотели взять на себя труд отойти от дороги примерно на шесть миль»'.

Автор описания дважды ставит модальные глаголы непосредственно перед инфинитивами: *vultis videre* и *potestis videre*. В третьем случае между *volueritis* и *imponere* включены другие члены предложения.

Нет никакой особой психологической необходимости в выделении этих слов; тем не менее они разбивают конструкцию и как бы нарушают устанавливающийся грамматический порядок ее компонентов. Может быть, все дело именно в том, что порядок этот является не столько латинским, сколько романским, зарождающимся пока еще только в устной речи. Общепринятым он станет лишь впоследствии, как о том свидетельствуют романские языки.

Между модальным или полуспомогательным глаголом и инфинитивом могут помещаться: прямое дополнение, дополнение адресата, различного рода обстоятельства, иногда подлежащее (в условиях инверсии).

1) Прямое дополнение:

Item *dignatus est nos ducere* ad puteum illum, unde portabat aquam sancta Rebecca (Peregr. LXV) 'Удостоил проводить нас к тому колодцу, откуда носила воду святая Ревекка'; *Audiens hec imperator, in furore et ira nimis succensus, praecepit hostem commovere Romanorum et aliarum gentium...* (LHF A, 4) 'Сlyша это, император, зажегшийся гневом и негодованием, приказал двинуться войску римлян и других народов...'; *Transacta itaque missarum sollempnia, Chrotchildis iuxta consuetudinem solitam coepit elymosinam dare in pauperibus.* (LHF A, 11) 'После того как закончилось торжественное богослужение, Хротхильда по обыкновению стала раздавать милостыню бедным'; *Ille quoque gaudio magno repletus, iussit baptismi lavacrum parare* (LHF A, 15) 'Он, преисполненный огромной радостью, приказал готовить купель'.

Сочетание с глаголом *iubeo* является в эту пору менее монолитным, ибо между ним и инфинитивом, пожалуй, чаще всего стоят другие члены предложения, и не только второстепенные, а иногда и подлежащее (глагол *iubeo* сохраняет еще и традиционную конструкцию *accusativus cum infinitivo*):

Tunc contristatus valde Gundobadus rex *iussit puellam de hac causa inquirere* (LHF A, 12) 'Тогда сильно опечаленный король Гундобад приказал допросить девушку об этом деле'.

2) Подлежащее:

Tunc *iussit rex imminentem iam plaga cessare* (LHF A, 15)

'Тогда король приказал прекратить неминуемое избиение'.

Инверсия подлежащего здесь обусловлена, очевидно, начальным положением *tunc*. Хотя такая инверсия не осуществилась в предыдущем предложении из того же памятника, начинающемся с того же *tunc*.

3) Дополнение адресата:

Si non *vis ei dare sponsam suam*... (LHF A, 12) 'Если не хочешь отдать ему его супругу...'; In ingressu sancti Martini *dignatus esto mihi revelare, ut sciam, si propitius mihi sis, famulo tuo* (LHF A, 17) 'Удостой, по заступничеству святого Мартина, открыть мне, чтобы я знал, благосклонен ли ты ко мне, рабу твоему'.

4) Обстоятельство и дополнения разных типов:

Item post aliquantum tempus *volui etiam ad regionem Ausitudem accedere* propter visendam memoriam sancti Job gratia orationis (Peregr. LV) 'Спустя некоторое время захотела я отправиться в область Аузитида, чтобы посетить могилу святого Иова для молитвы'; Unde et tu, filia, suscipe in te lumen fidei, ut purificata ab omni peccato, possis de meo introitu perpetua alacritate gaudere (Conv. Afrae, 1) 'Потому и ты, дочь моя, восприми свет веры, чтобы, очищенная от всех грехов, могла, по моему ходатайству, наслаждаться вечным блаженством'.

Конечное положение глагол в личной форме занимает в тех случаях, когда конструкция с инфинитивным дополнением находится в придаточном предложении. Придаточному предложению вообще свойственно иметь личную форму глагола на конце, как того некогда требовала классическая норма:

Et hic cum *egrotare coepisset*, dixit rex... (LHF A, 14)
'И когда он заболел, сказал король...'; Cni dixit Chlo-

doveus: Quur humiliasti gentem nostram, ut te *vincere* *permitteres?* (LHF A, 18) 'Которому сказал Хлодвиг: «Как это ты унизил род наш тем, что позволил себя победить?»; . . . ut quod tibi per meum consilium demandaverit *implere studeas*, донес causa tuam Dominus prosperam facere sua pietate *dignetur* (LHF A, 16) ' . . . чтобы то, чего он требует от тебя по моему совету, ты постарался выполнить, пока Господь не удостоит своей милостью позаботиться о твоем благополучии'.

Расчленение конструкции какими-либо второстепенными членами предложения в придаточном предложении встречается крайне редко. Разумеется, отрицание *non* нельзя считать расчленяющим конструкцию, ибо оно не имеет самостоятельного значения. Примеры:

Chlodovechus enim missos suos ad Alaricum dirigens, ut redderet Siagrium; si autem *reddere non vellet*, pararetur ad proelium (LHF A, 9) 'Хлодвиг послал своих послов к Аларику, чтобы тот отдал Сиагрия; если же отдать не хочет, пусть готовится к сражению'; Videntes enim Franci, quod tantum exercitum *sustinere non possint*, interfici ac cesi, fugierunt (LHF A, 4) 'Франки, видя, что они не могут выдержать напора такого большого войска, побитые и порубленные, обратились в бегство'.

В косвенном вопросе, который, в сущности, представляет собой разновидность придаточного предложения, обычен такой же порядок следования модального глагола и инфинитива:

Tunc dederunt inter se signum, qualiter certa indicia cognoscere deberet, si ad pacem quando quidem reverti poteretur. . . (LHF A, 6) 'Тогда они обменялись знаками, как по определенным признакам должно было узнать, если бы можно было вернуться с миром' . . . ; Illi vero in timore ac seditione versi, iterum consilium a Viomado expetierunt, qualiter facere deberent (LHF A, 6) 'Они же, охваченные страхом и возмущением, вторично просили совета у Виомада о том, что они должны делать'.

Разумеется, как и в других случаях, от этого преобладающего порядка бывают отступления. Однако установить обусловленность этих отступлений не всегда удается. Можно лишь отметить общую тенденцию передвигать глагол к началу предложения. Постановка его в конце предложения, более свойственная придаточному предложению, нежели главному, — черта более старая, более свойственная книжной речи.

Особый интерес представляет место глагола в придаточном предложении. При рассмотрении придаточных предложений мы

сразу же сталкиваемся с двумя обстоятельствами. Прежде всего, не все придаточные предложения одинаковы в отношении места, которое отводится в них для глагола в личной форме. Затем совершенно очевидно, что именно в придаточных предложениях (особенно в некоторых их типах) более всего сохраняется классический латинский узус — ставить личную форму глагола на последнее место.

Эту особенность придаточного предложения, унаследованную поздним латинским языком из латыни классического периода, исследователи неоднократно пытались объяснить еще на материале литературного языка. Как правило, эти попытки сводились к двум объяснениям. Во-первых, можно искать разрешение вопроса в индоевропейском состоянии, которое предшествовало латинскому языку и для которого всегда утверждалась узуальность конечного положения личной глагольной формы. Во-вторых, если исходить из неударного, неподчеркнутого, нейтрального характера глагола, стоящего на конце предложения, то всякое перемещение его в другое положение (начальное или срединное) будет свидетельствовать об ударности глагола, о психологической или стилистической важности его в данном предложении. А так как глагол придаточного предложения, как правило, не столько служит продвижению повествования и сообщению факта, входящего в его основную цепь, сколько обозначает некие дополнительные, побочные обстоятельства, то ему и не пристало занимать начальное или срединное положение. Скромное конечное положение, положение «в тени» для него подходит больше, чем любое иное.²⁵

Все эти и подобные рассуждения кажутся достаточно резонными, тем более, что найти какие-либо иные причины для объяснения того или иного положения глагола в латинской фразе пока не удается.

При рассмотрении места личного глагола в придаточных предложениях различных типов остановимся на следующих вопросах:

- 1) Место простого глагола-сказуемого;
- 2) Место глагола-связки;
- 3) Место личной формы модального, полувспомогательного или полнозначного глагола, сопровождаемого инфинитивом.

Относительные придаточные предложения

В подавляющем большинстве случаев личная форма глагола в относительных придаточных предложениях занимает конечное положение. Это можно видеть как у наиболее грамотного Григория Турского, так и у таких авторов, как продолжатели Хроники Фредегария Схоластика, в так называемой Хронике Дарета,

²⁵ См.: J. Magouzeau, ук. соч., стр. 49.

написанной в середине VIII в., — Historia de origine Francorum, трактующей о Троянской войне:

Repperi tamen hic Diana simulacrum, quod populus hic incredulus quasi deum adorabat (GTHF, VIII, 15) 'Я нашел здесь изображение Дианы, которому этот неверующий народ поклонялся как божеству'; . . . iobet Arneberto duci, qui Godini germanam uxorem habebat, eum cum exercito interficeret (Fr. Chr. IV, 54) ' . . . приказывает полководцу Арнеберту, который имел женой сестру Година, чтобы он уничтожил того вместе с войском'; . . . narravetque avo suo iniuriam suarum labores atque pericula, quod ei in itinere contigerant. . . (Daret. Hist. 195) ' . . . он рассказал своему деду о нападениях и опасностях, которые встретились ему в пути'; Reddite nobis consanguineam nostram Haesionam, quam indigne ducentes captivastis, et nos reddimus Helenam (Daret. Hist. 196) 'Верните нам нашу родственницу Гезиону, которую вы недостойным образом пленили, и мы отдадим вам Елену'.

В начальном положении личную форму глагола относительных предложений можно видеть значительно реже:

Ecce! Fratres mei viri egregii, qui pugnauerunt pro vobis et uxores vestras et thesauris vestris, mortui corrueunt (Daret. Hist. 198) 'Вот! Братья мои, великие мужи, те, кто сражался за вас, ваших жен и за ваши сокровища, пали мертвыми'.

Начальное положение в придаточном относительном, входящем в прямую речь, быть может, вызвано именно этим обстоятельством. Хотя глагол стоит в придаточном предложении, но он сообщает нечто не менее важное, чем то, что содержится в главном. Убитые погибли именно потому, что сражались за своих соплеменников.

Видимо, в отношении выбора места глагола в определенных типах предложений не последнюю роль играют, в ряде случаев, вкус и навыки автора. Так, для Peregrinatio исследовавший язык этого памятника Р. Гайда²⁶ устанавливает преобладание начального положения. Автор произвел следующие подсчеты. В начальном положении в придаточных относительных Этерия ставит личную форму глагола 307 раз, в срединное — 104 раза, в конечное — 153 раза. Не сомневаясь в правильности наблюдений, сделанных автором, однако, можно было бы противопоставить им подсчеты, сделанные по другим памятникам, показавшим иное соотношение начального и конечного положения личной формы глагола в придаточных относительных. Так, у Дарета из 25 таких предложений в 20 личная форма стоит в конце.

²⁶ Ук. соч., стр. 34.

Как правило, личная форма вспомогательного глагола, сочетающаяся с причастием, также помещается на последнем месте в относительном предложении:

Nam et illa alia pars, quae de Frigia progressa est... (Fr. Chr. II, 5) 'Ибо и та другая часть, которая вышла из Фригии...'; Alexander quoque — non ille magnus Machedo, qui postea ortus fuit, sed hic filius Priamo... (Daret. Hist. 198) 'Александр же — не тот великий Македонский, который родился позже, а этот, сын Приама...'; Eodem itaque tempore apud Grecorum regna, que instar mare magnum girata vel sita sunt, regnum primus et maximus Pelias celeber habebatur (Daret. Hist. 195) 'В это же время среди греческих царств, которые окружены морем или как бы расположены в море, первым и самым большим царством владел Пелей'.

Впрочем, такая постановка личной формы глагола, хотя численно и преобладающая, начинает наталкиваться на укрепляющуюся внутреннюю спаянность членов описательной конструкции, превращающейся в форму, в которой вспомогательный глагол предшествует причастию:

Chilpericus vero post patris sui mortem thesauros, qui in villa Brinnaco erant congregati, accepit (LHF A, 29) 'Хильперик же после смерти своего отца получил сокровища, которые были собраны в городе Бриннак'; Sygibertus vero, obtentis civitatibus illis, quae citra Parisius sunt positae, usque Rhomaginsem urbem accessit... (GTHF, 186, 3) 'Сигиберт же, захватив города, которые расположены по эту сторону от Парижа, доехал до города Руана'.

В сочетаниях модальных и полувспомогательных глаголов или просто полнозначных глаголов, сочетающихся с инфинитивами, опять-таки конечное положение обычно занимает личная форма. Эти сочетания являются, видимо, менее сплоченными, чем описательные формы пассива или даже номинальные предикаты, и личная форма глагола с еще большей легкостью располагается позади инфинитива, чем позади причастия:

Cum venisset autem rex ad fluvium Vincenna cum exercitu suo, in quo loco eum vadare deberet, non inveniebat... (LHF A, 17) 'Когда король подошел к реке Винченце со своим войском, он не нашел, где ему надо было перейти ее вброд...'; Quicunque enim de semini meo inde illam (pellam inauratam, — E. P.) mihi quolibet ingenio vel qualibet arte deferre potuerit, ipse post me regnum meum obtinebit (Daret. Hist. 194—195) 'Кто бы от моего семени ни смог

достать мне каким-нибудь образом золотое руно, он получит после меня мое королевство'; . . . cui satis sit de thesauro, quos ei pater reliquid, et quae iam de huius miserimi rebus, quae Avennione inventae sunt, transmittere curavi (GTHF, VIII, 3) ' . . . коему достаточно сокровищ, которые оставил ему отец и которые я позаботился передать из имущества этого несчастного, которое найдено в Авиньоне'.

Дополнительные придаточные предложения

Эти предложения в еще большей мере, чем относительные, обнаруживают стремление к постановке личной формы глагола на конце. Это свойственно в одинаковой мере как простым глаголам, так и вспомогательным или модальным (а также полуспомогательным или полнозначным), сочетающимся с причастием и инфинитивом:

Chramnulfus unus ex procerebus et Valdebertus domesticus dicentes ad Godino, ut Aurilianis in ecclesia sancti Ahiani et Thoronos ad limina sancti Martini ipsoque sacramento adhuc impleturus adiret (Fr. Chr. VI, 54) 'Храмнульф, один из старейших, и придворный Вальдеберт говорили Годину, чтобы он отправился для выполнения клятвы в Орлеан, в церковь святого Аниана, и в Тур, в обитель святого Мартина'; . . . deditque consilium principibus suis, ut Iason primus cum suis sodalibus ad bellum procederet, donec occumberet, illi vero navale evectione recederent (Daret. Hist. 195) ' . . . я посоветовал своим военачальникам, чтобы Язон первый со своими соратниками выступил на войну и воевал, пока не погибнет, а те чтобы вернулись морским путем'; . . . rogantes, ut Helenam reginam redderent (Daret. Hist. 196) ' . . . прося, чтобы вернули царицу Елену'.

Такое же место занимает и вспомогательный *esse*, и модальные глаголы в личной форме:

... narravitque avo suo . . . quanta columnia sua apud eorum exercitum in itinere perpessi sunt (Daret. Hist. 195) ' . . . и рассказал своему деду, сколько козней прстерпели они в пути от их войска'; Tunc missa legatione ad Gundobadum, ut ei per singulos annos tributa inposita reddere debeat, iubet (LHF A, 16) 'Тогда, послав к Гундобаду посольство, приказал, чтобы он каждый год выплачивал наложенные подати'; Nulli enim latet, quod Childebertus rex alium patrem nisi patrum non habet, neque ille alium illum nisi hunc habere disponit. . . (GTHF, VIII, 13) 'Ни от

кого не скрыто, что король Хильдеберт не имеет другого отца, кроме дяди, и не предполагает иметь другого сына, кроме этого'.

Для Peregrinatio Р. Гайда²⁷ дает следующие соотношения конечного, срединного и начального положения личной формы глагола в дополнительных предложениях: 13 : 7 : 2. Это приблизительно соответствует тому, что показывают другие памятники. Непосредственно после союза в дополнительных предложениях личная форма стоит очень редко. Так, в хронике Дарета близкое к подобному положение имеет место один только раз, да и то между союзом и личной формой находится еще абсолютный ablative:

Тинс dedit, Agamemnon rex consilio sapientior ceteris, ut, receptis hospitibus, revertentur ad terram suam (Daret. Hist. 197) 'Тогда царь Агамемнон, более мудрый, чем другие, дал совет, чтобы, приняв гостеприимство, они вернулись в свою землю'.

Чаще, чем в начале предложения, глагол помещается где-то в середине. При этом не удается установить, какой именно член предложения отодвигает личную форму глагола с последнего места в середину. Практически он может быть любым. Приведем примеры с прямым дополнением, косвенным дополнением и именной частью сказуемого, занимающими последнее место в дополнительном предложении:

Iason vero deprecabatur regem Troianorum, ut iter praebiceret eis... (Daret. Hist. 195) 'Язон же молил царя троянцев, чтобы он предоставил им проход...'; Scire enim te oportuerat, dilectissime pater, quod parens eras nobis ex matre nostra, et super gentem tuam non debueras inducere pestem extraneam (GTHF, VIII, 2) 'Тебе надо было бы знать, возлюбленнейший отец, что ты наш родитель по матери нашей, и не пристало тебе призывать нашестье чужеземцев на род твой'; Godinus iusso Chlothariae... sacramenta datus abducitur, ut semper Chlothariae deberit esse fidelis (Fr. Chr. IV, 54) 'По приказанию Хлотария Годин был уведен, чтобы дать клятву в постоянной верности Хлотарию'.

Обстоятельственные придаточные предложения

Из придаточных предложений обстоятельственного значения наиболее многочисленны временные предложения.

Для Peregrinatio Р. Гайда²⁸ установлено примерно равное соотношение (70 : 65) случаев начального и конечного положения

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

личной формы глагола в предложениях этого типа. Другие памятники дают несколько иную картину. В основном это памятники хроникального характера.

Конечное положение личной формы глагола весьмаично:

Alioquin en moriar, donec mortem parentem meorum *ulciscar*, qui interficti sunt (Daret. Hist. 197) 'Умру не иначе, как отомстив за смерть родителей моих, которые убиты'; Dagobertus, cum iam anno septimo regnans maxemam partem patris regnum, ut super meniui, *adsumpsit*, Burgundias ingreditur (Fr. Chr. IV, 58) 'Дагоберт, когда, царствуя семь лет уже получил большую часть отцовского царства, вторгся в Бургундию'; Sed nullo modo animum eius ad credendum commovere poterat, donec tandem aliquando bellum contra Alamanno Suevosque moveretur (LHF A, 14) 'Но никак не мог обратить душу его к вере, пока, наконец, не начал войну против аламанов и свевов'.

Если глагольная форма состоит из причастия с *esse*, она тоже в большинстве случаев стоит в конце предложения, но последним оказывается то тот, то другой из членов конструкции:

Qui cum ei presentatus fuisset, iussit eum occidere... (LHF A, 9) 'Когда тот был ему представлен, он приказал его убить...'; *Cumque ab ipso pontifice fuisset baptizatus, augusta Maurici imperatores ea de sancto suscepit lavacrum* (Fr. Chr. IV, 9) 'Когда она была крещена самим епископом, сама жена короля Мауриция приняла ее из святой купели'.

Однако в этих, как и в других подобных случаях, невозможно говорить о каком-либо твердом узусе. Многое зависит от индивидуальных особенностей памятника, от степени влияния, оказываемого на автора живой речью, которой, видимо, конечное положение личной формы глагола уже не было свойственно.

В отдельных памятниках появляется почти уже совсем романский порядок слов:

Cumque pervenisset in portum qui dicitur Bordoelem civitatem, praedicans evangelium regni Dei beatitudinem credentibus, non credentibus autem supplicium denuncians, convertebatque omnes ad fidem Christi... (V. Lucii, 3, VIII в.) 'Когда он пришел в порт, который назывался город Бордо, проповедуя Евангелие царствия божия, верующим возвещая блаженство, не верующим же — наказание, он обратил всех в веру Христову' (по-французски это звучало бы так: *Quand il fut venu dans le port qu'on nommait Bordeaux, en prêchant l'Evangile du royaume de Dieu, annonçant à ceux qui croyaient une béatitude céleste, aux incroyants — des supplices, il convertit tout le monde à la foi chrétienne*).

Для сочетаний модальных глаголов с инфинитивом во времененных придаточных также характерно конечное положение личной формы:

Cum autem Childebertus rex *egrotare coepisset*, diutissime apud Parisius febribus decumbans, mortuus est (LHF A, 28) 'Когда король Хильдеберт начал хворать, долго пролежав больным в Париже, он умер'; . . . sed, dum uxorem et filios *liberare voluit*, ab exercitu patris oppressus, captus atque legatus est (LHF A, 28) ' . . . но, пока он собирался освободить жену и сыновей, подавленный войском отца, он был захвачен в плен и связан'.

В обстоятельственных предложениях места еще тщательнее соблюдается постановка личной формы на конце. Впрочем, этот тип предложений в поздних памятниках странным образом мало употребителен. Так, в *Peregrinatio* нет ни одного такого предложения. В Истории Дарета их три; во всех личная форма — на конце:

. . . et venerunt ad Simoentam portum, *ubi* Simoes fluvius Troianorum mare magnum *ingreditur* (Daret. Hist. 195) ' . . . и пришли к порту Симоента, где троянская река Симоент впадает в Средиземное море'; . . . per Mediterraneum mare ad Citeriam insulam regis Memnon palatum peraccessit, *ubi* Helena regina sua dea Minerva diem festum *exhibebat* (Daret. Hist. 196) 'На острове Китера он подошел к дворцу царя Мемнона, где царица Елена праздновала день богини Минервы'; . . . praesidium Albanorum, *ubi* nunc magna Roma urbis *est*, posuit (Daret. Hist. 199) ' . . . расположил гарнизон альбанцев там, где теперь находится великий Рим'.

Соотношение конечного, начального и срединного положения личной формы глагола в придаточных предложениях цели, причины и следствия на один и тот же объем одинакового текста хроникального характера показывает, что и здесь, в общем, преобладает конечное положение личной формы глагола. Мы не приводим примеров этих типов придаточных предложений, не очень характерных для языка меровингских памятников. С одной стороны, они не дали бы принципиально иной картины по сравнению с тем, что можно видеть для более распространенных, а следовательно, и показательных дополнительных и относительных предложений. С другой стороны, в исследуемых памятниках, естественно, преобладают такие обстоятельственные предложения, которые выражают наиболее конкретные отношения — места и времени. Рассмотрением их мы и ограничиваемся.

Место придаточного предложения по отношению к главному, по-видимому, не оказывало сколько-нибудь заметного влияния на расположение его сказуемого.

Установить другие частные закономерности, причины столь явного перемещения личной формы к началу предложения пока не удалось. Тотальное обследование памятника VIII в. *Historia Daretis Frigii de Origine Francorum*, являющегося одной из хроник, продолжающих хронику Фредегария Схоластика, показало следующее. В памятнике 207 строк in-8. Во всем тексте 52 придаточных предложения. Из них в 35 глагол в личной форме стоит в конце. В начале, непосредственно после подчиняющего слова, личная форма глагола стоит всего 12 раз, а в середине придаточного предложения — 2 раза. Три предложения состоят только из подчиняющего слова и личной формы глагола.

По типам придаточные предложения распределяются следующим образом.

1) Относительных придаточных — 25. Из них 12 имеют простой глагол в личной форме, стоящий в конце предложения; 6 предложений содержат вспомогательный глагол *esse*, личные формы которого во всех случаях находятся на конце; 2 предложения имеют сложное сказуемое, один раз с модальным глаголом (*posse*), другой — с полуспомогательным (*videre*), которые сопровождаются инфинитивами; в обоих случаях личная форма глагола занимает конечное положение. Начальное положение непосредственно за относительным местоимением глагол в личной форме занимает в трех случаях: два раза это простое сказуемое, один раз — составное с модальным глаголом *nolo*. В последнем случае модальный глагол следует за союзом *et*:

... eam rapuit ob vindictam amite sue Haesione, quam Greci captivatam tenebant et nolebant reverti (196) '... похитил ее ради отмщения за тетку свою Гезиону, которую греки держали в плену и не хотели возвращать'.

Инфинитив стоит на конце после личной формы, что говорит уже о новом, романском порядке этого сочетания.

Один раз вспомогательный глагол в личной форме занимает в предложении срединное положение:

Hecuba ergo narravit haec omnia, quae gesta fuerant cum Achille pro dispositionem filiae suaee. . . (197) 'Текуба же рассказала все то, что было сделано для обручения ее дочери с Ахиллом. . . '.

В одном примере все придаточное предложение состоит из относительного *qui* и личной формы глагола.

2) Дополнительных придаточных — 9. Из них 4 имеют простой глагол в личной форме, стоящий на конце. В двух случаях вспомогательный глагол, сопровождающий причастие,

занимает конечное положение. Три предложения имеют простое сказуемое, стоящее сразу после подчиняющего союза. В одном глагол в личной форме помещается в середине придаточного предложения:

Iason vero deprecabatur regem Troianorum, ut iter praebaret eis... (195) 'Язон же умолял царя троянцев, чтобы он предоставил им проход...'.

3) Из пяти придаточных предложений цели, всех с простым сказуемым, 3 имеют личную форму глагола в конце, 2 — в начале предложения, непосредственно после союза *ut*.

4) Из шести придаточных предложений места и времени 4 имеют простое сказуемое на последнем месте, а 2 состоят только из временного союза и личной формы глагола.

5) Предложений причины и следствия — 14. В двух личная форма глагола стоит на последнем месте (одна из них — вспомогательный глагол при причастии), в двух — на первом после союза.

6) В двух условных предложениях личная форма глагола находится в начале. Одна из них — простое сказуемое, другая — модальный глагол (*posse*), сопровождаемый инфинитивом.

Таким образом, для этого памятника, который по своему типу очень близок большинству хроник его эпохи, преобладающим является конечное положение личной формы глагола в придаточных предложениях.

Что касается простых и главных предложений, то в этом же памятнике личные формы глагола располагаются в них следующим образом.

Всего личных форм в простых, главных или сочиненных предложениях 249. Из них на последнем месте личная форма стоит в 72 случаях. В этом числе 8 форм вспомогательного глагола *esse* с причастием, 1 — полувспомогательного с инфинитивом и 2 — модальных глаголов с инфинитивом.

Начинается предложение личной формой в 76 случаях. Из них 6 — формы императива, 24 предложения сочиненные, где личная форма следует непосредственно за сочинительным союзом *et*, в том числе 4 предложения состоят только из этих двух слов.

В 91 примере личная форма глагола занимает некое среднее положение. В этом числе 8 форм вспомогательного *esse*, 3 полу-вспомогательных глаголов и 2 модальных.

Таким образом, начальное и срединное положение, вместе взятые, по частоте далеко превосходят конечное, которое уже отнюдь не является преобладающим.

Результаты тотального обследования хроникального текста *Liber Historiae Francorum* могут быть сведены в таблицу, наглядно демонстрирующую распределение по месту 1717 личных форм глагола, имеющихся в этом памятнике.

	Начальное положение	Среднее положение	Конечное положение	Всего
Простые предложения	88	251	423 (56%)	762
Главные предложения	41	66	95 (47%)	202
Сочиненные предложения	73	43	100 (46%)	216
Придаточ-ные пред-ложения	относительные	14	26	88 (69%)
	дополнительные	3	14	61 (78%)
	обстоятельственные	28	41	131 (65.5%)
	условные	5	6	23 (68%)
Всего	50 (11.5%)	87 (20%)	303 (69%)	440
Повелительные и вопросительные предложения	56 (58%)	27	14	97

Настоящая таблица нуждается в комментариях. Прежде всего бросается в глаза, что конечное положение личной формы глагола-сказуемого в гораздо большей степени свойственно придаточным предложениям, нежели простым, главным и сочиненным. Около половины простых, главных и сочиненных предложений памятника имеет личную форму глагола на последнем месте; из придаточных предложений это же положение личной формы глагола свойственно почти 70%. По всей вероятности, это можно объяснить большей близостью простых, главных и сочиненных предложений к разговорному стилю речи и придаточных предложений — если не к литературному, то, во всяком случае, к письменному языку.

Продвижение личной формы к середине предложения очень наглядно в главных, простых и сочиненных предложениях. В предложениях, сообщающих новые, продвигающие действие, факты или ситуацию, при которой они совершаются, личная форма часто стоит на первом месте. (В данном памятнике в простых предложениях в 12%, а в главных в 20% случаев). Небезынтересно в этой связи, что в романских языках первое место еще в древнейшие времена считается песьущим ударение логическое или аффективное:²⁹

*Erantque manus regis valde graves; erat enim rex luri-
catus (A, 41) 'Были руки короля очень тяжелы; ибо был*

²⁹ Cp.: József H e r m a n. Recherches sur l'ordre des mots dans les plus anciens textes français en prose. Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1954, t. IV, fasc. 1—2, Budapest.

король одет в панцирь'; *Habebat igitur predictus rex ex regina sua Nanthilde de genere Saxonarum filios duo...* (A, 42) 'Имел вышеуказанный король от королевы своей Нантильды из племени саксов двух сыновей...'; *Fueruntque inter ipso Ghiselmaro et Pippino bella civilia et multae discordiae* (A, 47) 'Были между Гизельмаром и Пиппином гражданские распри и многие несогласия'; *Obiit autem Theudericus rex; regnavit annis 19* (A, 49) 'Умер король Теодерик; царствовал он 19 лет'; *Dedit ei predia multa et villas* (A, 31) 'Дал ей много добычи и городов'; *Dixitque Bertoaldus: Recede a me...* (A, 41) 'Сказал Бертоальд: «Отойди от меня...»'; *Respxit retro hostium camerae: non invenit sacculum suum...* (A, 11) 'Посмотрел за дверью комнаты: не нашел своего мешка...'; *Peperit quoque alium filium his diebus Fredegundis, quem Chlotharium vocaverunt* (A, 35) 'Родила в эти дни Фредегунда другого сына, которого назвали Хлотарий'.

Как видно из примеров, часто новое предложение начинается с глагола, при котором стоит *-que*. Это делает предложения чем-то средним между сочиненными и простыми. Разумеется, считать эти предложения просто сочиненными не было бы правомерно, несмотря на *-que*. Мнение издателей, рассматривающих их как отдельные предложения, не случайно. Например:

Inlucidente inicium diei, inruamus super eos, et forsan eos devincimus. Placuitque hoc consilium (A, 36) 'Когда рассветет день, бросимся на них и, быть может, мы победим'. И этот совет понравился'.

Placiutque hoc consilium нельзя рассматривать просто как сочиненное предложение, ибо, входя в авторскую речь, оно следует непосредственно за прямой речью персонажа.

Второе из сочиненных посредством союза *et* или *-que* предложений, как правило, начинается с личной формы глагола, которая, таким образом, находится где-то около середины всего сложно-сочиненного предложения:

Fredegundis itaque vocavit ad se Landericum et enarravit haec omnia... (A, 35) 'Фредегунда призвала к себе Ландерика и рассказала все это...'; *Consurgensque rex super eum et interficit ipso Bertoaldo sustullitque caput eius in conto...* (A, 41) 'Набросился на него король и убил самого Бертоальда и насадил голову его на копье...'.

Естественно, глаголу в форме императива отводится первое место в предложении, как наиболее рельефно выделяющее действие:

Et rex ait: Postola quod vis, et ego concedam. (A, 12)
'И говорит король: «Требуй, чего хочешь, и я исполню»;

Revertete cito et recede a me; sin autem, ego interficiam te. (A, 13) 'Повернись быстро и отойди от меня; иначе я убью тебя'. *Audi ancillam tuam...* (A, 17) 'Выслушай служанку твою...'.

Срединное положение личной формы часто создается тем, что предложение начинается с причастного оборота, после которого, как правило, идет сказуемое:

Et evaginato gladio voluit eam occidere. (A, 39) 'И, обнажив меч, хотел убить ее'. *Succedente vero tempore mortuus est Chlotharius rex senex regnavetque annis 44...* (A, 42) 'Когда подошло время, умер Хлотарий, старый король, и процарствовал он 44 года...'; *Audiensque eorum consilio Gundobadus dedit regi tapis Auriliano ad partem Chlodoveo partem maximam thesauri sui, aurum, argentum et ornamenta multa...* (A, 13) 'Выслушав их совет, Гундобад прибавил через Аврелиана к части Хлодвига большую часть своих сокровищ, золото, серебро и многочисленные украшения...'.

В главных, простых и сочиненных предложениях срединное положение личной формы наблюдается в 30.5% случаев употребления всех личных форм.

В придаточных предложениях тенденция к постановке личной формы сказуемого в конце гораздо сильнее, чем в простых и главных.

Обстоятельственные предложения легче других допускают начальное положение личной формы, особенно временные с союзом *sunt*, после которого относительно часто непосредственно следует сказуемое. В дополнительных придаточных предложениях сказуемое стоит на последнем месте, за очень редкими исключениями. Общий подсчет, показавший для обстоятельственных 65.5% конечного положения, для условных — 68%, для относительных — 69% и для дополнительных — 78%, свидетельствует, что придаточные предложения в гораздо большей степени сохраняют старый латинский узус. С одной стороны, это можно объяснить тем, что придаточные дольше сохраняют характер, свойственный книжной речи; с другой, — самой природой этих предложений, так как они содержат не столько новые сообщения, сколько дополнения и пояснения к тому, что содержится в главном, сказуемое их не нуждается в особом подчеркивании и может занимать неударенное положение, т. е. стоять на последнем месте.

Таким образом, придаточные предложения строятся по старому принципу латинского синтаксиса. В будущем у романских языков, с изменением ритма и всей структуры предложения, последнее место перестанет быть наименее ударенным. Но язык письменных памятников меровингской поры — это пока еще латинский язык,

хотя он и обнаруживает черты романские, попадающие в него из устной речи.

Этот же памятник обследован totally с точки зрения расположения компонентов сказуемого, состоящего из модальных, полувспомогательных и полнозначных глаголов, сопровождаемых инфинитивом. Язык этого памятника характерен для письменной речи невысокого стиля его времени, поэтому синтаксис его можно считать типичным. Результаты обследования показали следующее.

Всего памятник дал 159 примеров сочетания глаголов в личной форме с инфинитивом. Из них в девятнадцати инфинитив входит в конструкцию *accusativus cum infinitivo*.³⁰

В употреблении инфинитивных сочетаний в главном и придаточном предложениях имеется некоторое различие, касающееся, однако, не столько частоты их применения, сколько взаимного расположения составляющих конструкции компонентов.

Таблица употребления инфинитивного дополнения (сочетания личной формы модального, полувспомогательного или полнозначного глагола с инфинитивом в *Liber Historiae Francorum*, VII в.)

Простые и главные предложения		Придаточные предложения		
инф.+личн. ф.	личн.ф.+инф.	инф.+личн.ф.	личн. ф.+инф.	
Непосредственное примыкание	43	16	45	9
Дистантное расположение	5	22	2	2

К этому надо прибавить, что при таком расположении, когда личная форма следует за инфинитивом, она в большинстве случаев находится на последнем месте в предложении. Так, в главных и простых предложениях личная форма глагола, непосредственно примыкая к инфинитиву, стоит на конце предложения 38 раз, в середине предложения — 5 раз.

При дистантном расположении компонентов конструкции личная форма занимает последнее место в предложении в пяти случаях.

³⁰ Из девятнадцати примеров с конструкцией *accusativus cum infinitivo* 8 — с глаголами «побуждения» *iubeo, praecipio, mando* и *postolo*; 3 — с глаголом *dico*; 4 — с *scio, nescio, cognovi, ruto*; 1 — с *timeo*; 1 — с *ingo*; 1 — с *video* и 1 — с безличным оборотом *necesse est*. Уже из этого беглого обозрения можно видеть, насколько конструкция *accusativus cum infinitivo*, употребительнейшая в литературной речи классической поры, была чужда авторам меровингской эпохи.

При последовательности «личная форма + непосредственно примыкающий инфинитив» последнее место занято инфинитивом в пяти случаях; в одиннадцати случаях конструкция стоит в середине предложения. Входящие в нее инфинитивы переходных глаголов имеют непосредственно следующие за ними прямые дополнения:

...at ille nollebat audire eam (A, 14) '... но он не хотел ее слушать'; Ille audiens consilium eius, acris coepit oppremere eos (A, 7) 'Тот, слушая его совет, начал жестоко подавлять их'; ...pervenerunt intra terminos Pannonicarum iuxta Meotidas paludes et coeperunt aedificare civitatem... (A, 1) '...пришли в пределы Паннонии вблизи Меотидских болот и начали строить город...'; Illi... voluerunt occidere eum et eicere de regno (A, 6) 'Они... хотели убить его и выгнать из королевства'; Regina vero non cessabat predicare regem, ut Deum verum coleret et idola vana quae colebat derelinqueret (A, 14) 'Королева же не переставала убеждать короля, чтобы он признал истинного бога и оставил идолов, которым поклонялся'.

Прямое дополнение, являющееся не только грамматическим, но и смысловым дополнением глагола, стремится занять логически ему полагающееся место и сдвигает глагол с конца. Порядок «подлежащее + глагол + дополнение», который будет впоследствии характерным для французского языка, возникает и укрепляется еще в позднелатинских текстах и не имеет никакого отношения к утрате склонения. В отношении этих текстов, хотя аккузатив и ablativ частенько смешиваются, говорить об утрате падежной формы прямого дополнения еще рано.

В одном случае за инфинитивом *esse* следует предиктив:

...post haec Pippinus Theuderico rege coepit esse principale regimine maiorum domus (A, 48) '...после этого Пипин стал главным маJORдомом короля Теодерика'.

В другом случае за инфинитивом следуют определяющие его обстоятельства образа действия и места:

Illoque mortuo, alio exercitu rex de ipso campo iussit discedere in pace ad eorum prcipria (A, 10) 'После его смерти король приказал остальному войску уйти с поля и с ми-ром отправиться восвояси'.

При дистантном положении компонентов сочетания «личная форма + инфинитив» в пятнадцати случаях инфинитив стоит в конце, и между ним и личной формой помещаются дополнения и обстоятельства. Например:

Tunc contristatus valde Gundobadus rex, iussit puellam de hac causa inquirere (A, 12) 'Тогда сильно опечаленный

король Гундобад приказал допросить девушку об этом деле'; *Chramnus itaque, filius Chlotharii... coepitque regione illa valde iniquiter obpremere* (A, 28) 'Храмн, сын Хлотария, . . . начал очень несправедливо притеснять эту область'.

В семи случаях позади инфинитива, находящегося в дистантном положении по отношению личной формы модального или полу-вспомогательного глагола, стоит прямое дополнение или имеются еще какие-нибудь второстепенные члены предложения. Например:

Parce, domine rex, nos et terra nostra, . . . noli amplius delere populum (A, 38) 'Нощади, господин, нас и землю нашу, не разоряй больше народ'; *Chrotschildis iuxta consuetudinem solitam coepit elymosinam dare in pauperibus* (A, 11) 'Хротхильда, согласно обычая, начала раздавать милостыню нищим'.

По-видимому, передвижение сказуемого, даже состоящего из двух компонентов, к началу предложения идет параллельно сближением глагола с его обстоятельствами и дополнениями.

Если в простых и главных предложениях в *Liber Historiae Francorum* рассматриваемое сочетание употреблено 86 раз, то в придаточных предложениях этого же памятника оно встречается 57 раз.³¹ Здесь также значительно преобладает непосредственное примыкание инфинитива к личной форме (53 против 4). Что же касается относительного расположения компонентов, то здесь, как и в простых и главных предложениях, в большинстве случаев личная форма стоит за инфинитивом (47 против 10). Преобладающее положение личной формы в придаточных предложениях — на последнем месте. Так, из 57 случаев сочетания личная форма стоит на конце придаточного предложения 43 раза (из них 2 раза в дистантном положении); 5 раз последним словом предложения оказывается инфинитив, непосредственно следующий за личной формой, т. е. опять-таки сочетание в целом занимает конечное положение. В девяти предложениях сочетание находится в середине предложения, а за ним следуют дополнения. Например:

Et memento, queso, ut requirere debeas porcionem genitoris mei et genitricis meae, quos avunculus meus Gundobadus malo ordine interficit. . . (A, 12) 'И помни, прошу, что ты должен потребовать долю родителя моего и родительницы моей, которых предательски убил дядя мой Гундобад. . .'; . . . *tantus populus ibidem caecidit, ut ipse fluvius de corporibus mortuorum repletus, illa aqua currere*

³¹ Всего в этом памятнике 440 придаточных предложений, 1277 простых и главных.

non valeret pre sanguine coacolato (A, 37) '... столько полегло там народа, что, так как река наполнилась телами убитых, вода не могла бежать из-за спекшейся крови'; *Cumque adtingere conaretur ad ipsas naves, persequutusque est eum exercitus Childeberto* (A, 23) 'И когда он пытался добраться до кораблей, его настигло войско Хильдеберта'; ...*pergit ad Sighibertum et simulantes fingite, ut eum regem levare debeat super vos* (A, 32) '... идите к Сигиберту и сделайте вид, что вы должны избрать его королем над вами'.

Срединное положение возможно и при обратной последовательности компонентов, когда инфинитив сопровождается своими дополнениями и обстоятельствами:

...*ut victor valeas superare eum*... (A, 12) '...чтобы, победитель, ты смог одержать над ним верх...'; *Dixit autem imperator: Quicumque potuerit introire in paludes istas et gentem istam pravam eicerit, concedam eis tributa donaria annis decem* (A, 2) 'Сказал затем император: Если кто-нибудь сможет войти в эти болота и отгонит это негодное племя, я освобожу их от податей на десять лет'; ...*sed unum restat, quia populus, qui me sequitur, non vult relinquere deos suos*... (A, 15) '...но одно остается, что народ, который следует за мной, не хочет оставить своих богов...'.

Срединное положение сочетания возможно и при дистантном расположении его компонентов:

Si non vis ei dare sponsam suam... (A, 12) 'Если не хочешь дать ему невесту его...'; *Nonne testatus fui tibi, Auriliane, ut non venires amplius in regno meo explorare substantiam meam?* (A, 13) 'Разве не заклинал я тебя, Аврелиан, чтобы ты не приходил большие в мое царство, испытывать существо мое?'.

Дистантное расположение личной формы глагола и предшествующего ей инфинитива в придаточных предложениях — сравнительная редкость. В исследованном памятнике оно лишь дважды имеет место.

...*donec causam tuam Dominus prosperam facere sua pietate dignetur*... (A, 16) '...пока Господь не удостоит позаботиться о твоем благополучии...'; ...*ut nos cognoscere ipsorum vigiles custodes hostium non queant* (A, 36) '...так чтобы блестительные стражи самих врагов не могли нас узнать'.

При последовательности «личная форма + инфинитив» в придаточных предложениях (всего 10 случаев) в пяти случаях инфинитив занимает конечное положение:

... narravitque ei, qualiter per invocationem nominis Iesu Christi victoriam *meruit obtinere* (A, 15) '...рассказала ему, как, призывая имя Иисуса Христа, он смог бы одержать победу'; Ille haec audiens, vocavit amicum suum... petiit cum eo consilium, qualiter animos furentium Francorum *possit mitigare*. (A, 6) 'Он, слыша это, позвал своего друга, ... просил его совета, как он смог бы успокоить души неистовствующих франков'.

Место личной формы и инфинитива в главных (простых) и придаточных предложениях в *Liber Historiae Francorum* может быть представлено в виде таблиц.

Место личной формы
(последовательность: «инфинитив + личная форма»)

	Главные (простые) предложения		Придаточные предложения	
	конец	середина	конец	середина
Непосредственное примыкание	38	5	41	4
Дистантное расположение	5	—	2	—

Место инфинитива
(последовательность: «личная форма + инфинитив»)

	Главные (простые) предложения		Придаточные предложения	
	конец	середина	конец	середина
Непосредственное примыкание	5	11	5	3
Дистантное расположение	15	7	—	2

Характерно, что более обычна для рассматриваемого сочетания последовательность компонентов, при которой инфинитив предшествует личной форме глагола, стоящей в предложении на последнем месте. Это — сохранение старого латинского узуза,

отнюдь не редкое в письменных памятниках меровингской эпохи. Последовательность «личная форма + инфинитив» — новое, романское явление и поэтому, может быть, естественно, что она появляется, в основном, в главных (и простых) предложениях, более близких к живой речи и охотнее отражающих ее, чем придаточные предложения, которые в большей мере являются чертой письменного языка.

* * *

Порядок слов является одним из кардинальных вопросов синтаксиса. Развитие его в латинском языке классической поры содержалось литературной традицией. Трудно, разумеется, сказать, насколько он был «искусственным» в памятниках классической прозы и тем более поэзии и насколько письменная речь этого времени отличалась от устной. Впрочем по тем немногим образцам письменной речи, максимально приближающейся к устной, которыми мы располагаем (письма Цицерона, речь персонажей в Сатириконе Петronия, некоторые более поздние авторы), можно с достаточным основанием предполагать, что живая, устная, разговорная речь не придерживалась тех норм, которые существовали в отношении порядка слов письменных произведений. Кроме того, не следует упускать из виду, что порядок слов как языковое явление стоит на грани синтаксиса и стилистики. Относясь к синтаксису, он нормируется, относясь к стилистике, он зависит от аффективно-логической характеристики высказывания. Выделение того или иного члена предложения по желанию говорящего, ударение, которое может носить логический или аффективный характер, обусловливают «нарушение» нормы, или, вернее, обладают способностью окказионально перемещать границы этой нормы.

Э. Рихтер права, считая,³² что разница между латинским и романским порядком слов — это вопрос не хронологии, так как они сосуществуют в разные эпохи, а вопрос тех стилистических различий, которые имеются в самом латинском языке. В период классической литературы это — различие между литературным и письменным языком образованных римлян и простым разговорным языком народа, не ориентировавшегося сознательно на литературную норму. В пору распада Римской империи утрачиваются литературные традиции, исчезают римские школы, на территории Романии появляются германские племена. Разговорный латинский язык, превращающийся в романские языки, сохраняет особенности своего жанра, в том числе тот порядок слов, который был и раньше свойствен живому разговорному стилю, более непосредственно-выразительному, более спонтанному, не чуждому эмоций и вольностей. Чем иначе можно объяснить положение глагола не на традиционном последнем месте, а в середине в таком случае, как:

³² Ук. соч., стр. 2—3.

Quousque tandem *abutere* Catilina, patientia nostra?
(Cic. *Catil.* I, 1) 'Доколе, наконец, Катилина, будешь ты злоупотреблять терпением нашим?'

Разница между литературной нормированной и разговорной свободной речью существовала всегда. Отсюда древнейшая латинская надпись на Пренестинской фибуле:

Manios med *vhevhaked* Numasioi 'Маний сделал меня Нумазию'.

Отсюда срединное положение личной формы глагола у Плавта:

... *videtur tempus esse*, ut *eatrus ad forum* (Pl. *Mil.* Gl. I, 72) 'Кажется, время идти на форум'.

Порядку слов у Петрония очень часто свойственна эта народно-разговорная особенность:

O si *haberemus* illos leones, quos ego hic *inveni*. . .
(Sat. 108, 6) 'О если бы мы имели тех львов, что я здесь нашел. . . '.

Стоит только вспомнить первую фразу Записок о галльской войне Юлия Цезаря:

Gallia est omnis divisa in partes tres, quarum unam
incolunt Belgae, aliam Aquitani, tertiam qui ipsorum
lingua Celtae, nostra Galli *appellantur* (Caes. B G, I, 1).

Только в третьем предложении личная форма стоит в конце!

Очень важно замечание Э. Рихтер о том, что в прямой речи «романский» порядок чаще появляется под пером классических авторов, чем в авторской речи. Это, разумеется, трудно опровергнуть довод в пользу того, что зародился этот порядок в живом языке. В живом языке он жил и в классический период, лишь эпизодически проникая в письменную речь, и таким же живым он был в период раннего средневековья, хотя в эту пору проникать в письменную речь литературно не очень образованных авторов ему стало гораздо легче. Не случайно многие исследователи обращались к изучению латинского порядка слов и его изменений в пору раннего средневековья.

Разумеется, закономерности изменения места, занимаемого глаголом, представляют собой лишь одну, небольшую часть проблемы порядка слов и его превращений за период, отделяющий латынь от столь отличных от нее, но тем не менее из нее вышедших романских языков.

Для того чтобы представить себе это столь разительное превращение, необходимо бросить взгляд на состояние языка в период, когда романские языки еще не создали своей письменности,

но, возможно, уже существовали в качестве живых языков народов, традиционно пользовавшихся еще латинской письменностью. Из текстов, в частности меровингских памятников, видно, что порядок слов этой письменности уже заметно отходит от классического, что он несомненно поколебался вследствие: 1) разрушения старой нормы в результате того, что письменная речь не отвечает живой речи; 2) влияния этой живой речи, в которой уже больше романского, чем латинского.

О «ВУЛЬГАРНОЙ ЛАТЫНИ» И ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
РОМАНСКОЙ РЕЧИ

Термин «вульгарная латынь» весьма распространен в романистике. Советские романисты часто вместо «вульгарной латынь» говорят «народная латынь». Нередко, имея в виду латинский язык определенного хронологического отрезка, предшествовавшего появлению первых романских памятников, говорят о «поздней латыни» или «латыни раннего средневековья».

Как раскрывается содержание понятия «латынь раннего средневековья» и в какие хронологические рамки ее обычно помещают?

1) Большинство романистов прошлого века определяли вульгарную латынь как язык социальных низов Рима. Так считали Ф. Диц,¹ Ш. Дю Канж,² Г. Гребер,³ Г. Шухардт.⁴ Примерно такого же взгляда держится И. Гофман,⁵ определяющий вульгарную латынь как «Affektsprache niederer Stils» 'Аффективный язык низкого стиля' и Э. Лёфстедт,⁶ называющий ее «Alltagssprache der sozialen Unterschicht» 'Повседневный язык социальных низов'; Ч. Гранджен⁷ говорит о вульгарной латыни как о языке «средних классов».

2) Многие считают вульгарную латынь разговорным языком, не уточняя социальной его принадлежности или распространения его на все римское население. При этом подчеркивается, что хронологически он не ограничен, существовал во все времена жизни латинского языка вообще. Эту точку зрения высказывал еще

¹ F. Diez. Grammatik der romanischen Sprachen. Berlin, 1836, S. 1.

² Ch. Du Cange. Glossarium mediae et infimae Latinitatis, I—X, Niort, 1883—1887. Praefatio: «...lingua romana» — язык солдат, принесенный ими в завоеванные страны.

³ G. Gröber. Vulgärlateinische Substrate romanischer Wörter. Grundriss der romanischen Philologie, Bd. I. Strassburg, 1904—1906.

⁴ H. Schuchardt. Der Vokalismus des Vulgärlateinischen, I—III, Leipzig, 1866—1869. «Plebeierlatein».

⁵ J. B. Hofmann. Lateinische Umgangssprache. Heidelberg, 1926, S. VIII ff.

⁶ E. Löfstedt. Syntactica, II. Lund, 1933, S. 357.

⁷ C. Grandgent. An Introduction to Vulgar Latin. Boston, 1908, p. 3: «...the speech of the middle classes...».

В. Мейер-Любке.⁸ Ее разделяет подавляющее большинство ученых XX в. — Г. Рольфс,⁹ Э. Рихтер,¹⁰ Сильва Нето,¹¹ Ф. Лот,¹² Сави Лопес,¹³ Г. Шмек¹⁴ и другие.

3) Некоторые исследователи подчеркивают, что под вульгарной латынью следует понимать не только живую, разговорную речь, но относить ее при этом к определенной поре жизни латинского языка. Так, итальянский романист К. Баттисти¹⁵ заключает вульгарию латынь в хронологические рамки «двух последних веков Республики и Империи», а М. К. Диас и Диас¹⁶ считает вульгарию латынь «общей латынью поздней поры».

4) Некоторые филологи-классики считают, что вульгарная латынь с точки зрения романистов — это не то же самое, что они сами (т. е. классики) понимают под этим термином. Так, М. Лойман,¹⁷ определяя термин «вульгарная латынь» как *sermo vulgaris* античных грамматистов, добавляет, что непосредственно этот «обычный язык» не засвидетельствован, но может быть сконструирован из отдельных частностей языка латинских авторов всех периодов — Цицерона, Горация, Светония, Петрония, Августина, Витрувия, затем языка Италии, медицинских книг, включая Муломедицину Хирона, из надписей, грамматик и глоссарiev до Appendix Probi III в. н. э. Образуется некий многообразный и дифференцированный язык, выведенный из латинских источников. По мнению автора, романисты понимают под вульгарной латынью нечто иное, а именно — некий единобразный язык, реконструируемый из романских языков и лишь в отдельных частностях совпадающий с вульгарной латынью классиков.

⁸ W. Meyer-Lübke. Einführung in das Studium der rom. Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1909, S. 97.

⁹ G. Rohlf s. Romanische Philologie, I. Heidelberg, 1950.

¹⁰ E. Richter. Der innere Zusammenhang in der Entwicklung der romanischen Sprachen. Halle, 1911, S. 77 ff.: «... gesprochene Sprache aller Perioden, aller Volksschichten...».

¹¹ Silva Neto. Fontes do latim vulgar. Rio de Janeiro, 1946: «latim vulgar = latim usual, corrente, quotidiano, de conversação».

¹² F. Lot. A quelle époque a-t-on cessé de parler latin? Alma, № 6, 1931, p. 97: «Le latin vulgaire c'est le latin parlé... C'est le latin en usage dans toutes les classes de la société, en haut comme en bas de l'échelle...».

¹³ P. Savoia-Lopez. Le origini neolatine. Milano, 1920, p. 109: «il latino volgare è il latino parlato, ... il latino vivo...».

¹⁴ H. Schmuck. Aufgaben und Methoden der modernen vulgärlateinischen Forschung. Heidelberg, 1955.

¹⁵ C. Battisti. Avviamento allo studio de latino volgare. Bari, 1949, p. 23: «... la lingua normalmente parlata nel mondo latino della maggioranza della classe media nei due ultimi secoli della repubblica e nell'impero».

¹⁶ M. C. Diaz y Diaz. Antología del Latín Vulgar. Madrid, 1950, p. 3: «se llama Latin Vulgar a una serie de fenómenos que caen fuera de área del canon literario... latín común... lengua latina de épocas tardías...».

¹⁷ Manu Leumann. Urromanisch und Vulgärlateinisch. Lingua Posnaniensis, VIII. Poznań, 1960, pp. —11.

Это утверждение Лоймана представляется основанным на ошибочном представлении о предмете стараний и методах романистов.

Наряду с этим неоднократно поднимался вопрос о принципиальном различии между латинским литературным и латинским народным языком. Все увеличивая степень отрыва первого от последнего, исследователи приходили иногда к тому, что утверждали существование двух латинских языков.¹⁸ Впрочем, мнение это уже давно оспорено и отброшено.

Думается, что можно предложить некое решение вопроса об отношении, существовавшем в период раннего средневековья между письменной и устной речью. Устная речь Романии, развившаяся из устной же речи римлян, уже довольно далеко отошла от письменного латинского языка и постепенно все больше и больше превращалась в романскую. Что касается письменной речи, то она ориентировалась на классическую латынь и была латинской в той мере, в какой это удавалось авторам, воспитанным главным образом на чтении текстов первых христианских проповедников, Библии, Евангелия и Житий святых.

Расходятся также мнения насчет единства вульгарной латыни как живого языка Романии. Если латинская речь предроманского периода была единообразна на всей территории Романии, то куда поместить хронологически первые признаки зарождения и расхождения романских языков? Обнаруживал ли латинский язык населения Римской Империи в эпоху ее наибольшего распространения более или менее значительные местные отличия, обусловленные влиянием субстратов и адстратов? Наконец, можно ли считать эти различия первым фактором, определившим после распадения Империи дальнейшее образование группы отдельных романских языков?

Большинство романистов старой школы склонялось к тому, чтобы считать вульгарную латынь более или менее единообразной на всей территории Романии. Так думал А. Мейер.¹⁹ Мейер-Любке считал, что благодаря постоянному общению между римскими провинциями вся Империя говорила на некоем «коинэ», который и явился общим источником романских языков. Расхождения, в результате которых образовалась целая языковая семья, начались, по его мнению, лишь с IV—V вв.

Мнение о единстве вульгарной латыни оспаривалось многими крупнейшими романистами. Шухардт²⁰ считал ее «суммой язы-

¹⁸ W. Meyer-Lübke. 1) Geschichte der lateinischen Volkssprache. Strassburg, 1888 (Gröbers Grundriss I); 2) Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1901, § 79.

¹⁹ A. Meillet. L'unité romane. Scientia, 1922, p. 151: «... au IIIe siècle après J.-C., il y avait encore un latin un, parlé seulement avec des accents un peu différents d'une province à l'autre».

²⁰ H. Schuchardt, ук. соч., I, Vorrede, S. IX: «... der Ausdruck Vulgärlatein streng genommen nicht eine einzige Sprache, sondern eine Summe

ковых степеней и диалектов». На точке зрения полидиалектальности вульгарной латыни стоял К. Зиттль.²¹ Он полагал, что корни романских языков уходят в полидиалектную латынь, сформировавшуюся по мере покорения римлянами провинций: чем дальше от Италии, тем более глубоки изменения в латинском языке (стр. 43).

С этим соглашался Гранджен, ²² уверенный в наличии значительных расхождений в латинском языке во времени и в пространстве.

Крайне увлекательную, хотя и не слишком убедительную теорию полидиалектальности вульгарной латыни выдвинул чешский романист Ф. Ж. Моль.²³ В основе позднейшего расхождения романских языков, говорит он, лежат диалектные черты, возникшие в латыни еще в пору ее распространения по Апенинскому полуострову. В противоположность Зиттлю он считает, что наиболее глубокие изменения латынь претерпела именно в период и в результате овладения ею италиками, для которых она была близкородственным языком.²⁴ Эти диалектальные различия Моль считает первым шагом на пути образования романских языков. Но напрасно Моль приводит интереснейший материал диалектного дробления латыни на Апенинском полуострове — его блестящая книга не столько убеждает, сколько увлекает читателя.

Русская романистика не оставалась в стороне при обсуждении столь спорного вопроса. Так, С. В. Савченко еще в 1916 г. в одной из лекций по курсу романской филологии, затрагивает вопрос о «разновидностях» латинского языка, легшего в основу языков романских. Он соглашается с мнением Ф. Дица²⁵ и Г. Шухардта,²⁶ трудами которых «... за пародной латынью окончательно утверждено ее значение как основы романских наречий, определено отношение ее к латыни классической, указаны пути и способы романизации. С этих пор никто уже не сомневался в том, от какого языка берут свое начало неолатинские наречия...».²⁷

von Sprachstufen und Dialekten von der Zeit der ersten römischen bis zur Zeit der ersten wirklich romanischen Schriftdenkmäler bedeutet».

²¹ K. S i t t l. Die lokalen Verschiedenheiten der lateinischen Sprache. Erlangen, 1882.

²² C. Grandgent, ук. соч., стр. 2.

²³ F. G. M o h l. Introduction à la chronologie du latin vulgaire. Paris, 1899.

²⁴ F. G. M o h l, ук. соч., стр. 16: «... nous n'hésitons pas à considérer le latin provincial d'Italie comme la source presque exclusive de toutes les manifestations linguistiques attribuables au latin vulgaire de l'Empire romain; c'est là, c'est dans la prononciation sabine, volsque, hernique, pélingienne, osque, marse, picénieune, falisque qu'il faut chercher la cause première des langues romanes, les premiers germes de cette forme nouvelle de la latinité».

²⁵ F. D i e z. Grammatik der romanischen Sprachen. Berlin, 1856, т. I, Einleitung.

²⁶ H. Schuchardt, ук. соч.

²⁷ С. В. Савченко. Происхождение романских языков. Киев, 1916.

Однако, если трудно принять безоговорочно мнения отдельных исследователей, в том числе увлекательную теорию Моля, то все же бесспорным представляется факт относительного разнообразия разговорного языка на огромной территории Римской Империи. И разнообразие это с течением времени увеличивалось и обострялось в условиях все растущего разобщения Романии. Не надо, пожалуй, лишь видеть в первоначальных языковых расхождениях на территории Римской Империи не только единственную, но даже решающую причину образования романских языков.

Что касается единства письменного языка Романии, то оно доказано памятниками, обнаруживающими лишь незначительные расхождения. Часто, если нет на то непосредственных указаний, бывает затруднительно локализовать тот или иной памятник. Не случайно, *Peregrinatio ad Loca Sancta* помещали то в Испанию, то во Францию, то относили его к IV, то к V или VI векам. Разумеется, в ряде случаев, такая локализация может быть с достаточной степенью уверенности осуществлена на основе особенностей лексики или произношения, отражающегося в написании слов и т. д. Но такие местные расхождения не очень значительны и наличие их не мешает говорить о единстве письменной латинской речи Романии. Последнее тем более естественно, если считать, что устная речь не была тождественна письменной латинской, а лишь в отдельных случаях влияла на нее, придавая ей, так сказать, романскую окраску.

Уже Мейер-Любке перешел от рассмотрения природы латинской речи, лежащей в основе романских языков, к изучению самого процесса их развития, т. е. к установлению времени появления тех или иных характерных для них черт, а вместе с тем к определению момента первого их возникновения.

Возникла третья проблема вульгарной латыни, вызвавшая не менее острую контроверзу.

Существует мнение, поддерживаемое некоторыми современными романистами, что начало образования романских языков следует относить к первому распространению латинского языка на территории римского государства. Так, в 1958 г. в Трудах Чехословацкой Академии наук появилась работа Максимилиана Крепинского,²⁸ в которой автор относит рождение романских языков к тому моменту, когда жители побежденных Римом провинций впервые попытались говорить на языке победителей.

Это, разумеется, уже не италики Моля, но все же ответственными за появление романских языков у Крепинского оказываются кельтский, иберский и т. п. субстраты, и время рождения романских языков переносится в очень отдаленные эпохи.

²⁸ *Rozpravý československé Akademie věd*, 1958, № 68, t. 13, *Romanica II. La naissance des langues romanes*.

Мейер-Любке²⁹ на основании изучения частных особенностей старых романских языков пришел к убеждению, что живой латинский разговорный язык существовал на территории Романии до III или даже V в.

Распадение общероманского латинского единства и появление отдельных романских языков он относил к IV или, соответственно, к V—VI вв.³⁰

Вопрос о том, с какого момента следует заменить термин «вульгарная латынь» термином «романские языки» многим казался вопросом чисто терминологическим. Однако термин в данном случае отражает очень важное обстоятельство, касающееся существа дела — превращения одного языка в другой или в другие. Необходимость давать языку Романии в каждый период его жизни соответствующее название обострила спор.

В романistique XIX и начала XX в. стало обычным относить рождение романских языков к VI—VII вв., причем этот процесс представлялся как весьма длительный и постепенный. Гранджен³¹, резюмировавший это мнение, писал, что вульгарная латынь жила до 600 г. н. э.

В противовес этой традиционной точке зрения, в 20-е годы XX в. появилось новое мнение, представленное американской романистической школой Г. Ф. Мэллера.³² У него есть целый ряд последователей — М. А. Ней,³³ Л. Ф. Сас,³⁴ П. Тэйлор,³⁵ принявшие его точку зрения и основывающиеся на ней в своих конкретных исследованиях латинских текстов меровингского периода, т. е. VI—VIII вв.

Мэллеровская школа приняла старый тезис о единобразии вульгарной латыни и ее позднейшей дифференциации, приведшей к образованию романских языков. Но при определении времени их образования она исходит из положения, что вульгарная латынь была до VIII в. общеразговорным языком Романии, сохраняла полное единобразие и что именно она представлена письменными памятниками этой поры. Столь длительное ее сохранение Мэллер объясняет межпровинциальными связями,³⁶

²⁹ См.: H. M e i e r. Ueber das Verhältniss des Lateins zu den romanischen Sprachen. Romanische Forschungen, 54, № 1, 1940, S. 180 ff.

³⁰ Ср. приведенное выше мнение А. Мейе.

³¹ С. G r a n d g e n t, ук. соч., стр. 4.

³² H. F. M u l l e r. A Chronology of Vulgar Latin. Zeitschrift für romanische Philologie, Beiheft 78, 1929.

³³ M. A. N e i. The Language of the Eighth Century Texts in Northern France, N. Y., 1932.

³⁴ L. F. S a s. The Nonn Declension System in Merovingian Latin. Paris, 1937.

³⁵ P. T a y l o r. The Latinity of the Liber Historiae Francorum. New York, 1924.

³⁶ Ср. мнение Ф. Лота (цит. соч., стр. 135) о трудности, почти невозможности каких бы то ни было перемещений в Римской Империи IV—V вв.: «On ne circule plus dans l'Empire où on circule mal».

якобы наличествовавшими даже в период германских завоеваний, а также религиозной и культурной общностью Романии. Доказательством правильности выдвинутого им мнения Мэллер считает тот факт, что в этих текстах отражено поступательное движение языкового развития, а следовательно, это и есть живой язык эпохи. Он утверждает, что невозможно допустить существование в это же время еще каких бы то ни было языковых фактов, которые не были бы представлены в меровингских текстах, т. е. в VI—VIII вв. Эта концепция вызвала двоякое отношение специалистов. Многие с ней не соглашались и не соглашаются,³⁷ хотя она и сейчас имеет последователей среди романистов разных стран.

Ученик Мэллера Сас во введении к своей большой книге о склонении в меровингских текстах утверждает, что романский язык в это время еще не существовал. Он считает, что в самих меровингских текстах можно видеть признаки устного языка, который и разовьется впоследствии во французский язык. Произойдет это, однако, лишь в конце VIII или даже в начале IX в. Таким образом, язык меровингских текстов якобы непосредственно предшествует романским языкам, образовавшимся не ранее конца VIII в. Впрочем, Сас несколько отступает от теории Мэллера считая, что поскольку не все формы меровингских текстов могли развиться в формы старофранцузские, надо признать, что письменная речь не была в это время полностью идентична устной речи. И та, и другая, однако, были латинскими.

Марио Ней в своей работе, посвященной в основном фонетике, вернее графике, меровингских текстов, утверждает, что в VIII в. вульгарная латынь еще не тронута, что нет ни одного текста, который свидетельствовал бы о существовании какой-либо новой морфологической структуры. Можно, говорит автор, усматривать лишь тенденцию, тяготение к романскому в фонологии, морфологии, синтаксисе и словаре. Свообразно толкуя фонетические особенности меровингских текстов, Ней перемещает в конец VIII в. те процессы, которые по традиции считались протекавшими в V—VII вв. Он как бы удлиняет переходный период от латинского к романскому. Считая древнейшие французские тексты IX в. непосредственным продолжением латинской письменной традиции и желая объяснить огромную разницу в языках, Ней говорит, что между вульгарной латынью и старофранцузским имел место «внезапный перелом».

Мэллер считает, что все попытки найти романские языки до 780—813 гг., т. е. до Соборов в Эксе и в Туре, потерпели неудачу. Он убежден, что латинский язык был живым языком Галлии

³⁷ См.: H. Miegel, ук. соч., стр. 184; B. E. Vidoss. Il Latino volgare, сб. Le Protolingue, Milano, 1965, p. 23: «La tesi del Muller che generalmente viene respinta, è inaccettabile...»

до последней четверти VIII в., т. е. до Каролингского Возрождения. Сас прямо говорит, что письменный язык меровингских памятников — это и есть вульгарная латынь, па которой говорили все, которая была живым языком этого времени. Уже само по себе такое утверждение не может показаться убедительным. В эпоху, когда грамотность — достояние немногих, когда письменная речь доступна лишь единицам, живая речь не может в точности совпадать с ней. И когда на рубеже VIII—IX вв. во Франции официально было признано, что народ не понимает латинского языка проповедей, это значило, что он сам уже давно не говорит на этом языке. Язык, на котором говорил народ в это время, скорей всего являлся не продолжением языка меровингских текстов, а сосуществовал с ними. Поставить эти два языка «в стык» немыслимо. Превращение одного в другой было бы необъяснимо и невозможно. Естественнее представить, что романский язык, получивший свою письменность позднее, в IX в., уже существовал некоторое время в качестве устной речи. В письменной же речи традиционно пользовались еще латинским языком. Пищущие могли даже думать, что они пишут классической латынью, которую они, впрочем, знали уже не очень хорошо; их латинский язык находился под сильным влиянием живой, вероятно уже романской, речи.

Если согласиться с Мэллером, то окажется, что меровингская латынь прямо переходит в язык древнейших французских памятников — Кантлены о Евлалии (880 г.), Страсбургской присяги (842 г.). Но ведь это уже не латынь, а совсем другой язык. И на его образование ушло лишь 40 или даже 80 лет! Это — невероятно. Более того, уже кантленена о Евлалии представляется продуктом определенной новой культуры, произведением уже в изрядной мере отработанного языка. Трудно поверить, чтобы эти древнейшие французские памятники были первыми неуверенными шагами новой письменности.

Мэллеровская точка зрения безоговорочно отвергает предположение Ф. Брюно³⁸ о том, что те французские тексты, которыми мы располагаем для IX в., не есть первые письменные памятники этого языка, а лишь самые древние, до нас дошедшие. Но это предположение не лишено привлекательности, оно небезосновательно. Более ранние памятники могли до нас не дойти, они могли быть утрачены. Гастон Парис³⁹ считал, что письменная романская традиция существовала в Галлии уже с начала IX в. Эту точку зрения разделял и Ф. Лот.⁴⁰ Д. Норберг⁴¹ склоняется к тому, что язык, на котором Григорий Турский писал

³⁸ F. Brunot. *Histoire de la langue française*, t. I. Paris, 1905, p. 138.

³⁹ *Mélanges Linguistiques, réunis par M. Rocques*, Paris, 1909, 117.

⁴⁰ A quelle époque..., p. 104.

⁴¹ Dag Norberg. *Syntaktische Forschungen*. Uppsala, 1943.

в VI в., не был тем же языком, на котором он говорил со своими друзьями. А этот последний отличался в свою очередь от языка крестьян его времени. Но различия эти он считает не очень большими, полагая, что речь Григория была понятна народу. Какому народу? Грамотному? Но грамоте в это время учились немногие, и была она латинской. Читать произведения Григория Турского могли только грамотные, т. е. знающие латынь.

Д. Норберг⁴² возражает против утверждения М. Пея, будто латынь меровингских дипломов — это не только язык высших слоев, но всего народа в целом. Невероятно, говорит Норберг, чтобы крестьяне говорили так же, как писались королевские указы, хотя бы уже потому, что канцелярский стиль, в отличие от живой речи, характеризуется консервативностью. Если же действительно говорили так, как писали, то, пожалуй, не возникло бы необходимости в реформе. Каролингское Возрождение было скорей всего реакцией против проникновения в письменную речь навыков живого языка, стремлением уберечь ее от изменений, вернуть к былой чистоте.

Реформированный письменный язык окончательно оторвался от устной речи и превратился исключительно в язык письменности, который, впрочем, продолжал существовать в качестве языка литературы, науки, церкви и образованности вплоть до позднего средневековья.

Ф. Лот выдвигал вместе с тем одно предположение, которое представляется не очень удачным. Он считал, что всякие отклонения от классической нормы в языке памятников меровингской эпохи следует относить не на счет влияния устной речи, а на счет недостаточной грамотности писцов. Но писцы не знают этой нормы именно потому, что устная речь от нее уже давно отказалась, заменила ее новой. Следовательно, письменная речь не совпадает с устной. Она продолжает быть латинской, во всяком случае ее стремится сохранить в качестве латинской, устная же речь уже отошла от нее, стала ближе к романской, а может быть, и просто романской.

Виднейшие русские и советские романисты также не принимали точку зрения Мэллера и его учеников.

Акад. В. Ф. Шишмарев достаточно ясно определил свое отношение к проблеме возникновения романских языков в работе, посвященной изучению языков Пиренейского полуострова,⁴³ в «Исторической морфологии французского языка»⁴⁴ и в статье, предпосланной «Введению в романское языкознание» М. В. Сер-

⁴² Ук. соч., стр. 17; см. также: *A quelle époque... Annales*, XXI, 2, 1966.

⁴³ В. Ф. Шишмарев. Очерки по истории языков Испании. М.—Л., 1941, стр. 62—65.

⁴⁴ В. Ф. Шишмарев. Историческая морфология французского языка. М.—Л., 1952, стр. 27—28.

гневского.⁴⁵ Владимир Федорович Шишмарев возражает против мнения Г. Мэллера, считавшего временем возникновения романских языков VIII век. Это мнение могло бы быть приемлемым, говорит он, если бы распад Римской Империи начался не раньше V в.: языковые изменения протекают очень медленно и языковая дезинтеграция должна была бы последовать еще позднее. Древнейшие письменные памятники романских языков — это только *terminus ad quem* этой дезинтеграции, а *terminus ab quo*, т. е. момент первого появления романской речи, приходится отодвигать значительно дальше.

Далее, пока жила римская литература, ее язык служил корректирующим началом живой речи, на него ориентировались, он препятствовал проникновению в письменную речь новых языковых тенденций. «Расщатывание» старых латинских языковых традиций В. Ф. Шишмарев относит к периоду III—IV вв. А расщатывание языковых традиций — это и есть появление новых тенденций, уже не латинских, а романских.

«Старая латынь, — пишет Владимир Федорович Шишмарев, — превращалась постепенно в мертвый язык, которому училось незначительное меньшинство. Медленно, но неуклонно черты нового склада стали получать все более широкое распространение и влияние и, в конце концов, превратили латинскую речь в романскую, язык нового общества...».⁴⁶ По мнению В. Ф. Шишмарева, литературная латынь уже в V в. превратилась в мертвый язык, и это обстоятельство постепенно увеличивало расстояние, отделявшее ее от обиходного, живого языка, продолжавшего развиваться свободно: «... рядом с языком меньшинства, старающегося писать, следя классическим образцам, на мертвом латинском языке, появляется письменность, язык которой... уже насквозь проникнут колебаниями и непоследовательностями, плохо прикрытыми орфографией, синтаксическими и лексическими новшествами, словом — пропитан народными элементами».⁴⁷

В 1963 г. венский лингвист Иоган Зофер взял на себя труд подытожить совместную работу латинистов и романистов по изучению латинского языка раннего средневековья и показать, какие задачи стоят перед исследователями в этой области.⁴⁸

В вопросе о том, что представляет собой латинский язык раннего средневековья, лежащий в основе романских, И. Зофер,⁴⁹

⁴⁵ М., 1952, стр. 9—10.

⁴⁶ М. В. Сергиевский, ук. соч., стр. 9—10.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ J. Sofer. Zur Problematik des Vilgärlateins. Ergebnisse und Anregungen. Wien, 1963.

⁴⁹ Там же, стр. 19—20, 41.

вслед за В. Кролем,⁵⁰ Э. Рихтер⁵¹ и Г. Шмеком,⁵² принимает термин *Vulgär latein* ('разговорная латынь'), неоднократно появлявшийся в романистической литературе.

Вопрос о времени возникновения романских языков, разумеется, также привлекает внимание И. Зофера. Он говорит об отсутствии единой точки зрения на этот счет среди ученых, будь то латинисты или романисты.

И. Зофер относится критически к гипотезе Г. Мэллера, поддержанной его учениками, будто до 800 г. латинский язык был единственным на всей территории Романии. Автор отмечает,⁵³ что, начиная с подробной рецензии И. Брюха⁵⁴ и кончая работами Ж. Страка,⁵⁵ считавшего, что уже во II, а тем более в III в. нашей эры лингвистическое единство Романии исчезло, и М. Крепинского,⁵⁶ который относит образование романских языков к моменту первых попыток побежденного населения провинций усвоить латинский язык победителей, европейские романисты, как правило, не соглашаются с мнением американских романистов.

Однако материалом для опровержения утверждений американской романистической школы обычно привлекаются данные фонетики, реже лексика. Думается, что правоту европейских ученых могут подтвердить также данные морфологии и синтаксиса.

Точку зрения Мэллера относительно времени возникновения романских языков можно было бы обойти молчанием, если бы она не имела широкого и живучего резонанса. Но она вышла за пределы Америки и находит все новых последователей. Так, уже в 1957 г. немецкий итальянист Г. В. Клейн⁵⁷ опирается на нее в своей работе по ранней истории итальянского языка.

Возникает вопрос: нельзя ли в самих письменных текстах меровингской поры усмотреть факты, свидетельствующие о существовании в это время живой, народной речи, которая уже была больше романской, чем латинской, но, как и всякая живая речь,

⁵⁰ W. K r o l l. Das afrikanische Latein, *Rheinisches Museum*, n. 52, 1898, S. 572.

⁵¹ E. R i c h t e r. Der innere Zusammenhang der romanischen Sprachen. *Zeitschrift für romanische Philologie*. Beiheft 27. Halle, 1911.

⁵² H. S c h m e c k. Aufgaben und Methoden der modernen vulgärlateinischen Forschung. Heidelberg, 1955.

⁵³ J. S o f e r, ук. соч., стр. 22, 30, 36—37, 39.

⁵⁴ J. Br ü c h, H. M u l l e r. A Chronology of vulgar latin. Halle, 1929. Rezension. *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*, № 54, 1931, S. 357—382.

⁵⁵ G. S t r a k a. Observations sur la chronologie et les dates de quelques modifications phonétiques en roman et en français pré littéraire. *Revue des langues romanes*, № 71, 1951, pp. 240—307.

⁵⁶ M. K r e p i n s k y. Romanica, II. La naissance des langues romanes. *Rozpravy Československé Akademie věd*, t. 13, № 68, Praha, 1958.

⁵⁷ H. W. K l e i n. Latein und Volgare in Italien. Ein Beitrag zur Geschichte der italienischen Sprache. München, 1957.

оказывала некоторое влияние на письменный латинский язык памятников?

Письменным языком эпохи была латынь. Авторы старались ориентироваться на классическую норму, как это известно из собственных слов, например, Григория Турского. Однако их произведения не могут не содержать фактов живой речи, которая, несомненно, на них влияла.

Изучение памятников VI—VIII вв. приводит к выделению двух серий особенностей, двух направлений, характеризующих этот письменный язык. Одни являются продолжением направлений, наметившихся в самом литературном латинском языке. Другие лежат за пределами последовательного развития этого языка. Это те факты, которые могут быть объяснены только как отражение живой речи этой поры, речи, которая уже отошла от латинской, а может быть, и просто стала уже романской.

Некоторые из этих фактов явно предвещают романские языки, которые создадут свои, качественно новые структуры и получат право на новое наименование.

Всякая живая речь неизбежно влияет на письменную, причем особенно сильно — в эпохи, когда эта письменная речь не имеет фиксированной нормы, а лишь ориентируется на некую смутно представляемую норму далекого прошлого.

В чем же в нашем случае можно усмотреть такое влияние? Обратимся к фактам, которые можно почерпнуть из письменных памятников меровингской эпохи.

Примером может служить развитие употребления предлогов и предложных конструкций в роли глагольных дополнений, становящихся постепенно на место падежных форм беспредложных дополнений или на место других предлогов. В этом процессе можно заметить два течения, принципиально различные по своему характеру, хотя они оба и приводят к аналогичным результатам, а именно — к закреплению употребления предлогов.

С одной стороны, чрезвычайно расширяется сфера предлога *de*, к этому времени самого абстрактного по значению из всех латинских предлогов. Он способен выражать наиболее обобщенное отношение между глаголом и его дополнением, т. е. только то, что действие производится «в отношении» лица или предмета, обозначенного дополнением. Не случайно именно предлог *de* служит для оформления дополнений при глаголах «речи», «мысли», «чувства» и т. д. Предлог *de* вступил на путь обобщения также и в значении удаления, перестав обозначать и здесь определенное пространственное отношение и перейдя к выражению удаления «вообще». В раннесредневековых латинских текстах *de* заметным образом теснит предлоги *ab* и *ex*, также обозначающие удаление, но при этом конкретизирующие местонахождение исходной точки движения «от» какого-то предела или «из» какого-то пункта. Замена этих конкретных предлогов предлогом *de*, имеющим самое

общее значение, иллюстрирует развитие грамматического строя от конкретного к абстрактному и продолжает линию развития предлога *de*, ведущую начало из древнейших времен.

С другой стороны, в развитии предложных конструкций той же поры намечается противоположное направление — движение от абстрактного к конкретному. Эта линия не получает объяснения из истории самого литературного латинского языка. Она обусловлена неким влиянием извне. Такое влияние могло быть только со стороны живой разговорной речи. Оно сказывалось в замене падежных беспредложных дополнений или предлогов более общего значения предлогами конкретными, живо и наглядно представляющими отношение между глаголом и его дополнением.

Например, для обозначения направленности действия к адресату, вместо беспредложного падежного дополнения, в поздних текстах регулярно появляется предлог *ad*. Вместо *ait mihi* — *ait ad me*; вместо *tradit tibi* — *tradit ad te* и т. п. Дательный падеж абстрактно обозначал адресата действия; предлог *ad* — конкретную пространственную направленность этого действия.

При дополнениях приставочных глаголов, вместо повторения предлогом приставки, как это полагалось в классической латыни, появляются предлоги, ярко и отчетливо определяющие характер отношения между глаголом и дополнением. Например:

hostes inruunt super urbem ‘враги нападают на город’;
... *inruentes...* *super* *negutiatores*, *sub noctis obscuritate* *eos gladio trucedant* (GTHF, X, 29) ‘... напав... на купцов во мраке ночи, убили их’; ... *inrueruntque Franci* *cum strepitu tubarum super Austrasiis* (LHF A, 36) ‘... под трубные звуки франки нападают на австразийцев’.

Замена слабых, становящихся невыразительными предлогов более сильными, яркими, более живо рисующими картину, — это результат влияния живой речи. К данному типу явлений относится и все учащающаяся замена предлога абстрактной совместности *cum* предлогом местного значения *apud*, а также появление предлогов *contra* и *adversus* при глаголах, обозначающих враждебные действия или враждебные отношения: *dimicare contra*, или *adversus*, вместо *dimicare cum*; *litigare contra*, вместо *litigare cum*; *adgredior contra*, вместо дополнения в винительном падеже:

... *exercitus de Burgundia...* *contra Chlothario adgrederetur* (Fr. Chr. IV, 41) ‘... войско Бургундии выступило против Лотаря’; ... *accontra parentis suis vel contra cuiuslibet hominem...* *liticare facias...* (Form. Andec. I) ‘... будешь вести тяжбу против родственников своих или против любого человека...’.

Эти факты, по-видимому, свидетельствуют о влиянии живой речи на письменную. Такие конструкции отнюдь не свойственны литературному латинскому языку, но зато они представлены сейчас во французском языке:

se jeter sur quelqu'un; lutter contre les adversités; l'ennemi est tombé sur les avants-postes; faire la guerre contre ses ennemis.

Примером влияния живого языка на письменный также может служить судьба оборота *accusativus cum infinitivo*, бывшего столь характерным для классической латыни.

Из поздних текстов видно, что оборот этот постепенно разрушается. С одной стороны, он вытесняется простым инфинитивным дополнением, с другой стороны — заменяется придаточным предложением с *quod* и *quia*.

В поздних текстах инфинитивное дополнение развивается за счет *accusativus cum infinitivo*. Этот процесс начался еще в классический период:

... castra... vallo fossaque... munire jubet (Caes. BG, 2, 5) '... приказывает укрепить лагерь... валом... и рвом'; Legis ea vis est, ut recte facere jubeat, vetet delinquare (Cic. Leg. I, 6, 19) 'Сила закона такова, что он приказывает поступать правильно и запрещает отступать от него'.

Infinitif постепенно приходит к замене *accusativus cum infinitivo* при глаголах типа *volo*, *jubeo* и т. п.:

1) *iubeo te domum aedificare*; 2) *iubeo domum aedificari*; 3) *iubeo domum aedificare*.

В последнем случае *accusativus* — дополнение инфинитива.

Примеры из Григория Турского:

baptisterium... aedificare praecepi (GTHF, 10, 31)
'я приказал... соорудить купель'; iussit elidere arborem (GTHF, V, 3) 'приказал свалить дерево'; hoc Victorius inquirere fecit (GTHF, I, Praef.) 'Викторий приказал расследовать это'.

Помимо этого, у *accusativus cum infinitivo* появляется еще один соперник. Это — придаточное предложение с *quod* и *quia*. Хотя, в сравнении с простым предложением, сложноподчиненное носит более книжный характер, относится к речи менее непосредственной, более культивированной, тем не менее, в сравнении с оборотом *accusativus cum infinitivo*, который принадлежал к хорошему литературному стилю, дополнительные предложения после глаголов «речи» представляются стилистически менее сложным и изысканным явлением. Впоследствии, в романских языках, именно этот тип придаточного предложения окажется преобладающим в случаях, где латинский язык употреблял инфинитивное предложение.

В результате развития, чуждого литературному языку, дополнительное предложение стало постоянно вводиться союзами *quia* и *quod* после глаголов типа *dicere*, *sapere*. Первым случаем такого употребления *quod* А. Эрну и Ф. Тома считают предложение из *Bellum Hispaniense*:

Legati Carteienses renuntiaverunt *quod* Pompeium in potestate haberent (36, 1) 'Картейские послы сообщили, что держат Помпея в своей власти'.

Эту же конструкцию Петроний вкладывает в уста вольно-отпущенников:

... scis *quod* epulum dedi (71, 9) '... знаешь, что я дал обед'; subolfacio *quia* epulum daturus est (45, 10) 'чую, что он даст обед'.

Следует отметить, что на употребление этой конструкции переводчиками мог в известной мере влиять и греческий язык:

Scimus *quia* hic filius noster (Vulg. Jon. 19, 20)⁵⁸ 'Мы знаем, что это сын наш'.

Quia передает греческое *εἰτι*.

Предшественник французского дополнительного предложения с *que* — предложение с *quod* и *quia* — в меровингских текстах широко применяется после глаголов *dico*, *aio*, *scio*, *novi*, *nuntio*, *audio*, при оборотах типа *non est dubium* и т. д.:

Non sine admiratione cernitur *quod* ipse sol... mundo ingeret lumen (Gr. T. Stell. 15) 'Не без восхищения мы видим, что солнце... несет миру свет'; Dico tibi *quia* iam absolvor ab his vinculis... (GTHF 6, 6) 'Говорю тебе, что освобождаюсь от этих уз...'.

В качестве традиционной литературной конструкции тексты раннего средневековья сохраняли и оборот *accusativus cum infinitivo*. Однако употребление его становилось все более редким, явное предпочтение отдавалось инфинитивному дополнению или придаточному предложению. Постепенное умирание оборота *accusativus cum iinfinitivo* подтверждается молодыми романскими языками, которые в раннюю пору своего существования почти не знали этого оборота. Так, в древнейших французских памятниках он встречался лишь после глаголов *voir*, *ouïr*, *entendre*, *sentir* и *croire*. Употребляясь при таком ограниченном числе глаголов, он превращается в нечто вроде штампа, не имеющего силы развиваться дальше. Только непосредственное книжное латинское влияние в эпоху Возрождения оживит эту конструкцию, хотя

⁵⁸ См.: H. Rönsch. Itala und Vulgata. Marbourg, 1875, S. 402.

в романских языках она навсегда останется принадлежностью литературного языка.

Такая же струя влияния живого языка прослеживается на ряде других явлений позднелатинского синтаксиса. Так, описательные глагольные формы с *habeo* — в будущем сложные формы романских глаголов — совершенно неизвестны литературному латинскому языку. Однако в архаических текстах у Плавта их появление уже намечается: *illa omnia missa habeo*,⁵⁹ *compertum ego habeo*.⁶⁰ Войди они в письменную речь, они уже давно бы развились и стали традиционными. Но в литературную латинскую речь они не проникли и стали появляться лишь в письменных памятниках раннего средневековья как результат влияния живого языка:

Metuo enim ne ibi vos habeam fatigatos⁶¹ 'Боюсь, как бы я не утомил вас'; *Promissum habemus... nihil sine eius consilio agere* (GTHF, IX, 16) 'Мы обещали не делать... ничего без его совета'.

Уже в самых ранних памятниках романских языков сложные глагольные формы — факт совершенно обычный.

Новое направление в развитии позднелатинского указательного местоимения, превращающегося в романский артикль, — несомненный факт живой речи. Где, как не в разговорном языке, возможно такое усиленное употребление указательного слова, в результате которого оно превращается в неизменного сопроводителя существительного? Сперва *ille* вытесняет все остальные указательные местоимения (*is, hic, iste*, отчасти *ipse*), а затем понемногу утрачивает свою самостоятельность.

Характерно, что *ille* в роли протороманского артикля чаще всего наблюдается в таких вульгарнолатинских текстах, которые были более близки к живой речи. Поначалу именно в непринужденно-разговорных записях между строчками текста или на полях документов указательное местоимение оказывается в роли именного сопроводителя. Такова, к примеру, шутливая надпись на полях *Lex Salica*⁶² (VII в.):

Si... non mittant ne gutta... ad *illo* botiliario fragrant *lo* cabo, at *illo* scanciono tollant *lis* potionis... 'Если не будет налито ни капли,... кабатчику разобьют голову, а у виночерпия отнимут напитки....'

⁵⁹ См.: Ph. Thielmann. *Habere mit dem Particinum perfecti passivi*. Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik, Leipzig, 1885, Jhg. II.

⁶⁰ Sallust. См.: I. Draeger, ук. соч., стр. 295.

⁶¹ См: A. Regnier. *La latinité de St Augustin*. Paris, 1886, p. 28.

⁶² J. Hessels and H. Kern. *Lex Salica*. London, 1880, p. XLIV.

Ж. Вельярд⁶³ и Э. Гамильшег⁶⁴ устанавливают появление постпозитивного романского артикля в VIII в. и даже раньше.

Р. Г. Пиотровский образование препозитивного артикля относит к середине VII в.⁶⁵

То же можно сказать о порядке слов в текстах меровингской латыни. Чем более литературным является текст, т. е. чем образованнее автор, тем меньше в нем романских черт. Иногда это даже не очень зависит от времени создания памятника. Так, часто Жития, написанные хорошо осведомленными в латинском языке монахами, в значительной степени сохраняют принципы латинского расположения слов в предложении. В памятниках же, более непосредственно отражающих живую речь, порядок слов другой, почти романский. Не случайно многие исследователи, занимавшиеся изучением порядка слов в латинском и романских языках, сходятся на том, что изменение порядка слов от латинского к романскому есть результат стремления к выразительности, способ подчеркнуть важное в предложении, стремление быть адекватно понятым собеседником, т. е. явление устной речи, попадающее из нее в письменный язык.

Думается, что на основании сказанного представляется возможным выдвинуть следующее предположение: меровингские тексты — это образец письменного языка эпохи, который еще был латинским, но отличался рядом особенностей отчетливо разговорного характера и притом особенностей, предвосхищающих черты романских языков. Они могли войти в язык памятников только из живого языка, который в это время был уже, видимо, романским. Нет ничего удивительного, что авторы или писцы, хотя и стремились писать правильно по-латыни, довольно плохо успевали в этом и незаметно, быть может, для самих себя включали в письмо привычные им романизмы из живой речи, звучавшей вокруг них, из языка, на котором они сами говорили. Однако для того чтобы оказаться перенесенными в письменные памятники, романские языковые факты должны были закрепиться, прочно войти в устную речь, т. е. бытовать уже довольно значительное время на территории Галлоромании.

Р. Г. Пиотровский и Б. И. Надэль⁶⁶ предполагают, что отставание письменного языка в усвоении навыков, характеризую-

⁶³ J. Vicilliard. *Les diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*. Paris, 1927.

⁶⁴ E. Gamillscheg. Zum romanischen Artikel und Possessivpronomen. *Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse*, Bd. XXI—XXIX, Berlin, 1936, S. 342.

⁶⁵ Р. Г. Пиотровский. Формирование артикля в романских языках. М., 1960, стр. 37.

⁶⁶ Р. Пиотровский и Б. Надэль. О хронологических поправках в диахронических исследованиях. Вопросы языкоznания, 1959, № 3.

щих устную речь, составляет период приблизительно в 100—120—140 лет. Иными словами, век—полтора уходит на то, чтобы явления, уже сформировавшиеся и укрепившиеся в устной речи, перешли в письменные памятники.

Факты, которые проникали из устной речи в письменную, могли не совпадать по своему характеру с той линией развития, которая была свойственна литературному языку и которая наметилась для отдельных языковых явлений еще в классическую пору. Они могли оказываться даже диаметрально противоположными, создавая как бы двойную, противоречивую линию развития. Это свидетельствует о том, что они принадлежали уже не латинскому, а другому языку, который обнаруживал новые черты, новые тенденции, представляя собой новую систему, новый языковый тип, т. е. был романским.

Ф. Лот⁶⁷ утверждает, что уважение к латинской традиции не позволяло авторам конца Империи и раннего средневековья писать так, как они говорили. При этом он думает, очевидно, о латинском языке; и все же он, вероятно, более прав, чем Мэллер и его ученики, считающие, что в это время говорили именно так, как писали.

Чтение памятников меровингской эпохи наводит на мысль, что язык их — письменный язык того времени — это обедневшая латынь, сильно модифицируемая под пером авторов, хотя и старавшихся писать на «подлинном» латинском, т. е. на классическом языке, но не бывших в состоянии справиться с этой задачей. Образование упало. Иногда авторы сознают свое бессилие, сами говорят об этом.⁶⁸ Живая речь врывается в их писания, романизмы изменяют облик письменной латинской речи. Романские пароды накануне создания собственной романской письменности всё менее успешно справляются с трудностями литературной латинской традиции, которую расшатывают навыки устной романской речи.

Таким образом, языковые факты в памятниках меровингского периода дают основания для возражения школе Мэллера, утверждавшего, что романские языки возникли лишь в последней четверти VIII в. или даже в начале IX в.

Представляется возможным высказать предположение, а может быть, даже и уверенность, что устная романская речь, по крайней мере на территории франкского государства, существовала уже в VI—VIII вв., где она оказывала заметное влияние на латинскую письменность этой поры.

Когда создастся романская письменность, например во Франции — французская, она будет сосуществовать с латинской и даже в известном смысле находиться под ее влиянием. Это влия-

⁶⁷ Ук. соч., стр. 103.

⁶⁸ Ср. предисловие Григория Турского к его «Истории Франков».

ние скажется прежде всего в характере первых французских памятников, содержание которых навеяно чтением Священного Писания и Житий святых. Постепенно уступая все более и более значительное место новой романской письменности, латынь все же долго еще будет жить на территории романских стран как язык религии, администрации, науки и даже литературы. Она не дает начала романской письменности, возникшей из живого языка, а переходит постепенно в средневековую латынь, которая вплоть до нового времени отчасти остается в некоторых сферах письменным языком романских стран.

С О К Р А І І Е Н И Я

- Actus Petri — *Acta apostolorum apocrypha*, I. Ed. R. A. Lipsius, Lipsiae, 1891, c. XX. *Actus Petri cum Simone*.
- Aul. Gell. — *Aulus Gellius. Noctium Atticarum libri XX. Ex recensione M. Hertz*, vol. 1—2, Berolini, 1883.
- Bellum Hispaniense — *Commentarius de Bello Hispaniensi ex recensione B. Kübleri*. Lipsiae, 1897.
- C. Nep. — *C. Nepos. Œuvres. Texte établi par A. M. Guillemin*. Paris, 1923.
- Caes. BC — *Caesar C. I. Commentarii belli civilis*. Ed. A. Klotz, Lipsiae, 1850.
- Caes. BG — *Caesar C. I. Commentarii belli gallici*. Ed. A. Klotz, Lipsiae, 1852.
- Cato Agr. — *Cato Marcus Porcius. De agri cultura*. Ed. A. Mazzarino, Lipsiae, 1962.
- Cic. De or. — *M. Tullii Ciceronis scripta quae manserunt omnia*. Lipsiae, 1949—1961.
- Verr.
Tusc.
Off.
Fin.
Fam.
Att.
Brut.
Catil.
Flacco
Rep.
Ph.
Leg.
Columella — *L. I. M. Columella. De re rustica libri XII* cu-
rante M. Gesnero. Mannhemii. 1781.
- Cont. Fred. — *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici Continuationes*, MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. II. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1888.
- Conv. Afræ — *Conversio et passio Afræ*. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. III. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1896.
- Cr. de Tr. Yvain — *Kristian von Troyes. Yvain*. Hgg. v. W. Foerster, Halle, 1891.
- Daret. Hist. — *Daretis Frigii Historia de origine Francorum* MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. II. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1888.
- Dipl. Kar. — *Diplomata Karolina*. MGH, *Diplomatum Karolinorum* t. I. Ed. E. Mühlbacher, Hannoverae, 1906.

- Eneas — Salverda de Grave, *Eneas. Texte critique.* Halle, 1891.
 Enn. Ann. Inc. — Ennianae poesis reliquiae. Ed. I. Vahlen, Lipsiae, 1903.
 Form. Andec. — Formulae Andecavenses. MGH, *Leges*, t. V. *Formulae merovingici et karolini aevi.* Ed. Zeumer, Hannoverae, 1886.
 Fr. Chr. — Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. II. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1888.
 G. Dagob. — Gesta Dagoberti regis. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. II. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1888.
 Gesta Theod. — Gesta Theoderici regis. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. II. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1888.
 Gr. T. Virt. Mart. — Gregorii Turonensis opera. *Miracula et opera minora.* MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. I, Pars II. Ed. B. Krusch et W. Arndt, Hannoverae, 1885.
 Virt. Iul.
 Vitae Patr.
 Gl. Conf.
 Gl. Mart.
 Mir. Andr.
 7 Dorm.
 Stell.
 GTHF — Gregorii episcopi Turonensis Historiarum libri decem, vol. I—II. Berlin, 1955—1956.
 Hor. Od. — Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden. Hgg. v. A. Kiessling, Berlin, 1884.
 Hor. Sat. — Q. Horatius Flaccus. Satiren. Hgg. v. A. Kiessling, Berlin, 1886.
 Itala — Itala. Das Neue Testament in altlateinischer Übersetzung. Hgg. v. Ad. Jülicher, Berlin, 1938.
 Itiner. Hier. — Itineraria Hierosolymitana seculi IV—VIII. Ed. P. Geyer, *Corpus scriptorum ecclesiasticorum*, vol. 39, Wien, 1898.
 LHF — Liber Historiae Francorum. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. II. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1888.
 Lex Sal. — Lex Salica. Ed. J. Hessels and H. Kern, London, 1880.
 Lucan. — *Lucanus, Marcus Annaeus.* La guerre civile. Texte établi par A. Bourgery, t. 1—2, Paris, 1929.
 Lucr. — *Lucrillus T. Carus.* *De rerum natura.* Ed. J. Martin, Leipzig, 1957.
 Marc. Empir. — Marcelli de medicamentis liber rec. M. Niedermann, Lipsiae, 1916.
 Mul. Chir. — Proben aus der Mulomedicina Chironis. Hgg. v. M. Niedermann, Heidelberg, 1910.
 Ogier le Danois — Adenel le Roi. *Les Enfances Ogier.* Ed. A. Scheler, Bruxelles, 1874.
 Oribas. Syn. — *Oribasins Latinus Synopsis*, v. H. Mørland, Oslo, 1940.
 Ov. Art. am. — *Ovidius P. N. Ars amatoria.* Ed. C. de Boer, Amsterdam, 1956.
 Ov. Her. — *Ovidius P. N. Heroines.* Ed. H. Dörrie, Göttingen, 1960.
 Ov. Met. — *Ovidius P. Naso.* *Metamorphoses.* Ed. R. Ehwald, Berlin, 1925.
 P. Acaun. Mart. — *Passio Acaunensium martyrum.* MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum* t. III. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1896.

- P. Afrae — *Conversio et passio Afrae*. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum t. III*. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1896.
- P. Floriani — *Passio Floriani*. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum t. III*. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1896.
- P. Quir. — *Passio Quirini*. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum t. III*. Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1896.
- Pall. Op. agr. — *Palladius*. *Opus agriculturae*. Hgg. v. J. C. Schmitt, Leipzig, 1898.
- Peregr. — *Silvae vel potius Aetheriae peregrinatio ad loca sancta*. Hgg. v. W. Hereus, Heidelberg, 1939.
- Petr. Sat. — *C. Petronius Satyricon*. Paris, 1959.
- Pl. Amph. As. Bacch. Cas. Epid. Men. Mil. gl. Pseud. Trin. — *Plautus*. *Comédies*. Texte établi et traduit par A. Ernout, Paris, 1932—1936.
- Plinius Ep. — *Plinius Caecilius Secundus*. *Epi-stulae*. Ed. S. E. Stout, Bloomington, 1962.
- Plin. NH — *C. Plinius Secundus*. *Historia Naturals*. Ed. A. Önnerfors, Uppsala—Wiesbaden, 1956.
- Prop. — *The elegies of Propertius*. Ed. H. E. Butler, Oxford, 1933.
- Raoul de Cambrai — *Raoul de Cambrai*. *Ghanson de geste*. Ed. P. Meyer et A. Longnon. Société des anciens textes français, Paris, 1882.
- Sall. Jug. — *C. Sallusti Crispi Catilina, Jugurtha*. *Fragmenta ampliora*. Ed. A. Kurfess, Leipzig, 1957.
- Salv. De gub. — *Salviani presbyteri Massiliensis opera omnia recensuit F. Paulus*. Vindobonae, 1883.
- Seneca Ben. — *Seneca L. A. Des bienfaits*. Ed. F. Préchac, Paris, 1926—1927.
- T. Liv. — *Titi Livi Ab urbe condita*. Ed. S. Weissenhorn, Berlin, 1891.
- Tac. Ann. — *Tacitus C. Annales*. Ed E. Koestermann, Lipsiae, 1952.
- Tac. Hist. — *P. C. Taciti libri historiarum*. Ed. C. Halm. Lipsiae, 1957.
- Ter. Ad. Eun. Hec. Ph. Tert. Nat. — *Terentius Afer Publius*. Théâtre complet des latins comprenant Plaute, Térence et Sénèque le Tragique. Paris, 1844.
- V. Acaun. — *Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera*. Turnholti, 1954.
- V. Aniani — *Vita Acaunensium Martyrum*. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum t. V*. Ed. B. Krusch et W. Levinson, Hannoverae, 1896.
- V. Audonii — *Vita Aniani*. Там же.
- V. Genov. — *Vita Audonii*. MGH, *Scriptorum rerum merovingicarum t. V*. Ed. B. Krusch et W. Levinson, Hannoverae et Lipsiae, 1910.
- V. Genov. — *Vita Genovaeae*. MGH, *Scrpitorum rerum merovingicarum t. III*. Ed. B. Krusch. Hannoverae, 1896.

- V. Lucii — Vita Lucii. Там же.
V. Memorii — Vita Memorii. Там же.
V. Servatii — Vita Servatii. Там же.
V. Wandr. — Vita Wandregiseli. MGH, Scriptorum rerum mero
vingicarum t. V. Ed. B. Krusch et W. Levinson.,
Hannoverae et Lipsiae, 1910.
Val. Max. — Valerius Maximus. Dictorum factotum-
que memorabilium libri IX. Ed. J. Minellii, Roter-
dami, 1681.
Varro. Re rust. — Varro M. T. Rerum rusticarum libri tres. Ed.
G. Goetz, Lipsiae, 1912.
Venant. Fort. Carm. — Venantii Fortunati Pictavensis episcopi opera om-
nia. Ed. D. Michaelis. (Без даты, без места).
Verg. Aen. — Vergilius P. M. Aeneidos libri I—XII. Re-
censuit O. Ribbeck, Lipsiae, 1898.
Vitae Patrum — Vitae Patrum. Patrologiae cursus completus ed.
J. P. Migne. Series latina, vol. 72—73. Paris, 1844—1864..
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Введение	3
Г л а в а п е р в а я . И н ф и н и т и в н о е д о п о л н е н и е в я з ы к е п а м я т н и к о в р а н и е с р е д н е в е к о в о й л а т y n i	5
Инфинитив в классической латыни	5
Инфинитив — соперник геундия и геундива в латинских текстах раннего средневековья	15
Дополнения при глаголах движения	15
Дополнения цели при глаголах, не обозначающих передвижение в пространстве	24
Разрушение конструкции <i>accusativus cum infinitivo</i>	43
Глаголы, обозначающие побуждение, приказание, принуждение, требование, приглашение, просьбу	44
Глаголы со значением «допускать», «терпеть», «обещать», «позволять», «запрещать»	66
Инфинитив при безличных оборотах	71
Приименной инфинитив	74
Инфинитив при именах существительных	74
Инфинитив при именах прилагательных	77
Г л а в а в т о р а я . М е с т о г л а г о л а в п�едлoжeнии рaнneсреднeвeкoвой лaтyni	84
О порядке слов в классической латыни	84
Место глагола в предложении классической латыни	86
Место глагола в предложении поздней латыни	92
Относительные придаточные предложения	109
Дополнительные придаточные предложения	112
Обстоятельственные придаточные предложения	113
Г л а в а т р eтъя . О «вульгарной» латыни и времени возникновения романской речи	129
Сокращения	148

Елизавета Артуровна Реферовская ИСТОКИ АНАЛИТИЗМА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом языкоznания Академии наук СССР

Редактор Издательства А. А. Зырин. Художник Д. А. Андреев. Технический редактор Г. П. Арефьева. Корректоры К. И. Видре, Л. Я. Комм и А. Х. Салтанаева

Сдано в набор 2 /II 1966 г. Подписано к печати 20/V 1966 г. РИСО АН СССР № 71-147В.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 4³/₄. Печ. л. 9¹/₂=9.50 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 9.55. Изд. № 2757. Тип. зак. № 761. М-06836. Тираж 2300. Цена 60 коп.

Ленинградское отделение Издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1.